

КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

МЕЧ И ЦИТАДЕЛЬ

fanzon

Книга Нового Солнца

Джин Вулф

Меч и Цитадель

«ЭКСМО»

1981-1982

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вулф Д.

Меч и Цитадель / Д. Вулф — «Эксмо», 1981-1982 — (Книга Нового Солнца)

ISBN 978-5-04-174770-1

Премия «Локус». Британская премия фэнтези. Мемориальная премия Джона Кэмпбелла. Премия «Аполло». Китайские премии «Галактика» и «Туманность». Финалист премий «Хьюго», «Небьюла», «Балрог», премии Британской ассоциации научной фантастики, Всемирной премии фэнтези. Премии журнала SF Chronicle и альманаха Gigamesh. «Меч и Цитадель» – вторая половина прославленной магической тетралогии «Книги Нового Солнца». «Меч ликтора» Севериан, ставший ликтором города Тракса, снова нарушает свой долг палача и устраивает побег женщине, которую должен был убить. Он вынужден бежать на север Содружества, в горы, преследуемый стражей Тракса и чудовищами, посылаемыми его старыми врагами. На севере полыхает война: войска Автарха сражаются с армией асциан. «Цитадель Автарха» История Севериана близится к финалу. Он откроет источник сил Когтя Миротворца и познает природу Автарха. Севериан вернется в Несс, в Цитадель, к своим учителям, но уже в новом качестве. Станет ли бывший палач Новым Солнцем? «Лучшая фантастика за последнее столетие». – Нил Гейман «"Книга Нового Солнца" почти душераздирающе хороша, богата и полна нюансов, которые проявляются с каждым перечитыванием. Это шедевр Джина Вулфа». – Дэвид Лэнгфорд, критик, десятикратный лауреат премии «Хьюго» «Удивительно колоритная и изобретательная книга... Самый экстраординарный герой за всю историю эпического фэнтези». – The Washington Post «Шедевр научной фантастики, сравнимый по значимости с главными работами Толкина и Льюиса». – Publishers Weekly «Книга содержит элементы аллегории Спенсера, сатиры Свифта, общественной сознательности Диккенса и мифологии Вагнера. Вулф создает поистине чуждый социум, который читатель начинает ощущать изнутри... Попав в него, остановиться уже невозможно». – The New York Book Reviews

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-174770-1

© Вулф Д., 1981-1982

© Эксмо, 1981-1982

Содержание

Меч ликтора	7
I. Владыка Дома Оков	7
II. Над порогами	12
III. Убогий хакаль	16
IV. В бартизане Винкулы	21
V. Кириака	26
VI. Библиотека Цитадели	30
VII. Влечения	34
VIII. У обрыва	37
IX. Саламандра	40
X. Свинец	44
XI. Десница прошлого	47
XII. Вслед за текущей водой	53
XIII. В горы	57
XIV. Домик вдовы	62
XV. «Он там, впереди!»	66
XVI. Альзабо	71
XVII. Меч ликтора	76
XVIII. Два Севериана	80
XIX. Сказка о мальчике по прозвищу Лягушонок	85
Часть первая. Раннее Лето и ее сын	85
Часть вторая. Как Лягушонок нашел новую мать	86
Часть третья. Золото Черной Смерти	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Джин Вулф

Меч и Цитадель

Gene Wolfe
The Sword of the Lictor
Copyright © 1981 by Gene Wolfe

Gene Wolfe
The Citadel of the Autarch
Copyright © 1982 by Gene Wolfe

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022

© М. Назаренко, послесловие, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Меч ликтора

*Уходят вдаль людских голов бугры,
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я – сказать, как солнце светит...*

Осип Мандельштам

I. Владыка Дома Оков

– Не по себе мне там было, Севериан, очень не по себе, – призналась Доркас. – Стою я под таким водопадом в жарко-жарко натопленной комнате... не знаю, может, в мужской половине иначе устроено? И всякий раз, как выступлю из-под него, слышу их пересуды – обо мне. О нас. Тебя называют черным мясником, душегубом и еще много кем... не хочу пересказывать.

– Это вполне естественно, – ответил я. – Скорее всего, до тебя здесь людей новых, со стороны, месяц, а то и больше не видели, так стоит ли удивляться, если местные только о тебе и судачат, а пара женщин, знающих, кто ты, горды этим настолько, что небылицы начинают выдумывать? Что до меня, я к такому давно привык, и по пути сюда ты наверняка много раз слышала нечто похожее – я-то уж точно слышал.

– Верно, слышала, – согласилась Доркас, присаживаясь на каменный выступ под амбразурой.

Внизу, под стеной, раскинулся город. Загоравшиеся один за другим фонари множества лавок мало-помалу наполняли долину Ациса нежным, желтоватым, точно лепестки жонкиля, сиянием, однако Доркас их словно бы не замечала.

– Теперь ты, думаю, понимаешь, отчего устав нашей гильдии запрещает жениться, хотя этим пунктом я, как уже много раз говорил, ради тебя готов поступиться в любой момент, только пожелай.

– То есть мне лучше жить где-то еще, а тебя навещать всего раз или два в неделю или ждать, пока ты сам не придешь повидаться?

– Именно так обычно и делается. Ну а женщины, судачившие о нас сегодня, со временем поймут, что однажды сами – либо их мужья, либо сыновья – тоже могут угодить ко мне в руки.

– Нет же, пойми: все это, в общем, вздор. Главное...

На сем Доркас умолкла, а после довольно долгого молчания встала и принялась расхаживать взад-вперед, крепко обхватив ладонями прижатые к груди локти. Подобного я за ней прежде не замечал никогда и не на шутку встревожился.

– Так что же главное? – спросил я.

– Что все это прежде было неправдой, а вот сейчас – правда.

– Но я прибегал к Искусству всюду, где для меня находилась работа. Исполнял приговоры городских и деревенских судов. И ты не раз глядела на меня из окна, хотя в толпе, среди зевак, тебе не нравилось – в чем я тебя понимаю вполне.

– Я не смотрела, – возразила Доркас.

– А я помню, что видел тебя.

– Однако я не смотрела. Не смотрела, как все это происходит. А ты, сосредоточившийся на казни, не видел, как я ухожу от окна или прикрываю глаза ладонью. Обычно я любовалась тобой, махала тебе, когда ты в самом начале вспрыгивал на эшафот. В эти минуты ты так

гордился собой, держался прямее собственного меча, так был прекрасен... прекрасен и честен. Помнится, однажды рядом с тобой стояли какой-то чиновник, приговоренный и иеромонах – и только твое лицо казалось честным, открытым.

– Вот моего лица ты видеть никак не могла. Я ведь неизменно выхожу на эшафот в маске.

– А мне, Севериан, и не нужно было его видеть. Я просто знала, как ты выглядишь.

– Разве сейчас я выгляжу как-то иначе?

– Нет, – нехотя подтвердила Доркас. – Но я же спускалась туда и видела там, в подземельях, людей, закованных в цепи. И сегодня мы с тобой, уснув в мягкой постели, будем спать прямо над ними. Сколько их, ты говорил, когда водил меня вниз?

– Около тысячи шестисот. Но неужели ты всерьез веришь, будто эти тысяча шестьсот человек оказались бы на свободе, не будь здесь их стража, меня? Вспомни: в подземелья их бросили задолго до нашего появления.

Но Доркас упорно смотрела куда угодно, только не на меня. Плечи ее заметно подрагивали.

– Будто огромная общая усыпальница, – сказала она.

– Так оно и есть, – подтвердил я. – Конечно, архонт мог бы освободить их, но кто воскресит тех, кого они погубили? Тебе ведь еще не доводилось терять близких?

Доркас молчала, словно о чем-то задумавшись.

– Спроси жен, матерей и сестер тех, чьи тела наши пленники оставили гнить там, наверху, не следует ли Абдиесу отпустить их.

– Только саму себя, – отрешенно проговорила Доркас и задула свечу.

Тракс – все равно что кривой кинжал, вогнанный в сердце гор. Расположенный в нешироком дефиле долины Ациса, он тянется вдоль реки кверху, до самого замка Акиэс. Все ровное место от замка до стены (называемой Капул), замыкающей узкую часть долины внизу, занимают арена, пантеон и прочие общественные здания. Постройки частные взбираются вверх по обоим склонам, причем многие их помещения выдолблены прямо в скале; из-за этого-то обыкновения Тракс и удостоен одного из своих прозваний – Град Без Окон.

Преуспеванием город обязан местоположению: находится он в самом конце судоходной части реки. Здесь, в Траксе, все товары, перевозимые на север по Ацису (многим из коих пришлось преодолеть девять десятых протяженности Гьёлля, прежде чем достичь устья его рукава, а может, и истинного истока), необходимо выгружать на берег и, если нужно, везти далее на спинах вьючных животных. Гетманам горных племен и местным помещикам, желающим отправлять по воде в южные поселения шерсть и кукурузу, также приходится везти товары в Тракс и нанимать под них баржи здесь, ниже ревущих порогов, увенчанных арчатым водосливом замка Акиэс.

Крепость в немирных, беспокойных краях – неизменный оплот и символ закона, и посему главной заботой городского архонта было отправление правосудия. Дабы диктовать свою волю живущим вне городских стен (а в ином случае те вполне могли бы и воспротивиться), он располагал семью эскадронами димархиев, каждый из коих возглавлял собственный командир. Судебные слушания устраивались ежемесячно, от первого появления на небе новой луны до наступления полнолуния. Открывались они в начале второй стражи утра и продолжались сколько потребуется, до исчерпания дневного реестра подлежащих разбирательству дел. Мне, главному исполнителю приговоров архонта, вменялось в обязанность присутствовать на заседаниях (таким образом, архонт мог быть уверен, что передающие мне его распоряжения не смягчат и не ужесточат назначенных им наказаний), а еще я распоряжался всеми делами, касавшимися содержания заключенных в Винкуле. Иными словами, исполнял я, пусть в несколько меньшем масштабе, те же обязанности, что и мастер Гюрло у нас, в Цитадели, и первую пару недель, проведенных в Траксе, служба давалась мне нелегко.

Одна из максим мастера Гюрло гласила: идеально устроенных тюрем на свете нет. Подобно большинству банальных мудростей, высказываемых в назидание молодым, эта была совершенно неоспорима, но и в высшей степени бесполезна. Из тюрем от веку бегут тремя, всего тремя способами: тайком, силой либо благодаря измене тех, кто поставлен их охранять. Отдаленность мест заключения затрудняет тайное бегство надежнее всего – по этой причине ее и предпочитает любой, много думавший над данным вопросом.

К несчастью, пустыни, вершины гор и уединенные острова являют собой наиболее благодатную почву для побегов, совершаемых с помощью грубой силы: если тюрьма осаждена друзьями заключенных, узнать о сем факте вовремя весьма затруднительно, а усилить ее гарнизон присланными подкреплениями практически невозможно; если же бунт поднят самими заключенными, войскам также вряд ли удастся подоспеть к месту происшествия до завершения дела.

Устройство тюрьмы в густонаселенных и хорошо охраняемых землях позволяет избежать этих трудностей, однако порождает другие, куда серьезнее. Для побега из таковой заключенному достаточно помощи не тысячи, а всего-навсего одного-двух друзей, причем не обязательно умелых бойцов – вполне сойдет и поденщица-поломойка, и уличный лоточник, хватило бы им только ума да решимости. Мало этого: едва оказавшись за стенами тюрьмы, заключенный немедля затеряется в безликой толпе, и чтобы снова схватить его, потребуются уже не охотники с собаками, а соглядатаи и доносчики.

В нашем случае об обособленной тюрьме в отдаленных местах не могло быть и речи. Даже если придать в помощь тюремщикам-клавиграм гарнизон, достаточный для отражения набегов автохтонов, зооантропов и культеллариев, рышущих за городом, не говоря уж о вооруженных дружинах мелких экзультантов (на каковых никогда ни в чем нельзя положиться), снабжение подобной тюрьмы не обойдется без целого войска для сопровождения обозов с припасами. Таким образом, Винкулу властям Тракса, за неимением выбора, пришлось поместить в городских стенах, а именно – примерно посередине склона долины на западном берегу, этак в полумиле, или около того, от Капула.

Древней постройки, Винкула неизменно казалась мне предназначенной под тюрьму изначально, хотя, согласно легенде, некогда строилась как гробница, а расширена и перестроена для новой цели была всего две-три сотни лет тому назад. Для наблюдателя с более удобного, просторного восточного берега она выглядела словно прямоугольный бартизан, торчащий из камня, с фасадом четырех этажей в высоту и плоской, окаймленной зубцами крышей, примыкающей дальним краем к отвесной скале. Эта видимая часть тюрьмы, которую многие гости города наверняка полагают всей тюрьмой целиком, на деле – лишь крохотная, самая незначительная ее доля. Во времена моего ликторства там находились только кабинеты чиновников, казармы для клавигеров да мои собственные жилые покои.

Заключенные размещались в наклонной штольне, уходящей глубоко в толщу камня. Держали их не в отдельных камерах-одиночках, как наших клиентов, обитателей подземелий моей родной башни, но и не в общем зале, с каким мне довелось столкнуться в Обители Абсолюта, побывав в заключении самому. Здесь заключенных в прочных железных ошейниках приковывали вдоль стен штольни на цепи, а посередине оставляли достаточно места, чтоб двое клавигеров могли пройти между подопечными бок о бок, не опасаясь кражи вверенных им ключей.

Длина штольни – около пяти сотен шагов – позволяла разместить в ней тысячу с лишним заключенных. Вода вниз поступала из резервуара, вмурованного в камень на вершине утеса, а избыток ее всякий раз, как резервуару угрожало переполнение, ополаскивал штольню от начала до конца. Канализационный колодец, пробитый в нижней ее части, отводил нечистоты в трубу, тянувшуюся от подножья скалы за стену Капула, а там, ниже города по течению, нечистоты сливались в Ацис.

Должно быть, некогда, изначально, из прямоугольной башенки прилепившегося к скале бартизана да этой вот самой штольни состояла вся Винкула. Впоследствии к ней прибавилось

множество ветвящихся галерей и параллельных штолен – результатов многочисленных попыток освободить заключенных, пробив в подземелья туннель из той или иной частной резиденции на склоне утеса, а также рытья контрмин, призванных сии попытки предотвратить – ныне также используемых для размещения заключенных.

Все эти скверно продуманные (а то и не продуманные вообще) дополнения изрядно усложняли порученную мне задачу, и посему первым моим свершением в должности ликтора стало начало избавления от ненужных и нежеланных проходов путем заполнения оных смесью речной гальки, песка, щебня и негашеной извести с водой, вкупе с расширением и соединением меж собою оставшихся коридоров таким образом, чтобы в итоге сообщить подземельям должную рациональность. Увы, работы эти, при всей их необходимости, продвигались вперед крайне медленно, поскольку освободить для их исполнения более двух-трех сотен заключенных одновременно возможным не представлялось, да и состояние их здоровья оставляло желать много лучшего.

В течение первой пары недель после того, как мы с Доркас прибыли в Тракс, все мое время без остатка пришлось посвятить делам службы. Таким образом, осваиваться на новом месте за нас обоих выпало Доркас, а я строго-настрого наказал ей повсюду, где только возможно, расспрашивать о Пелеринах. Весь долгий путь от Несса до Тракса я ни на минуту не забывал, что Коготь Миротворца по-прежнему при мне, и память о нем весьма меня тяготила. Теперь же, когда путешествие подошло к концу и я лишился возможности попутно искать следы Пелерин и даже успокаивать себя заверениями, будто наши пути когда-нибудь, с течением времени, непременно пересекутся, бремя сие сделалось просто невыносимым. В дороге я спал под звездным небом, пряча самоцвет за голенищем, а при тех редких случаях, когда нам случалось заночевать под крышей, – в носке сапога. Здесь, в Траксе, я обнаружил, что вовсе не способен уснуть, если он не со мной, если я, проснувшись посреди ночи, не могу сразу же убедиться, что камень никуда не исчез. В конце концов Доркас сшила мне для него мешочек-ладанку из тонкой кожи, и эту ладанку я не снимал с шеи ни днем ни ночью. Не менее дюжины раз в течение тех первых недель мне снилось, будто камень пылает огнем, паря надо мною в воздухе, точно горящий собор, ему же и посвященный, а после, проснувшись, я обнаруживал, что Коготь испускает ослепительный свет, различимый даже сквозь тонкую кожу. Вдобавок каждую ночь я раз, а то и два просыпался лежащим навзничь, оттого что ладанка на груди казалась такой тяжелой, словно вот-вот раздавит меня насмерть, хотя ее не составляло никакого труда поднять двумя пальцами.

Доркас заботилась обо мне, помогала, чем только могла, однако я прекрасно видел, что резкая перемена в связующих нас отношениях не прошла для нее незамеченной и тревожит ее куда сильнее, чем меня. Согласно моему опыту, подобные перемены приятными не бывают – хотя бы лишь потому, что, весьма вероятно, влекут за собою дальнейшие перемены. Путешествуя вместе (а путешествовали мы с большей или меньшей расторопностью с той самой минуты в Саду Непробудного Сна, когда Доркас помогла мне, едва не захлебнувшемуся, выбраться на наплавную тропку из примятой осоки), мы были равными, товарищами, преодолевавшими каждую пройденную лигу на собственных ногах или на собственном скакуне. Если я в какой-то мере и служил ей защитой, то Доркас в той же степени служила мне моральной опорой, ибо немногим удавалось подолгу изображать презрение к ее невинной красоте либо вслух ужасаться моему роду занятий, глядя на меня и – хочешь не хочешь – видя рядом ее. Доркас была мне советницей в минуты растерянности и верной спутницей в сотне безлюдных земель.

Когда же мы наконец вошли в Тракс и я вручил городскому архонту рекомендательное письмо от мастера Палемона, все это, разумеется, естественным образом завершилось. Мне в одеяниях цвета сажи более ни к чему было опасаться уличных толп – напротив, встречные трепетали передо мной, главой самой жуткой ветви законной власти, а Доркас ныне жила в

отведенных мне комнатах Винкулы на правах не равной, но всего лишь «возлюбленной», как некогда называла ее кумеянка. Советы ее сделались практически бесполезными, поскольку возникавшие передо мной трудности касались только юриспруденции да управления, и преодолению их меня учили не один год, тогда как Доркас не смыслила в них ни аза, а у меня нечасто находились время и силы для объяснений и обсуждений.

Посему, пока я выстаивал стражу за стражей рядом с архонтом в зале суда, Доркас завела обычай бродить по городу, и мы, не разлучавшиеся до самого конца весны, теперь, с наступлением лета, друг друга почти не видели – разве что ужинали вместе по вечерам, а после, усталые донельзя, отправлялись в постель, где чаще всего попросту засыпали, обнявшись.

И вот наконец в небесах засияла полная луна. С какой же радостью смотрел я на нее – окутанную изумрудно-зеленой мантией леса, округлую, словно ободок кружки, – с крыши бартизана! Конечно, до полной свободы было еще далеко, поскольку за время, проведенное в зале суда, дел, касавшихся совершения казней и содержания заключенных, у меня накопилось немало, но теперь я, по крайней мере, мог посвятить им себя целиком, а это казалось немногим хуже настоящей свободы. На следующий же день я пригласил Доркас с собой, на осмотр подземных частей Винкулы.

Пригласил... и совершенно напрасно. Среди жуткой вони, при виде убогого положения заключенных ей сразу же сделалось дурно. В тот вечер – о чем я уже вспоминал – она созналась, что ей пришлось отправиться в публичные бани (для Доркас, из-за боязни воды моющейся по частям, губкой, смачиваемой в миске не глубже суповой, случай крайне редкий), чтоб смыть с волос и кожи зловоние штольни, и там она слышала, как банщицы сплетничают о ней с прочими посетительницами.

II. Над порогами

На следующее утро, прежде чем покинуть бартизан, Доркас остригла волосы так коротко, что сделалась похожей на мальчишку, а за удерживавший их обруч заткнула белый цветок пиона. Я до полудня трудился над бумагами, а после, одолжив у сержанта подчиненных мне клавигеров мирскую джеллабу, тоже отправился в город, в надежде случайно столкнуться с ней.

Книга в коричневом переплете, хранящаяся в моей ташке, утверждает, будто на свете нет ничего удивительнее знакомства с городом, ни в чем не похожим на известные тебе города, поскольку сие все равно что знакомство с новой, совершенно неожиданной стороной себя самого. Мне удалось обнаружить нечто еще более дивное – знакомство с подобным городом после того, как прожил в нем какое-то время, так ничего о нем и не узнав.

К примеру, я знать не знал, где находятся упомянутые Доркас бани, хотя из разговоров, услышанных мною в зале суда, следовало, что в городе таковые есть. Не знал я и где расположен базар, на котором она покупала одежду с косметикой, и даже не смог бы сказать, один он в городе или нет... короче говоря, знакомо мне было лишь то, что я мог видеть из амбразуры да на недолгом пути от Винкулы до дворца архонта. Возможно, я слишком полагался на собственную способность быстро освоиться в городе много меньшем, чем Несс, однако ж, шагая по кривым улочкам, тянувшимся вниз со склона, к реке, между домами-пещерами, вырубленными в скале, и домами, прилепившимися к ней на манер ласточкиных гнезд, не забывал время от времени оборачиваться, дабы удостовериться, что позади все еще виден знакомый силуэт бартизана, и рогатки у его ворот, и черный гонфалон, реющий над зубцами.

В Нессе кто побогаче селятся ближе к северу города, где воды Гьёлля чище, а кто победнее живут на юге, где Гьёлль зловонен и грязен. Здесь, в Траксе, такого обычая не установилось: во-первых, Ацис столь быстр, что испражнения живущих выше по течению (составляющих, разумеется, едва ли тысячную долю от числа обитателей северной части столицы) практически не загрязняют реки, а во-вторых, вода, подающаяся в общественные колодцы и особняки богачей по акведукам, берется выше порога, так что полагаться на реку приходится только тем, кому требуется очень много воды – к примеру, владельцам мануфактур либо крупных прачечных.

Таким образом, в Траксе богатых от бедных отделяет иная граница – высота проживания. Самые состоятельные живут у подножия склонов долины, возле реки, откуда проще всего добираться до лавок и присутственных мест: недолгая пешая прогулка до пристаней, а там разъезжай себе вдоль города в каике с рабами на веслах сколько душа пожелает. Чуть выше уровнем расположены дома менее преуспевающих горожан, над ними – жилища людей среднего достатка, и так далее, и так далее, до самых бедных, обретающихся под стенами укреплений на гребнях утесов, нередко – в крытых соломой хакалях из глины и тростника, до которых можно добраться лишь по лестницам вроде трапов несусветной длины.

Впрочем, знакомство с убожеством этих хижин ожидало меня впереди, а пока что я оставался в пределах торгового квартала у самого берега. Здесь, на узеньких улочках, толпилось столько народу, что мне поначалу подумалось, будто сегодня какой-то праздник или, может, война – из Несса казавшаяся невообразимо далекой, но придвигавшаяся все ближе и ближе по мере того, как мы с Доркас следовали на север, – уже совсем близка, отчего город и заполонен беженцами.

Несс так обширен, что там, насколько я слышал, на каждого из живущих приходится по пять зданий. В Траксе сие соотношение, несомненно, противоположно, а в тот день мне и вовсе временами казалось, будто на каждую из крыш вокруг должно приходиться не меньше пятидесяти человек. Вдобавок Несс – город множества наций, однако, видя на улицах множе-

ство иноземцев, а порой даже какогенов, прибывающих на кораблях из иных миров, там всегда сознаешь, что они – иноземцы, гости, вдали от родины. Здесь улицы кишели самыми разными представителями рода людского, но все они попросту отражали разнообразие горных племен, и если навстречу мне попадался, к примеру сказать, человек в шляпе из птичьей шкурки (с крыльями, прикрывающими уши), или человек в косматой шубе из шкур каберу, или человек с татуированным лицом, за ближайшим углом вполне могла оказаться еще хоть сотня его соплеменников.

Все эти люди были эклектиками, потомками поселенцев с юга, смешавших кровь с коренными темнокожими автохтонами, воспринявшими их уклад, к которому добавились обычаи, перенятые от амфитрионов, живущих еще дальше к северу, а порой и от еще менее известных народов, купцов либо парохияльных рас.

Многие из местных эклектиков предпочитают ножи искривленной формы – или, как их порой называют, изогнутые (два относительно прямых «колена»; второе, сведенное к острию, слегка под углом относительно первого). Говорят, таким клинком, вонзив его под грудину, проще поразить сердце, а сам клинок посредине снабжен ребром жесткости, заточен с обеих сторон, обыкновенно – до бритвенной остроты, гарды нет, а рукоять чаще всего выточена из кости. (Эти ножи я описываю так подробно, потому что они – одна из самых характерных черт здешних земель, а еще именно из-за них Тракс получил другое свое прозвание – Город Кривых Ножей. Вдобавок план города имеет явное сходство с клинком такого ножа: изгиб дефиле соответствует изгибу клинка, русло Ациса – продольному ребру жесткости, замок Акиэс – острию, а Капул – той линии, где сталь исчезает в костяной рукояти.)

Один их смотрителей Медвежьей Башни как-то раз говорил, что на свете нет зверя столь же опасного, столь же дикого и вздорного, как метисы, рожденные волчицей, покрытой псом бойцовой породы. Все мы привыкли считать дикими зверей, обитающих в лесах и горах, и народы, словно бы взросшие на их почве, полагаем не меньшими дикарями. Однако на деле в некоторых домашних животных (которых мы наверняка поостереглись бы, кабы не настолько привыкли к ним) таится дикость куда более жуткая, несмотря на то что они неплохо понимают речь человека, а некоторые даже способны выговорить пару-другую слов; а в людях, мужчинах и женщинах, чьи предки жили в больших городах с самой зари человечества, также коренится куда более основательная, всепоглощающая дикость природы. К примеру, Водал, в чьих жилах течет ничем не оскверненная кровь тысячи экзультантов – экзархов, этнархов и войтов, – отнюдь не гнушался жестокостей, непредставимых для автохтонов, расхаживающих по улицам Тракса нагими, если не считать домотканых плащей из шерсти гуанако.

Подобно волкособам (которых я никогда в жизни не видел, поскольку они слишком злобны, чтоб приносить хоть какую-то пользу), местные эклектики унаследовали от предков разных кровей все самое дурное, всю их жестокость и необузданность: будучи друзьями либо сподвижниками, они строптивы, вероломны и вздорны, будучи же врагами – свирепы, коварны и мстительны. По крайней мере, так отзывались о них мои подчиненные из Винкулы – ведь более половины заключенных в ее подземельях составляют именно эклектики.

Встречаясь с мужчинами, говорящими, одевающимися, держащимися по-иноземному, я всякий раз начинаю строить догадки о природе женщин их расы. Связь между ними имеется непременно, поскольку и те и другие возвращены единой культурой, подобно листьям дерева, видимым наблюдателю, и прячущемуся за ними плоду, коего наблюдатель не видит. То и другое также возвращено одним и тем же живым организмом, однако наблюдатель, отважившийся судить о внешнем виде и вкусе плода по очертаниям пары поросших пышной листвой ветвей, наблюдаемых (если можно так выразиться) с изрядного расстояния, должен обладать весьма обширными знаниями о листьях и о плодах, дабы не выставить себя на посмешище.

Воинственные мужчины вполне могут быть рождены слабыми, хрупкими женщинами и даже иметь сестер почти столь же сильных, как сами, и куда более решительных. Посему я,

прогуливаясь среди толп, по большей части состоящих из местных эклектиков и горожан (на мой взгляд, отличавшихся от жителей Несса разве что одеждой попроще да манерами слегка грубее), невольно принялся рисовать в мыслях образы кареглазых, темнокожих женщин; женщин с глянцевито блестящими черными волосами, густыми, словно хвосты пегих скакунов их братьев; женщин с волевыми, однако прекрасными лицами; женщин, склонных к яростному сопротивлению и быстрой капитуляции; женщин, которых можно завоевать, однако нельзя купить – если подобные женщины существуют в нашем мире хоть где-нибудь.

Из их объятий я устремился мыслями в края, где их можно найти, к одиноким приземистым хижинам у родников среди скал, к крытым шкурами юртам, затерявшимся на просторах высокогорных пастбищ. Вскоре мысли о горах захлестнули меня с головой, как некогда, пока мастер Палемон не объяснил, где именно расположен Тракс, – мечты о море. Как же великолепны они, незблемые идола Урд, высеченные из камня бесчисленными резцами стихий во времена непостижимо древние, однако до сих пор поднимающие над окоемом мира жутковатые головы, увенчанные митрами, тиарами и диадемами, посеребренными снегом, под коими темнеют глаза величиною не меньше иных поселений, а еще ниже – плечи, укутанные мантиями лесов!

Так думал я, укрывшись под неяркой джеллабой простого горожанина, локтями прокладывая себе путь вдоль забитых народом улиц, насквозь пропахших навозом и ароматами кухонь, и мысли мои целиком занимали образы гор, нависших над головами скал в ожерельях хрустальных ручьев.

Думаю, Теклу когда-то возили, по крайней мере, к подножиям этих пиков – несомненно, затем, чтоб укрыться в горах от жары некоего особенно знойного лета, причем множество картин, возникавших в памяти словно бы сами собой, она явно запомнила совсем еще крохой. Видел я и целомудренные цветы, растущие прямо из камня, да так близко, что взрослому для этого пришлось бы опуститься на колени; и бездонные пропасти, не только пугавшие, но и поражавшие воображение, как будто само их существование противно законам природы; и высочайшие горы, в буквальном смысле слова не имеющие вершин – казалось, весь мир наш без конца падает, течет с какого-то невообразимого Свода Небес, накрепко соединенного с землей этими самыми пиками.

Со временем, пройдя город почти из конца в конец, я достиг замка Акиэс. Здесь я назвался караульным, стоявшим на посту у служебного входа, был впущен внутрь и поднялся на вершину донжона, как некогда, прежде чем распрощаться с мастером Палемоном, поднялся на нашу родную Башню Матачинов.

Взойдя на нее, дабы сказать «прощай» всему, что знал в жизни, я оказался на одной из высочайших вершин Цитадели, в свою очередь, венчавшей собою одну из высочайших возвышенностей во всем Нессе. Столица тянулась вдаль, насколько хватало глаз, а Гьёлль пересекал ее, точно след слизня – карту; кое-где, у самого горизонта, виднелась даже Стена, но ни единое здание, ни единая башня во всем городе не могли бы бросить на меня тени.

Здесь впечатление оказалось совсем иным. Сейчас я стоял над Ацисом, несшимся ко мне сверху по скалистым уступам – каждый вдвое, а то и втрое выше высокого дерева. Взбитая в белую пену, сверкавшую хрусталем в лучах солнца, река исчезала подо мною и вновь появлялась внизу, в виде серебристой ленты, струящейся через город, угнездившийся в теснине скал с опрятностью одной из игрушечных деревенок в коробке, какие мне (вернее, конечно же, Текле), помнится, дарили ко дню рождения.

Однако стоял я словно бы на дне исполинской чаши. По обе стороны от донжона вздымались кверху стены утесов, и, взглянув на любой из них, вполне можно было – по крайней мере, на миг – поверить, будто сила земного притяжения, благодаря баловству некоего колдуна с мнимыми числами, сменила направление действия, повернулась под прямым углом к преж-

нему, подобающему направлению, и на самом деле отвесные скалы передо мною – обыкновенная ровная земная твердь.

Наверное, целую стражу, а то и более, глазел я на эти скалы, на паутину бесчисленных струй водопадов, что с грохотом, с громкой любовной песнью падали вниз, дабы слиться с Ацисом, и на застрявшие среди них облака, словно бы робко жмущиеся к их непоколебимым стенам, подобно овцам, озадаченным, сбитым с толку громадой незнакомого каменного загона.

Наконец великолепие гор и мечты о горах утомили меня – вернее сказать, не утомили, но одурманили до головокружения; будто бы видевший неумолимые лики утесов, даже зажмурив глаза, я чувствовал, что в эту ночь и на протяжении еще многих ночей мне предстоит падать с их круч либо цепляться сбитыми в кровь пальцами за их беспощадные склоны.

Решительно повернувшись лицом к городу, я отыскал взглядом Винкулу, казавшуюся отсюда лишь скромным крохотным кубиком, вмурованным в скалу, являвшую собой не более чем морщинку среди бессчетных волн камня вокруг, и ее вид прибавил мне бодрости духа. Встряхнувшись, я принялся (будто играя сам с собой, чтоб окончательно протрезветь после долгого любования горами) оглядывать главные улицы, стараясь узнать среди них те, что привели меня к замку, рассматривать под новым углом здания и рыночные площади, примеченные по пути. Взглядом нащупал я городские базары (их оказалось два, по одному на каждом берегу реки) и обновил в памяти знакомые достопримечательности, которые не раз видел сквозь амбразуру Винкулы, – арену, пантеон и дворец архонта. Когда все виденное мною с земли подтвердилось еще раз, с новой точки зрения, и пространственная взаимосвязь оной со всем, что я уже знал о планировке города, сделалась мне понятна, я начал исследовать боковые улочки, скользя взглядом вдоль их извилистых русел, тянувшихся вверх, к гребням склонов, нащупывая проулки, зачастую казавшиеся не более чем полосками мрака меж зданий.

В поисках таковых мой взгляд, наконец, вернулся обратно к речным берегам, и я начал изучать облепившие их причалы и склады и даже пирамиды бочонков, ящиков и тюков сена, ожидавших погрузки на борт какого-нибудь торгового судна. Здесь вода больше не пенилась – ну разве что кое-где, у самых пирсов. Синева ее, почти сравнявшись оттенком с синью индиго, подобно темным, словно индиго, теням, что появляются на снегу к вечеру зимнего дня, безмолвно струилась вдоль берегов – вроде бы плавно, неспешно, однако скорость движения несущихся куда-то каиков и груженных фелук ясно давала понять, сколь велика мощь, таящаяся под речной гладью: суда покрупнее размахивали бушпритами, точно фехтовальщики шпагами, и все как одно по-крабьи рыскали вбок, когда весло гребца невзначай угодит в стремительный водоворот.

Исчерпав все, лежавшее ниже по течению, я перегнулся через парапет, чтоб разглядеть реку под самым замком и пристань, находившуюся не более чем в сотне шагов от боковых ворот. Стоило мне взглянуть вниз, на пристанских грузчиков, трудившихся, разгружая одну из узких речных ладей, я увидел неподалеку от них крохотную неподвижную фигурку со светлыми волосами. Поначалу я решил, что это ребенок, девочка, так как рядом с дюжими, почти не одетыми грузчиками она казалась совсем малюткой, однако то была Доркас, сидевшая у самой кромки воды, пряча лицо в ладонях.

III. Убогий хакаль

Подойдя к Доркас, разговорить ее я не смог. Нет, дело было не просто в том, что она сердится на меня, хотя я в то время именно так и подумал. Безмолвие постигло ее, будто хворь, не поразив ни губ, ни языка, но напрочь лишив Доркас сил, а может быть, и желания вымолвить хоть словечко, – точно таким же манером определенные инфекции отбивают у человека все влечение к удовольствиям и даже лишают захворавшего способности понимать радость других. Не подними я ее головы, не поверни лицом к себе, Доркас так и смотрела бы в никуда, вниз, пожалуй, не видя даже земли под ногами, либо сидела, прикрыв руками лицо, как в ту минуту, когда я отыскал ее.

Полагающему (в то время), будто я в силах хоть чем-то утешить ее, вернуть в обычное, прежнее расположение духа, мне очень хотелось с нею поговорить. Однако затевать подобного разговора на пристани, под взглядами таращащихся на нас грузчиков, не стоило, а вокруг не было ни единого места, куда я мог бы ее отвести. Наконец, увидев на небольшой улице, тянувшейся вверх по склону, к востоку от реки, вывеску трактира, я повернул туда. Желающих подкрепиться в узком общем зале собралось немало, однако, расставшись с парой аэсов, мне удалось нанять комнату этажом выше – конурку без какой-либо мебели, кроме кровати, занимавшей почти все свободное место, и со столь низким наклонным потолком, что возле дальней ее стены я мог стоять лишь нагнувшись. Хозяйка (что с учетом всех обстоятельств вполне естественно) подумала, будто комната нужна нам для тайного свидания, однако из-за отчаяния на лице Доркас подумала также, что я ее чем-то шантажирую либо вовсе купил у сводника, и посему одарила ее взглядом, исполненным пылкою сострадания, коего Доркас, по-моему, просто не заметила, а на меня взглянула весьма осуждающе.

Затворив и заперев дверь на засов, я уложил Доркас в кровать, а сам сел рядом и принялся исподволь, ласково втягивать ее в разговор, спрашивать, что стряслось, чем я могу помочь ее горю, и так далее, и так далее. Когда все это не возымело никакого эффекта, я, заподозрив, что причина этакого нежелания общаться со мной кроется лишь в ее ужасе перед условиями содержания заключенных в Винкуле, заговорил о себе.

– Да, нами гнушаются все до единого, – сказал я, – и потому у тебя нет причин относиться ко мне как-то иначе. Странно вовсе не то, что ты меня возненавидела; странно, как много времени потребовалось тебе, чтоб согласиться с мнением большинства. Однако я ведь люблю тебя, а потому попробую заступиться за нашу гильдию и, таким образом, за себя самого, в надежде, что после ты не будешь так убиваться по поводу любви к палачу, пусть даже больше меня не любишь.

– Мы не жестоки. Удовольствия ремесло наше нам не приносит, если не считать удовольствия от на совесть – иными словами, быстро и в точном соответствии с требованиями закона – выполненной работы. Мы подчиняемся судьям, занимающим должности оттого, что люди с этим согласны. Некоторые индивидуумы твердят, что заниматься нашим ремеслом не следует ни нам, ни кому-либо другому. По их словам, совершенная хладнокровно казнь есть преступление много страшнее любого преступления, какое бы ни совершили наши клиенты.

– Может статься, в этом есть некая справедливость, однако подобная справедливость уничтожит Содружество на корню. Восторжествуй она, никто не сможет спокойно жить дальше, а если никому не станет покоя, люди вскоре поднимутся на борьбу самочинно – вначале против воров и убийц, затем против всякого, живущего вопреки общепринятым представлениям о благочинии, и, наконец, попросту против чужаков да изгоев. Тогда-то они и вернутся к ужасам старины, к сожжениям и побиению камнями, причем каждый из страха, как бы завтра его не заподозрили в толике сострадания к несчастному, умирающему сегодня, будет стараться перещеголять соседа.

– Есть также индивидуумы, утверждающие, будто одни клиенты заслуживают самой суровой кары, а другие – нет и нам надлежит отказаться от исполнения законных обязанностей в отношении этих других. Вне всяких сомнений, вина некоторых тяжелее вины остальных, и вполне может быть, что кое-кто из передаваемых нам не совершил ничего дурного – ни того, в чем обвинен, ни каких-либо преступлений вообще.

– Однако люди, придерживающиеся такой точки зрения, всего лишь ставят себя выше судей, назначенных Автархом, хотя куда меньше смыслят в юриспруденции и не наделены властью призывать на свой суд свидетелей. Вдобавок они требуют, чтобы мы, отказавшись от повиновения настоящим судьям, прислушались к ним, но доказать, что более судей достойны нашего повиновения, не могут.

– Третьи считают, что вместо пыток и казней наших клиентов следует принуждать к труду на пользу Содружеству – к рытью каналов, постройке сторожевых башен и тому подобному. Однако средства, необходимые на стражу и кандалы, вполне позволяют нанять для тех же работ честных тружеников, которые в ином случае могут остаться без хлеба. Разве законопослушные рабочие должны голодать ради того, чтоб убийца остался жить, а вор не испытал боли? Мало этого, нечтящие закона и ненадеющиеся на награду, убийцы и воры станут трудиться только под плетью. А что есть эта плеть, если не та же пытка, только названная по-другому?

– Четвертые говорят, что всех, признанных судом виновными, надлежит содержать под стражей, с удобствами, без страданий, многие годы – зачастую до самой смерти. Однако живущие с удобствами и без страданий обыкновенно живут подолгу, а ведь каждый орихальк, пошедший на их содержание, можно потратить с куда большей пользой. В делах военных я смыслю мало, но тем не менее представляю, в какие суммы обходится покупка оружия и выплата жалованья солдатам. Бои сейчас ведутся в горах, на севере, так что мы бьем врага словно бы из-за сотни каменных стен. Но что, если война достигнет пампы? Сумеет ли армия сдерживать асциан, когда вокруг так много пространства для маневра? И чем прокормить Несс, если пасущиеся там стада попадут во вражьи руки?

– Ну, а если виновных не держать под замком со всеми удобствами и не пытаться, что тогда остается? Казнить смертью, причем всех одинаково? Но тогда нищая воровка будет считаться не менее страшной преступницей, чем мать, отравившая собственное дитя, вроде Морвенны из Сальтуса. Хотелось бы тебе этого? В мирное время многих преступников можно отправить в изгнание. Однако изгнать их сейчас означает подарить асцианам целый отряд шпионов, а враг не преминет обучить их, снабдить необходимыми средствами и снова заслать к нам. Вскоре вокруг нельзя будет доверять никому, пусть и говорит он по-нашему. Хотелось бы тебе этого?

Доркас лежала поверх одеял так тихо и неподвижно, что мне подумалось, будто она задремала. Однако глаза ее – огромные, безупречной синевы – были открыты, и когда я, склонившись над ней, взглянул ей в лицо, зрачки их дрогнули, однако устремленный на меня взгляд... пожалуй, так смотрят на круги ряби, разбегающиеся по глади пруда.

– Ну ладно, допустим, мы – сущие демоны, если тебе так больше нравится, – сказал я. – Но без нас в жизни не обойтись. Без помощи демонов не обходятся даже Силы Небесные.

На глаза Доркас навернулись слезы, хотя отчего она плачет – оттого, что сделала мне больно, или потому, что я все еще рядом, – я не понимал. В надежде напомнить ей о прежних чувствах ко мне, я завел речь о тех временах, когда мы шли в Тракс, о том, как встретились на прогалинке после бегства из пределов Обители Абсолюта, как разговаривали друг с другом в ее великолепных садах, перед началом пьесы доктора Талоса, пройдя через цветники с целебными травами и присев на древнюю каменную скамью возле полуразрушенного фонтана, обо всем сказанном ею и обо всем, что сказал ей сам.

Казалось, Доркас сделалось чуточку легче на сердце, но, стоило мне вспомнить о фонтане, воды коего, вытекая из треснувшей чаши, струились дальше крохотным ручейком, отведенным кем-то из садовников к деревьям, чтоб те не нуждались в поливе, и, наконец, без

остатка впитывавшимся в почву, на лице ее угнездился мрак сродни тем странным тварям наподобие ключев тьмы, преследовавшим нас с Ионой в холмах, поросших кедром. Вскоре она отвела от меня взгляд, а после и в самом деле уснула.

Как можно тише поднявшись с кровати, я отпер дверь, одолел кособокую скрипучую лестницу и оказался внизу. Хозяйка заведения по-прежнему хлопотала в общем зале, однако гости, сидевшие там, разошлись. Я объяснил, что девушке, приведенной мной, нездоровится, оплатил аренду комнаты на несколько дней вперед, пообещал, вернувшись, возместить все иные расходы, а еще попросил приглядывать за Доркас время от времени и кормить ее, если проголодается.

– О, постоялица в этой комнате для нас – сущее благословение, – отвечала хозяйка. – Но если милой твоей нездоровится, неужто для нее места получше «Утино Гнездо» не сыскать? Может, тебе домой ее отвести?

– Боюсь, от жизни в моем доме ей и нездоровится. Не хотелось бы рисковать: вдруг с возвращением туда ей станет хуже?

– Бедняжка! – хозяйка трактира сокрушенно покачала головой. – И такая милая, хотя с виду совсем ребенок. Сколько ей лет?

Я ответил, что не знаю.

– Ладно, я к ней загляну и бульону снесу, как только ей полегчает, – посулила хозяйка. Судя по взгляду, брошенному на меня, она полагала, что полегчает Доркас сразу же после того, как я уберусь подальше. – Но знай: держать ее тут ради тебя в неволе никто не станет. Захочет уйти – слова ей поперек не скажу.

Покинув крохотный, тесный трактир, я решил возвращаться в Винкулу кратчайшим путем, но совершил ошибку, рассудив, что узкая улочка, на которой расположилось «Утиное Гнездо», ведет почти прямо на юг, а значит, пройти ею дальше и переправиться через Ацис чуть ниже по течению выйдет быстрее, чем возвращаться назад, к пристани у подножия боковой стены замка Акиэс, где мы встретились с Доркас.

Увы, улочка меня подвела – к чему я, зная Тракс несколько лучше, был бы готов заранее. Дело в том, что все эти кривые улочки, змеящиеся по склонам, конечно, могут пересекаться одна с другой, но в общем и целом ведут снизу вверх, а посему, чтобы добраться от одного прилепившегося к скале домика до другого (если только они не выстроены совсем рядом либо один над другим), необходимо спуститься на главную улицу, проложенную вдоль реки, а уж с нее в нужном месте снова свернуть наверх. Таким образом, вскоре я поднялся по восточному склону примерно на ту же высоту, на какой – только напротив, на западном склоне, – находилась Винкула, оказавшись гораздо дальше от нее, чем в тот момент, когда вышел за порог трактира.

Сказать правду, открытие это было не столь уж и неприятным. В Винкуле меня ожидали дела службы, а заниматься ими как раз не хотелось: мысли мои целиком занимала Доркас. Решив избыть огорчения, задав работы ногам, я двинулся по расшалившейся улочке дальше: пройду, если понадобится, хоть до самого гребня, взгляну на Винкулу и замок Акиэс с его высоты, а там, возле укреплений, предъявлю часовым служебный жетон, пройду вдоль стен до Капула и переправлюсь за реку в нижней части города.

Однако полстражи спустя, изрядно уставший, я обнаружил, что дальше пути нет. Улочка упиралась в отвесный обрыв три, а то и четыре чейна высотой, а заканчивалась, может статься, еще раньше, так как последние несколько дюжин шагов я прошел по тропинке, ведущей всего лишь к убогому хакалю из глины да сучьев, перед которым и вынужден был остановиться.

Убедившись, что хакала не обогнуть, а подъема дальше, наверх, нигде поблизости нет, я уж хотел было плюнуть да повернуть обратно, но тут выскользнувший из хижины ребенок уверенно, однако не без опаски, глядя на меня одним только правым глазом, подошел ближе и

в недвусмысленной, понятной всякому и всякому попрошайке известной манере протянул ко мне крохотную, невероятно грязную ладошку. Возможно, в лучшем расположении духа я бы расхохотался при виде несчастной крохи, столь робкой и столь приставучей, но тогда просто бросил в перепачканную ладонь пару аэсов.

Вдохновленный успехом, ребенок отважился заговорить:

– Моя сестра больна. Очень больна, сьер.

Судя по тембру голоса, то был мальчишка. Как только он повернул ко мне голову, я смог разглядеть, что его левый глаз вспух и заплыл, пораженный какой-то заразой, а из-под сомкнутых век, засыхая на щеке, сочатся слезы пополам с гноем.

– Очень, очень больна, сьер.

– Да уж, вижу, – ответил я.

– О нет, сьер, отсюда не разглядеть. Но если хочешь, можешь сквозь дверь заглянуть – ее ты не потревожишь.

И тут мальчишку окликнул человек в потертом кожаном фартуке каменщика, грузно шагавший по тропке вверх, к нам:

– Что там, Иадер? Чего ему нужно?

Мальчишку вопрос, как и следовало ожидать, перепугал до утраты дара речи.

– Я спрашивал, как проще всего попасть в нижнюю часть города, – сказал я.

Каменщик не ответил ни слова, однако, остановившись примерно в четырех маховых шагах от меня, скрестил на груди руки, с виду не уступавшие твердостью тем самым камням, из которых складывали стены. Казалось, он не на шутку рассержен и не доверяет мне, но отчего – неизвестно. Возможно, мой выговор выдавал пришлого с юга, а может, причиной послужила одежда, отнюдь не роскошная и не причудливая, однако явно свидетельствующая о принадлежности к иному, высшему слою общества.

– Уж не посягаю ли я на частную собственность? – спросил я. – Этот участок твой?

Ответа вновь не последовало. Как бы он ни относился ко мне, ясно было одно: на его взгляд, никакое общение между нами невозможно. Обращаясь к нему, я словно бы обращался к скотине, причем вовсе не из разумных – скорее, так погонщик кричит на волов. Что до него самого, ему моя речь также казалась «разговором» зверя с человеком, чем-то вроде рыка да воя.

Не раз и не два замечал я, что в книгах подобных тупиковых положений не возникает никогда: авторам их невтерпех подтолкнуть повествование дальше (сколь деревянным оно ни будь, сколь ни скрипи колесами, будто телега рыночного торговца, направляющаяся всего-навсего в запыленные деревушки, где сельская местность утрачивает весь шарм, а городских удовольствий не найти днем с огнем), и посему этакому непониманию, такими решительным отказам от переговоров в них места нет. Наемному убийце, приставившему кинжал к горлу жертвы, непременно нужно обсудить с нею сложившуюся ситуацию от начала до конца, в любом удобном жертве (либо автору) объеме. Пара влюбленных в жарких объятиях также готова откладывать «удар кинжалом» до лучших времен как минимум в той же мере, если не в большей.

Увы, в жизни все обстоит иначе. Я таращился на каменщика, каменщик – на меня. Я готов был убить его, однако сомневался в успехе: во-первых, на вид он казался человеком необычайно сильным, а во-вторых, при нем вполне могло оказаться оружие, а в убогих хижинах по соседству – его дружки. Между тем он словно бы готовился сплюнуть наземь, мне под ноги, и в таком случае я наверняка заколол бы его, накинув ему на голову свой джелаб. Но нет, плевать каменщик не спешил, и спустя еще пару минут нашей игры в гляделки мальчишка, очевидно, понятия не имевший, что происходит, вновь подал голос:

– Загляни в дверь, сьер. Сестру ты не потревожишь.

Охваченный страстным желанием доказать, что не солгал, хотя и его собственный вид оправдывал попрошайничество в полной мере, он даже осмелился слегка потянуть меня за рукав.

– Я тебе верю, – сказал я, но тут же понял, что тем самым наношу ему нешуточное оскорбление, показывая, будто не верю его словам даже настолько, чтоб проверять их.

Наклонившись к двери, я устремил взгляд внутрь, но, глядя с залитой солнцем тропки в полумрак хакаля, поначалу не разглядел почти ничего. Солнце светило мне прямо в спину. Почувствовав затылком натиск его лучей, я осознал, что сейчас каменщик может совершенно безнаказанно напасть на меня сзади.

Комнатка, при всей ее тесноте, оказалась вовсе не захлавленной. На куче соломы у дальней от двери стены лежала девочка. Болезнь ее достигла той стадии, когда к больному уже не испытываешь никакой жалости, когда он внушает один только ужас. Лицо девочки казалось черепом, туго обтянутым кожей – тонкой, полупрозрачной, словно кожа на барабане; губы не прикрывали зубов даже во сне; от выкошенных жаром лихорадки волос остались лишь жидкие пряди.

Упершись ладонями в стены из обмазанной глиной лозы, возле дверных косяков, я выпрямил спину.

– Вот видишь, сьер, – сказал мальчишка, – моя сестра очень больна.

С этими словами он вновь протянул ко мне сложенную горстью ладонь.

Да, я это видел (и снова вижу сейчас), однако увиденное отпечаталось в памяти отнюдь не сразу. Мысли мои целиком занимал Коготь, словно давящий на грудь – не столько как нечто тяжелое, сколько вроде костяшек невидимого кулака. В эту минуту мне вспомнился и ныне казавшийся частицей невообразимо далекого прошлого улан, выглядевший мертвым, пока я не коснулся Когтем его губ; и обезьяночеловек с отрубленной кистью руки; и ожоги Ионы, поблекшие, стоило мне провести вдоль них камнем.

Однако, после того как Коготь не спас Иоленту, я больше ни разу не прибежал и даже не думал прибегать к его целительной силе и так давно хранил его тайну, что опасался пробовать снова. Возможно, я и коснулся бы им умирающей девочки, если б на меня не глазел ее братец, да и его вспухшего глаза тоже коснулся бы, кабы не неприветливый каменщик. В сложившихся же обстоятельствах я всего лишь, с трудом одолевая его силу, давящую на грудину так, что не продохнуть, не разбирая дороги, двинулся вниз. За спиной звучно шлепнулся об истертый, растрескавшийся камень тропинки плевков, сорвавшийся с губ каменщика, но я даже не понял, что это был за звук, пока не добрался почти до самой Винкулы и более-менее не пришел в себя.

IV. В бартизане Винкулы

– У тебя гость, ликтор, – доложил караульный.

В ответ я лишь кивнул, дав понять, что принял доклад к сведению, и тогда он добавил:

– Пожалуй, тебе, ликтор, стоит прежде переодеться.

После этого спрашивать, кто меня дожидается, нужды не возникло: к подобному тону караульного мог склонить только визит самого архонта.

Добраться до личных покоев, обойдя стороной кабинет, где я занимался делами Винкулы и держал все бумаги, не составляло никакого труда. Время, потребовавшееся, чтобы избавиться от одолженного джелаба и переодеться в плащ цвета сажи, я провел, гадая, что могло побудить архонта, которого я лишь изредка видел где-либо, кроме зала суда, ни разу прежде у меня не бывавшего, посетить Винкулу – да еще, по всемо судя, без свиты.

Оттеснившие прочь кое-какие иные мысли, размышления эти пришлось очень кстати. В нашей спальне имелось большущее зеркало из посеребренного стекла – такие намного лучше отполированных пластинок металла, привычных мне с детства, – и впервые встав перед этим зеркалом, дабы оценить собственный вид, я заметил, что Доркас нацарапала на нем мылом четыре строки из песни, которую как-то мне пела:

Горны Урд, вы небесам поете
О зеленых, милых сердцу рощах.
Отчего ж к лесам не унесете,
Что милей мне, что остались в прошлом?

В кабинете моем имелось с полдюжины покойных кресел, и я ожидал обнаружить архонта в одном из них (хотя мне также приходило на ум, что он может, воспользовавшись случаем, заглянуть в мои бумаги, на что, буде того пожелает, имеет полное право). Однако архонт стоял у амбразуры, глядя на город точно так же, как сам я недавно, только сегодня оглядывал Тракс с зубцов замка Акиэс. Сложенные за спиной, руки градоправителя шевелились, словно каждая жила собственной жизнью, порожденной его размышлениями. Задумался он так глубоко, что отвернулся от окна и увидел меня только некоторое время спустя.

– А-а, вот и ты, мастер казней. Я и не слышал, как ты вошел.

– Я всего лишь подмастерье, архонт.

Архонт, улыбнувшись, присел на подоконник, спиной к проему. Его лицо – грубое, резкое, с крючковатым носом, с большими глазами в обрамлении темных век – несмотря на все это, казалось совсем не мужским: пожалуй, оно вполне могло бы принадлежать весьма неприглядного вида женщине.

– То есть ты остаешься простым подмастерьем даже после того, как поставлен мной во главе всей этой махины?

– Возвысить меня вправе лишь мастера нашей гильдии, архонт.

– Но ведь, судя по принесенному тобой письму, и по тому, что выбор мастеров пал на тебя, и по работе, проделанной тобою со дня прибытия, ты – лучший из их подмастерьев. А впрочем, здесь разницы все равно не заметит никто... особенно если ты решишь напустить на себя важность. Сколько там мастеров?

– О притворстве, архонт, будет известно мне самому. Мастеров же, если после моего отбытия до сего звания не возвысили кого-то еще, в гильдии только двое.

– Я напишу им и попрошу возвысить тебя, так сказать, *in absentia*.

– Благодарю, архонт.

– Пустяки, пустяки, – отмахнулся градоправитель и вновь повернулся лицом к амбразуре, как будто в сложившемся положении почувствовал себя неловко. – Полагаю, известия об этом ты получишь в течение месяца.

– Меня не возвысят, архонт, но мастеру Палемону приятно будет узнать, что ты обо мне столь лестного мнения.

Архонт, обернувшись, снова устремил взгляд на меня:

– В подобной официальности между нами надобности вовсе нет. Меня зовут Абдиес, и тебе ничто не мешает называть меня так, когда мы наедине. А ты, насколько мне помнится, Севериан?

Я кивнул.

Градоправитель вновь отвернулся к амбразуре окна.

– Проем этот низок сверх меры. Я осмотрел его, пока дожидался тебя: подоконник лишь самую малость выше моих коленей. Боюсь, кто-нибудь легко может выпасть наружу.

– Разве что человек столь же высокий, как ты, Абдиес.

– А разве в прошлом порой не казнили людей, выбрасывая жертву из окна или сталкивая с края обрыва?

– Да, в прошлом практиковалось и то и другое.

– Но тебе, очевидно, прибегать к этим методам не доводилось?

С этим архонт опять повернулся ко мне:

– Насколько мне известно, Абдиес, на памяти ныне живущих такого не бывало ни разу. Сам же я исполнял декапитации – как на плахе, так и в кресле, – но этим мой опыт и ограничивается.

– Однако ты ведь не против прибегнуть к иным способам, если получишь соответствующие указания?

– Я для того и нанят, чтоб приводить в исполнение приговоры архонта.

– Видишь ли, Севериан... бывает, публичные казни идут народу на пользу. А бывает, что они принесут только вред, возбудив в народе волнения.

– Это понятно, Абдиес, – подтвердил я.

Подобно тому, как во взгляде мальчишек порой видны тревоги мужчин, которыми им только предстоит стать, в эту минуту на лице архонта отразилось (о чем он, возможно, сам пока даже не подозревал) чувство вины, сожаление о каком-то еще не совершенном поступке.

– Вечером у меня во дворце соберутся гости. Немного, всего несколько человек. Надеюсь увидеть среди них и тебя, Севериан.

– В чиновничьей среде, Абдиес, – с поклоном ответил я, – имеется давний обычай: избегать общества чиновников, служащих по нашему ведомству.

– И ты, что совершенно естественно, полагаешь его несправедливым. Хорошо, если тебе так больше нравится, считай сегодняшний вечер своего рода восстановлением... поправленных прав.

– Нет, наша гильдия никогда не жаловалась на несправедливость. Напротив, столь уникальная обособленность – предмет нашей гордости. Однако сегодня вечером прочие гости могут счесть себя уязвленными.

Губы архонта дрогнули, складываясь в улыбку:

– Сие меня не заботит. Вот, это откроет тебе путь во дворец.

Пальцы протянутой ко мне руки бережно, словно бабочку, готовую в любой момент вспорхнуть с ладони и улететь, сжимали один из тех самых картонных дисков – не больше хризоса в величину, с вытисненной золотом витиеватой надписью, – о которых я много раз слышал от Теклы (встрепенувшейся в памяти, стоило мне коснуться глянцевого картона), но никогда прежде не видел.

– Благодарю, архонт. Значит, сегодня вечером? Я постараюсь подыскать подходящую одежду.

– Нет, оденься как обычно. Я устраиваю ридотто, и твоё облачение сойдет за маскарадный костюм как нельзя лучше. – Поднявшись на ноги, градоправитель расправил плечи, слегка потянулся, словно некто вплотную приблизившийся к завершению долгого, не слишком приятного дела. – Минуту назад мы говорили о некоторых не слишком затейливых способах, к которым ты мог бы прибегнуть при исполнении служебных обязанностей. Возможно, сегодня вечером тебе пригодится необходимое для этого снаряжение.

Тут мне все сделалось ясно. Для отправления служебных обязанностей мне не требовалось ничего, кроме собственных рук – так я ему и ответил, а затем, вспомнив, что непозволительно долго пренебрегаю обязанностями хозяина дома, предложил гостю подкрепить силы.

– Нет-нет, – отказался архонт. – Знай ты, сколько я вынужден есть и пить учтивости ради, – сразу понял бы, как хорошо в гостях у того, от чьих гостеприимных предложений можно вот так запросто отказаться. Полагаю, попытка едой вместо голода вашей братии даже в головы прежде не приходила?

– Принудительное кормление? Эта процедура называется плантерацией, архонт.

– Непременно расскажи о ней как-нибудь, при случае. Да, вижу, ваша гильдия далеко – несомненно, не на одну дюжину столетий – опережает мою фантазию. Должно быть, ваша наука – древнейшая из наук, кроме охотничьей. Однако дольше я задерживаться у тебя не могу. Стало быть, вечером мы увидим тебя во дворце?

– Вечер вот-вот настанет, архонт.

– Значит, приходи к концу следующей стражи.

С этим градоправитель вышел из кабинета, и только после того, как за ним захлопнулась дверь, я уловил слабый аромат мускуса, которым была надушена его мантия.

Я оглядел картонный кружок, повертев его так и сяк. Оборот кругляша украшала фальшь масок, среди коих я тут же узнал и одно из чудовищ – личину, что являла собой всего-навсего пасть, окаймленную рядом клыков, – которых увидел в садах Автарха, когда какогены избавились от маскировки, и морду обезьяночеловека из заброшенного рудника неподалеку от Сальта.

Утомленный долгой прогулкой в той же мере, что и предшествовавшей ей работой (а трудился я почти целый день, так как встаю рано), прежде чем снова покинуть бартизан, я разделся, вымылся, перекусил фруктами и холодным мясом и выпил стакан по-северному пряного чая. Если я чем-то основательно обеспокоен, тревоги не покидают меня, даже когда я о них не задумываюсь. Так вышло и сейчас: мысли о Доркас, лежащей в тесной трактирной комнатке под косым потолком, и память о девочке, умирающей на охапке соломы, пусть сам я того и не осознавал, изрядно притупили и мое зрение, и слух. Думаю, именно из-за них я не услышал сержанта, и, пока он не вошел, даже не замечал, что, вынув из ящика у очага горсть растопки, ломаю лучинку за лучинкой напополам. Сержант спросил, собираюсь ли я вновь покидать Винкулу, и, поскольку в мое отсутствие управление ею ложилось на него, я ответил, что да, собираюсь, но не могу сказать, когда вернусь. Затем я поблагодарил его за одолженный джелаб и заверил, что более он мне не понадобится.

– Располагай им, когда ни потребуется, ликтор. Однако я по другому вопросу. Мой тебе совет: отправишься снова в город, прихвати с собой пару клавигеров.

– Спасибо, – ответил я, – но за порядком в городе следят отменно, так что мне вряд ли есть чего опасаться.

Сержант звучно откашлялся, прочищая горло.

– Тут дело в престиже Винкулы, ликтор. Тебе, как нашему командиру, положено сопровождение.

Я ясно видел, что это ложь, но с той же ясностью видел, что лжет он, заботясь обо мне, и потому сказал:

– Хорошо, я над этим подумаю, при условии, что ты сумеешь выделить мне двоих, поприличнее с виду.

Сержант просиял.

– Однако, – продолжил я, – мне не хотелось бы, чтоб они были при оружии. Я иду во дворец, и если прибуду с вооруженной охраной, господин наш, архонт, может счесть это за оскорбление.

Тут сержант залопотал что-то невнятное, и я, словно бы в гневе повернувшись к нему, с треском швырнул об пол лучину, остававшуюся в горсти.

– А ну, выкладывай все как есть! По-твоему, мне что-то угрожает? Что?

– Нет, ничего, ликтор. Чтоб именно тебе – ничего. Просто...

– Что «просто»?

Понимая, что отмалчиваться сержант не станет, я подошел к столику у стены и налил нам обоим по бокалу розолио.

– В городе, ликтор, совершено несколько убийств. Вчера ночью – три, а позавчерашней – еще два. Благодарю, ликтор. Твое здоровье.

– Твое здоровье. Однако убийства – дело вполне обычное, разве нет? Эклектики режут друг друга каждый день.

– А этих людей сожгли заживо, ликтор. Правду сказать, мне подробности неизвестны, да и никому другому, видимо, тоже. Возможно, ты сам знаешь больше.

Лицо сержанта казалось тусклым, невыразительным, будто вытесанное из шероховатого бурого камня, но, судя по быстрому взгляду, брошенному им за разговором на холодный очаг, он отнес сломанную мною лучину (лучину, столь твердую, столь сухую на ощупь, однако в ладони я ее почувствовал лишь спустя долгое время после его прихода, совсем как Абдиес, вполне вероятно, не сознававший, что размышляет не о чьей-то – о собственной смерти, еще долгое время после того, как в кабинет вошел я) на счет каких-то мрачных секретов, коими поделился со мною архонт, тогда как в действительности причиной тому была всего-навсего память об охваченной отчаяньем Доркас да о нищей девчонке, которую я поначалу принял за нее.

– Я велел двум добрым малым дожидаться снаружи, ликтор, – продолжал он. – Оба готовы идти с тобой, куда потребуется, и дожидаться тебя, пока не соберешься назад.

Я сказал, что это прекрасно, и сержант немедля развернулся кругом, опасаясь, как бы я не догадался или не заподозрил, будто он знает больше, чем мне докладывает, однако и неестественная прямизна спины, и перевитая канатами жил шея, и быстрый шаг, которым он направился к двери, содержали столько значимых сведений, сколько ни за что не вместили бы его оловянный взгляд.

В сопровождающие мне достались здоровяки, выбранные сержантом за силу. Щегольски, напоказ, поигрывая огромными железными ключами, «клавесами», они шли со мною, несшим «Терминус Эст» на плече, лабиринтом улиц; если хватало места, то по бокам, а нет – спереди и сзади. У берега Ациса я отпустил обоих, подхлестнув их желание поскорей распротиться со мной личным позволением провести остаток вечера как пожелают, а сам нанял небольшой, юркий каик (под пестро раскрашенным пологом, в котором к вечеру, по истечении последней стражи дня, совсем не нуждался) и распорядился отвезти меня вверх по реке, к дворцу.

Плывать по Ацису мне до того дня не доводилось. Усевшемуся ближе к корме, между рулевым (он же – владелец каика) и четверкой гребцов, в такой близости от мчащейся навстречу чистой, ледяной воды, что мог бы, если пожелаю, окунуть в реку обе ладони, мне показалось, будто этой хрупкой дощатой скорлупке, из амбразуры нашего бартизана наверняка выглядящей не больше паучка-водомерки, пляшущего на волнах, не сдвинуться против тече-

ния ни на пядь. Но тут рулевой отдал команду, и каик отчалил от пристани – разумеется, держась близ берега, однако заскакав по воде плоским камешком. Удары четырех пар весел оказались столь стремительны, столь безупречно слажены, а каик столь легок, узок и обтекаем, что мы помчались вперед скорее по-над водой, чем по воде. Ахтерштевень венчал пятигранный фонарь аметистово-фиолетового стекла, и как раз в тот миг, когда я по неведению решил, что сейчас течение ударит нас в борт, подхватит, перевернет и понесет полузатопленное суденышко вниз, к Капулу, рулевой невозмутимо, бросив кормовое весло, закачавшееся на обвязке, поднес к фитилю огонек.

Конечно же, он был прав, а я ошибался. Как только дверца фонаря захлопнулась, заслонив масляно-желтое пламя, и во все стороны брызнули нежно-фиалковые лучи света, подхваченный водоворотом каик развернулся носом к течению, прянул вперед этак на сотню маховых шагов, а то и больше, хотя гребцы подняли весла на борт, и мы оказались в миниатюрной бухте, спокойной, будто мельничный пруд, битком набитой сверх меры яркими прогулочными лодками. Из глубины реки тянулись на берег, к ослепительным факелам и изящным решеткам ворот, ведущих в дворцовый сад, ступени лестниц, очень похожих на те, с которых я еще мальчишкой нырял в Гьёлль, только гораздо чище.

Дворец архонта я много раз видел из Винкулы и, таким образом, знал, что сооружен он вовсе не под землей, по образцу Обители Абсолюта (чего, наверное, ожидал бы в противном случае). Совершенно не походил он и на мрачную крепость наподобие нашей Цитадели: очевидно, архонт и его предшественники сочли форпосты в виде замка Акиэс и стены Капула, дважды соединенные меж собой стенами и фортами вдоль гребней утесов, вполне достаточными для обороны города. Здесь крепостные стены заменяли обычные живые изгороди, призванные убереечь сады от любопытных взглядов да, может статься, случайных воришек. Разбросанные по красочному, интимно уютному парку постройки под золочеными куполами издали, из моей амбразуры, казались очень похожими на перидоты, что, соскользнув с разорванной нити, рассыпались по узорчатому ковру.

У филигранных ворот в карауле стояли спешенные кавалеристы в стальных латах и шлемах, вооруженные пламенеющими копьями и длинными кавалерийскими спатами, однако с виду они казались кем-то вроде актеров-любителей на вторых ролях, добродушными, многое повидавшими в жизни людьми, блаженствующими на отдыхе после упорных сражений и патрулирования открытых всем ветрам горных троп. Те двое, которым я предъявил картонный кругляш, едва взглянув на него, мотнули головами: не стой, дескать, проходи.

V. Кириака

На званный вечер я прибыл одним из первых. Суесящихся слуг вокруг пока что было куда больше, чем гостей в маскарадных костюмах: казалось, слуги взялись за работу всего минуту назад и твердо решили тотчас же ее завершить. Одни зажигали светильники с хрустальными линзами и хоросы, свисавшие с верхних ветвей деревьев, другие несли в сад подносы с напитками и закусками, расставляли их по местам, передвигали туда-сюда, а после вновь тащили назад, к одному из увенчанных куполом зданий (всеми тремя процедурами ведали трое слуг, но порой – несомненно, оттого, что остальные отвлекались на что-то другое, – только один).

Какое-то время я бесцельно бродил по саду, любуясь цветами в быстро сгущавшихся сумерках, а после, заметив среди колонн одного из павильонов людей в костюмах, направился внутрь, к ним.

Как мог выглядеть подобный званный вечер в Обители Абсолюта, я выше уже описывал. Здесь, в обществе целиком провинциальном, прием отличался несколько иной атмосферой: происходящее казалось игрой детишек, нарядившихся в обноски родителей, многие – и мужчины, и женщины – явились в костюмах автохтонов, выкрасив лица красновато-коричневым с белыми пятнышками, причем один из них был настоящим автохтоном, однако же нарядился именно таковым, в костюме не более и не менее подлинный, чем у прочих, отчего я расхохотался бы в голос, если б не осознал, что на самом деле одет он куда оригинальнее остальных ряженных жителей Тракса. Вокруг всех эти автохтонов, настоящего и самозванных, толпилось около двух дюжин не менее нелепых фигур – офицеров, переодетых женщинами, женщин, переодетых солдатами, эклектиков столь же карикатурных, как и автохтоны, гимнософистов, аблегатов с причетниками, анахоретов, эйдолонов, зооантропов (наполовину людей, наполовину зверей) и деодандов с ремонтадо в живописных лохмотьях, с причудливо подведенными глазами.

Глядя на разношерстную толпу, я невольно задумался, как забавно вышло бы, если бы Новое Солнце, Дневная Звезда собственной персоной, столь же внезапно, как появлялось в давние времена, когда его звали Миротворцем, появилось бы здесь, среди нас, в совершенно неподходящем для сего месте – ведь Миротворец всегда предпочитал появляться в местах самых неподходящих, взглянуло на всех этих людей свежим взглядом, чего никому из нас не дано, и, увидав их, при помощи чародейства обрекло всех собравшихся (людей, совершенно мне незнакомых и знать не знавших меня) отныне и впредь жить жизнью тех, кем нарядились сегодня, горожан навсегда сделало автохтонами, жмущимися к дымящим очагам в горных хижинах из дикого камня, настоящего автохтона – горожанином на ридотто, женщин – кавалеристами, во весь опор скачущими навстречу врагам Содружества с саблями наголо, а офицеры отправятся по домам, заниматься шитьем у северного окна да порой с грустью вздыхать, взглянув на безлюдную дорогу, а деоданды – в лесную чащу, оплакивать собственные немислимые прегрешения, а ремонтадо, подпалив собственные дома, устремят взгляды к вершинам гор... и только я один останусь самим собой, подобно скорости света, которой, если верить знающим людям, не изменить никакими математическими преобразованиями.

Посмеивался я втихомолку, под маской, до тех пор, пока Коготь в мешочке из мягкой кожи не толкнул меня в грудь – легонько, словно напоминая, что с Миротворцем шутить не стоит, а я как-никак ношу при себе некую частицу его силы. Тут-то, устремив взгляд поверх голов в шлемах, в уборах из перьев, в диких космах волос, я и увидел у дальних колонн павильона одну из Пелерин. Увидел и со всех ног поспешил к ней, расталкивая в стороны тех, кто не пожелал расступиться. (Правда, таких оказалось немного: конечно, никому вокруг даже в голову не пришло, что я действительно тот, кем наряжен, однако из-за высокого роста меня принимали за экзультанта, поскольку настоящих экзультантов у архонта в гостях не случилось.)

Пелерина была не из молодых, но и не старой; овальное, правильной формы, ее лицо под узкой полумаской несло на себе печать благородства и отстраненности, подобно лицу главной жрицы, позволившей мне войти в шатер собора, после того как мы с Агией разнесли в щепки алтарь. В руке она держала крохотный, словно игрушка, бокал с вином, и когда я преклонил колено у ее ног, поставила его на ближайший стол, чтоб протянуть мне руку для поцелуя.

– Прости меня, Домницелла, – взмолился я, – ведь я причинил тебе и твоим сестрам величайшее зло.

– Смерть причиняет зло всем нам, – отвечала она.

– Но я не Смерть.

Тут я поднял взгляд, и в голове моей зародились кое-какие сомнения.

Шумный вдох Пелерины был слышен даже сквозь трескотню собравшихся.

– Вот как?

– Именно так, Домницелла. – Пусть и уже усомнившийся в ней, я все-таки испугался, как бы она не пустилась бежать, и ухватил ее за конец опояски, свисавший с талии. – Прошу простить меня, Домницелла, но вправду ли ты принадлежишь к ордену?

Пелерина, не говоря ни слова, покачала головой и рухнула на пол.

Клиенты, содержащиеся в наших подземных темницах, нередко притворяются лишившимися чувств, однако их плутовство легко распознать. Симулянты намеренно закрывают глаза и держат их закрытыми. Жертва же настоящего обморока (коим, кстати заметить, в равной мере подвержены и женщины, и мужчины) первым делом теряет власть над глазами, отчего оба глаза какой-то миг смотрят в несколько разные стороны, а порой закатываются под лоб – точнее, под верхние веки. Веки, в свою очередь, редко смыкаются полностью, поскольку сие – не сознательное действие, но попросту результат расслабления их мускулатуры. Обычно между краями верхнего и нижнего века остается виден узкий полумесяц склеры глазного яблока – именно так и вышло сейчас, с упавшей передо мной женщиной.

Около полудюжины человек помогли мне перенести ее в один из альковов, чему сопровождало множество дурацкой болтовни о жаре и возбуждении, хотя, за полным отсутствием и первого и второго, причиной обморока ни жара, ни чрезмерное возбуждение послужить не могли. Какое-то время я никак не мог отделаться от зевая, но затем происшедшее утратило всю прелесть новизны, после чего мне уже при всем желании никак не удалось бы удержать их рядом. Вскоре после этого женщина в алом зашевелилась, а другая женщина, примерно тех же лет, наряженная маленькой девочкой, сообщила мне, что это супруга некоего армигера, чья вила находится невдалеке от Тракса, недавно отбывшего в Несс по каким-то делам. Отойдя к столу, я отыскал тот самый крохотный бокал, вернулся и смочил ее губы остававшейся в нем красной жидкостью.

– Не надо, – слабым голосом заговорила она. – Не хочу... это сангари, а я терпеть его не могу – выбрала только потому, что... потому что оттенок... к наряду подходит.

– Отчего ты лишилась сознания? Оттого, что я решил, будто ты из настоящих конвен-туалок?

– Нет... оттого, что догадалась, кто ты, – ответила женщина в алом.

На время мы оба умолкли. Она по-прежнему полулежала на диване, куда мне помогли ее отнести, а я сидел у нее в ногах.

Пользуясь случаем, я вновь воскресил в памяти тот момент, когда преклонил перед нею колено: ведь мне, как не раз уже говорилось, ничего не стоит мысленно реконструировать любой миг прожитой жизни. Увы, на сей раз это нисколько не помогло, и, наконец, мне хочешь не хочешь пришлось спросить:

– Как же ты догадалась?

– Любой другой в этой одежде, спроси его, Смерть ли он, ответил бы «да»... потому что такова его маска. Неделю назад, когда муж обвинил одного из наших пеонов в краже, я

присутствовала на суде архонта. В тот день и видела тебя, стоявшего сбоку, скрестив руки на гарде вот этого самого меча, а едва лишь услышала, в чем ты сознаешься, едва ты поцеловал мои пальцы, сразу тебя узнала и подумала... О, сама не знаю, что я подумала! Наверное, что ты преклоняешь передо мной колени, так как намерен убить меня. Там, в зале суда, ты держался... все время держался, словно тот, кто не отступится от законов учтивости даже в обращении с несчастным, которому собирается отсечь голову, особенно с дамой.

– Я преклонил перед тобою колени лишь потому, что очень хочу поскорей разыскать Пелерин, а твой наряд, как и мой, казался вовсе не маскарадным.

– Так и есть. Говоря откровенно, носить его мне не положено, но это не просто костюм, на скорую руку сооруженный служанками, а настоящая инвестирура. – Тут она ненадолго умолкла. – Однако я ведь даже не знаю твоего имени.

– Севериан. А тебя зовут Кириакой – так сказала одна из женщин, помогавших перенести тебя сюда. Будь любезна, скажи, как ты добыла эти одежды и не знаешь ли, где Пелерины сейчас?

– Твоей службы это не касается, верно? – Пристально взглянув мне в глаза, Кириака покачала головой: – Да, дело, определенно, личное. Я росла у них и воспитывалась. В послушницах. Мы исходили весь континент, от края до края, и я получила немало чудесных уроков ботаники, попросту глядя на цветы и деревья в пути. Порой, стоит вспомнить бывшее, мне кажется, будто пальмы от сосен отделяла всего неделя пешего хода, хотя это, конечно, не так.

– Шло время, я готовилась принять невозвратные обеты, а за год до облачения всякой послушнице шьют инвестируру, дабы та могла примерить ее и подогнать по себе, после чего ее всякий раз, разбирая поклажу, видишь среди обычной одежды. Будто девочка, любующаяся свадебным платьем матери, принадлежавшим и ее бабушке, и понимающая, что тоже выйдет замуж – если когда-либо выйдет замуж – именно в нем. Только я инвестируры так ни разу и не надела, но, возвращаясь домой... ждать случая, надо заметить, пришлось долго, ведь провозжать меня никто не стал бы... прихватила ее с собой.

Прихватила с собой, но долгое время о ней не вспоминала. А получив от архонта приглашение на маскарад, вынула из сундука и решила надеть нынче вечером. Фигурой своей я горжусь по праву: служанкам пришлось лишь самую малость расставить вот здесь и здесь. Сидит как влитая, и лицом я – что настоящая Пелерина, вот только глаза... Правду сказать, мне этот взгляд никогда не давался. Думала, само придет, когда я обеты приму или после. У старшей над послушницами такой взгляд был... Допустим, сидит за шитьем, а заглянешь в глаза ей и сразу же веришь, что ей виден весь Урд, до тех самых краев, где обитают перисции, что взгляд ее проникает и сквозь ткань старой изношенной юбки, и сквозь стену шатра – сквозь все на свете... Однако куда направляются Пелерины сейчас, я не знаю, да и сами они – кроме разве что Матери – вряд ли знают об этом.

– Должно быть, у тебя среди них остались подруги, – заметил я. – Разве больше никто из послушниц не предпочел мирскую жизнь?

Кириака пожала плечами:

– Даже не знаю. Никто из них мне ни разу не написал.

– Как ты себя чувствуешь? Не хочешь ли вернуться назад? Там начинаются танцы.

Прежде, пока речь шла о Пелеринах, взгляд собеседницы словно блуждал в коридорах времени. Сейчас она, не поворачивая головы, искоса взглянула на меня.

– А тебе самому туда хочется?

– Пожалуй, нет. В толпе мне всегда несколько не по себе, если только вокруг не друзья.

– Так у тебя есть друзья?

Казалось, она искренне удивлена.

– Не здесь... за исключением одной подруги. А в Нессе рядом со мной были братья по гильдии.

– Понимаю, – после недолгой паузы ответила Кириака. – Что ж, возвращаться к остальным нам вовсе незачем. Званный вечер продолжится до утра, а с рассветом, если архонту не надоест веселиться, в павильоне опустят шторы, чтобы свет солнца не проникал внутрь, а может быть, даже накроют сводчатым куполом весь сад. Мы можем сидеть здесь сколько пожелаем. Захотим чего-нибудь выпить или перекусить – подзовем проходящего мимо официанта, а когда рядом появится кто-нибудь, с кем нам захочется поговорить, остановим его и заставим развлечь нас беседой.

– Боюсь, я наскучу тебе задолго до конца ночи, – предупредил я.

– Вот уж нет! Думаешь, я позволю тебе много болтать? Нет, я намерена говорить сама, а ты будешь слушать. Для начала: знаешь ли ты, что очень красив?

– Я знаю, что ничуть не красив. Однако ты ни разу не видела меня без маски, а значит, не можешь знать, как я выгляжу.

– Ошибаешься.

С этим Кириака подалась вперед, будто затем, чтоб разглядеть мое лицо под маской сквозь прорези для глаз. Ее собственная маска, пара обрамлявших глаза миндалевидных петель из узкой тесьмы того же цвета, что и платье, была так крохотна, что казалась всего лишь условностью, но придавала ее внешности налет экзотики, в иное время совсем ей не свойственной, а самой Кириаке, по-моему, внушала ощущение тайны, анонимности, избавлявшей ее от груза ответственности.

– Несомненно, ты – человек недюжинного ума, но на подобных приемах бывал куда реже, чем я, иначе давно освоил бы искусство судить о лицах, не видя их. Конечно, если тому, за кем наблюдаешь, вздумалось нацепить личину из дерева, не повторяющую формой лица, приходится нелегко, но даже в этом случае заметить можно очень и очень многое. Подбородок у тебя заостренный, верно? С небольшой ямочкой посередине?

– Заостренный – да, – подтвердил я, – однако без ямочки.

– Вот тут ты лжешь, чтоб сбить меня с толку, либо сам никогда в жизни ее не замечал. Форму подбородка я могу определять по талии – особенно у мужчин, в чем и заключается главный мой интерес. Тонкая талия означает заостренный подбородок, и форма твоей кожаной маски вполне позволяет в том убедиться. Вдобавок глаза... глубоко посажены, однако довольно велики и подвижны, что у мужчин, особенно узколиких, непременно сопутствует ямочке на подбородке. Скулы – их очертания самую чуточку видны под маской – у тебя широки, а из-за впалых щек кажутся еще шире. Волосы, судя по волоскам на тыльной стороне ладоней, темны, а губы тонки – их видно сквозь прорезь для рта. Поскольку целиком мне их не разглядеть, они изогнуты, словно лук купидона – самая соблазнительная форма мужских губ.

Не зная, что на это ответить, я многое отдал бы, лишь бы оставить ее как можно скорее, и наконец спросил:

– И теперь ты захочешь, чтоб я снял маску, дабы проверить точность всех этих суждений?

– О нет, нет, снимать маски нельзя – до тех пор, пока не заиграют обаду! Кроме того, подумай о моих чувствах. Если ты снимешь маску и, вопреки моему опыту, окажешься нисколько не красивым, я лишусь интересной ночи.

Рассматривая меня, она села прямо, теперь же улыбнулась и снова откинулась на диван, а ее волосы раскинулись по подушкам, окружив голову темным ореолом.

– Нет, Севериан, снимать маску с лица ни к чему, а вот снять маску с души придется. Чуть позже ты это сделаешь, показав все, что сделал бы, будучи волен делать что пожелаешь, а пока – рассказав обо всем, что я о тебе хочу знать. Ты прибыл из Несса – об этом мне уже известно. Отчего тебе так не терпится отыскать Пелерин?

VI. Библиотека Цитадели

Едва я собрался дать ей ответ, мимо нашего алькова прошла пара гостей – облаченный в санбенито кавалер с дамой, наряженной мидинеткой. На нас они только глянули мимоходом, и нечто – возможно, склоненные одна к другой головы, а может, незначительная перемена в выражениях лиц – подсказывало: они знают или, по крайней мере, подозревают, что на мне вовсе не маскарадный костюм. Однако я сделал вид, будто ничего не заметил, и сказал:

– Мне в руки случайно попало кое-что, принадлежащее Пелеринам. Хочу вернуть им пропажу.

– То есть чинить им зла ты не собираешься? – уточнила Кириака. – А можешь ли рассказать, что это?

Ответить правду я не осмелился и, понимая, что Кириака непременно попросит показать ей названное, ответил:

– Книга... старинная, великолепно иллюстрированная книга. Не стану делать вид, будто хоть что-либо смыслю в книгах, но почему-то уверен: она и в смысле религии многое значит, и сама по себе ценность имеет немалую, – и вынул из ташки ту самую книгу в коричневом переплете из библиотеки мастера Ультана, которую взял с собой, покидая камеру Теклы.

– Да, книга древняя, – подтвердила Кириака. – И, вижу, сильно подмочена. Позволь взглянуть?

Я подал ей книгу, и Кириака, перелистав страницы, поднесла ближе к светильнику, мерцавшему над нашим диваном, разворот с изображением сикинниды. Казалось, рогатые люди запрыгали, сильфиды дружно качнули бедрами в такт пляске пламени.

– Я в этом тоже мало что смыслю, – созналась она, возвращая мне книгу, – однако мой дядюшка разбирается в книгах прекрасно и, думаю, дорого бы за нее заплатил. Вот если бы он был здесь и смог поглядеть... а впрочем, так даже к лучшему: возможно, я сама попробую ее у тебя как-нибудь выманить. Каждую пентаду он отправляется в путешествие не хуже моих странствий с Пелеринами – и все ради поисков старинных книг. Даже в забытых архивах бывал. Ты о них слышал?

Я отрицательно покачал головой.

– И я знаю только то, что он однажды рассказывал, выпив чуть больше нашего домашнего кюве, чем обычно, да и рассказал, может статься, не все: за разговором мне постоянно казалось, будто дядюшка слегка опасается, как бы я не решилась отправиться туда сама. Я, разумеется, не решилась, хоть иногда и сожалею о том. Так вот, далеко на южных окраинах Несса, где большинство горожан не бывали никогда в жизни, так далеко вниз по великой реке, что люди обычно думают, будто город заканчивается намного, намного раньше, стоит древняя-древняя крепость. Все, кроме, возможно, самого Автарха – да живет его дух в тысяче преемников, – давным-давно позабыли о ней и места те считают нечистыми. Стоит она на высоком холме возле берега Гьёлля, взирая с его вершины на бескрайнее поле, усеянное полуразрушенными гробницами, и ничего, ничего не охраняет.

Сделав паузу, она вскинула руки и нарисовала в воздухе перед собою холм с венчающей его твердыней. Тут у меня возникло ощущение, будто эту историю она рассказывала уже не раз и не два – возможно, собственным детям. Подумав об этом, я осознал, что лет ей не так уж мало, довольно, чтобы иметь детей, в свою очередь подросших достаточно, чтоб выслушать и эту, и прочие ее сказки по много раз. Да, все эти годы не оставили на ее гладком, чувственном лице никакого следа, однако светоч юности, все еще ярко горящий в Доркас, и озарявший чистым, не от мира сего, сиянием даже Иоленту, и ослепительно, буйно пылавший за нестигаемой красотой Теклы, и осиявший укрытые пеленою тумана дорожки некрополя, когда сестра ее, Тея, приняла у Водала пистолет на краю оскверненной могилы, угас в Кириаке так давно,

что от его пламени не осталось даже едва уловимого аромата, и посему мне сделалось искренне ее жаль.

– Тебе, несомненно, известно, как наша раса, как люди древности достигли звезд и как отдали ради этого все первозданное, дикое, что оставалось в них, и оттого утратили вкус к буйству встречного ветра, и плотскому вожделению, и к любви, и к сложению новых песен, и к пению песен старых, и к прочим проявлениям «звериной» натуры, которые якобы принесли с собою из джунглей, с самого дна времен... хотя в действительности, как утверждал дядюшка, все это и вывело их из дикой глуши. Известно тебе также – а неизвестно, так знай, – что отданы эти вещи были творениям их же собственных рук, в душе ненавидевшим их. Да, у них вправду имелись души, хотя сотворившие их люди никогда с этим не считались. Так вот, творения решили уничтожить создателей, и уничтожили, дождавшись, пока человечество не покорит тысячи солнц, а после вернув человеку все, от чего он отрекся задолго до этого.

Одним словом, запомни все это и знай. Сама я то, что рассказываю, узнала от дядюшки, а он прочел обо всем этом и о многом другом в книге из своего собрания. В книге, которой, на его взгляд, не открывали целую хилиаду.

А вот о том, как это было проделано, известно гораздо меньше. Помнится, еще девчонкой я представляла себе злые машины, рывшие, рывшие землю ночь напролет, пока не откопали, не вынули из-под корней древних дубов железный сундук, ими же спрятанный под землей, когда мир был еще совсем юным, а после, стоило им сбить замок, все, о чем мы с тобой говорили, вырвалось, вылетело наружу, словно рой золотистых пчел. Глупо, наивно, однако мне даже сейчас не по силам вообразить, как эти думающие машины выглядели, как поступили в действительности.

Я тут же вспомнил об Ионе, о светлом металле, блестевшем там, где должна быть кожа его чресл, однако не сумел представить себе Иону, выпускающего мор на горе всему роду людскому, и лишь недоверчиво покачал головой.

– Однако в дядюшкиной книге, по его словам, объяснялось, что они сделали, а выпущенное ими на волю было вовсе не роem насекомых, а изобилием всевозможных артефактов, которые, по их расчетам, вернут к жизни все мысли и чувства, оставленные людьми в прошлом, так как всего этого не представлялось возможным записать цифрами. Строительством и изготовлением всего на свете, от городов до сосудов для сливок, управляли те же машины, и вот они, на протяжении тысячи человеческих жизней строившие города-механизмы, принялись возводить города, похожие на скопления туч перед бурей или, к примеру, на скелеты драконов.

– Когда же все это происходило? – спросил я.

– Очень, очень давно – задолго до того, как были уложены первые камни в фундаменты первых строений Несса.

Я обнял Кириаку за плечи, а ее ладонь – жаркая, ищущая – крадучись заскользила по моему бедру.

– Тому же принципу подчинили они все, что бы ни делали. И очертания мебели, и, скажем, покрой одежды. Ну а поскольку правители, в незапамятные времена решившие, что все мысли, какие могут символизировать подобные города, и одежда, и мебель, человечеству надлежит оставить в прошлом, давным-давно умерли, простых людей, позабывших и лица их, и максимы, новизна привела в восторг. Это и погубило всю человеческую империю, возведенную на основании одного лишь порядка.

Но все же, хоть империя и распалась, до гибели каждого из миров было еще далеко. Поначалу, дабы род людской вновь не отверг того, что ему возвратили, машины придумали грандиозные зрелища, феерии, вселявшие в голову всякого зрителя мысли о богатстве, о мщеннии либо о незримом, духовном мире. Позже они приставили к каждому из людей компаньона, советника, невидимого для всех остальных. У детей такие товарищи имелись с давних времен.

Когда власть машин – как самим машинам и требовалось – ослабла еще больше, они уже не могли ни поддерживать в сознании владельцев эти фантомы, ни строить новые города, так как и прежние-то, уцелевшие, почти опустели.

Таким образом, они, как сказал дядюшка, достигли той стадии, на коей человечество, согласно всем их надеждам, должно было обратиться против машин и уничтожить их, однако ничего подобного не случилось, так как теперь их – тех, кого прежде презирали, словно рабов, либо почитали, как демонов, – полюбили всем сердцем.

Тогда созвали они к себе всех, кто возлюбил их сильнее прочих, долгие годы учили избранных всему, отвергнутому родом людским, а со временем умерли.

Собрались те, кого полюбили они и кто полюбил их, на совет, начали думать, как сохранить их науку, ибо прекрасно знали, что подобных им на Урд больше не будет. Но начались среди них ожесточенные споры. Науки они постигали не сообщая: каждый, будь он хоть мужчиной, хоть женщиной, слушал одну из машин, как будто во всем мире нет никого, кроме них двоих, ну а поскольку знаний было великое множество, а учеников – жалкая горстка, машины каждого учили по-разному.

Так, слово за слово, ученики машин разделились на две партии, а каждая из партий – еще на две, а каждая из этих двух – еще на две, и, наконец, всяк из собравшихся остался один, непонятый, осуждаемый всеми прочими и, в свою очередь, осуждающий их. Поодиночке разошлись они по миру, прочь из городов, служивших приютом машинам, либо в самую их глубину – все, кроме нескольких, по привычке оставшихся во дворцах машин, бдеть возле их безжизненных тел.

Один из сомелье принес нам по чаше вина почти столь же прозрачного, как вода, и столь же спокойного, пока легкие колебания чаш не пробудили его, обращая в игристое. Заструившиеся к поверхности пузырьки наполнили альков ароматом цветов, которых не различить глазом, которых не отыскать никому, кроме слепых, а пить такое – все равно что пить квинтэссенцию силы из сердца быка. В нетерпении выхватив свою чашу из рук служителя, Кириака жадно осушила ее и со звоном отбросила в угол.

– Продолжай, – попросил я. – Чем кончилась история о забытых архивах?

– Когда последняя из машин остыла и замерла без движения, а каждый из тех, кто постигал запретные, отвергнутые человечеством знания, расстался со всеми прочими, сердца их исполнились ужаса. Ибо каждый сознавал, что он – всего-навсего смертный и вдобавок уже немолод, и понимал: с его собственной смертью погибнут его любимые знания. Тогда каждый из них – полагая, будто никто другой до этого не додумался, – начал записывать все, что постиг в течение долгих лет, внимая наставлениям машин, раскрывавших ученикам без утайки все тайны дикой, «звериной» части человеческого существа. Немало рукописей после было утрачено, но куда больше уцелело, попав в руки тех, кто взялся копировать их, оживляя собственными дополнениями или ослабляя пропусками... Поцелуй меня, Севериан.

Поцелуям изрядно мешала маска, однако губы наши встретились. Стоило ей отстраниться, из глубин памяти всплыл целый ворох призрачных воспоминаний о прежних любовных шалостях Теклы, разыгрывавшихся за псевдотирумами, ведущими в катахтонические будуары Обитатели Абсолюта, и я сказал:

– Разве ты не знаешь, что подобные вещи требуют от мужчин полной сосредоточенности?

– Знаю, – с улыбкой ответила Кириака. – Потому так и сделала. Хотела проверить, слушаешь ли ты мой рассказ. Так вот, долгое время – сколь долгое, наверное, не знает никто на свете, хотя, когда все это началось, мир наш еще не подошел вплотную к угасанию солнца, а годы были длиннее – эти рукописи ходили по рукам либо покрывались плесенью в кенотафах, где авторы прятали их для пушей сохранности. Были они фрагментарны, противоречивы и эйзегестичны. Затем, когда один из автархов (хотя в ту пору их еще не именовали автархами) вознамерился вернуться к завоеваниям и достижениям той, первой империи, его слуги, люди

в белых одеждах, обшарили все чердаки, низвергли с пьедесталов статуи андросфинксов, вздвигнутые в память о машинах, вошли даже в кубикулы давным-давно умерших мойрианок и собрали их все. Собрали, а добычу сложили огромной грудой посреди только что выстроенного великого города, Несса, дабы предать огню.

Однако в ночь накануне сожжения автарху тех времен, коему никогда прежде не являлись необузданные, своевольные сновидения, грезившему лишь наяву, и то об одной только власти, наконец-то приснился сон. Сон о том, как из рук его навсегда ускользает множество неприрученных миров – миров жизни и смерти, камня и рек, зверей и деревьев.

С приходом утра он приказал не зажигать факелов, но выстроить огромную сокровищницу и поместить все тома и свитки, собранные слугами в белых одеждах, туда. Ибо решил, если со строительством новой империи что-либо не заладится, удалиться в эту сокровищницу и с головой погрузиться в миры, которые, в подражание древним, собирался отринуть навек.

Новой империи у него, как и следовало ожидать, не вышло. Прошлого в будущем не найдешь, так как там его нет и не будет – до тех самых пор, пока метафизический мир, что куда обширнее, неторопливее мира материального, не завершит оборот и к нам не явится Новое Солнце. Однако не удалился он, как замышлял, и в свою сокровищницу, за крепостную стену, коей велел обнести ее, ибо диких, первозданных черт человеческой природы, однажды оставив их в прошлом, назад уже не вернешь.

Но, как бы там ни было, говорят, будто, прежде чем запереть собранное от всех на свете, он приставил к сокровищнице блюстителя. Когда же срок жизни сего блюстителя на Урд подошел к концу, тот подыскал нового, а тот – еще одного, и все они неизменно оставались верны приказам того автарха, поскольку душой и телом впитали «дикие» черты и помыслы, порожденные тайным знанием, сохраненным машинами, – ведь подобная верность как раз к ним, к первозданным чертам человека, и принадлежит...

Слушая, я освободил ее от одежд и начал целовать груди, но тут сказал:

– Разве все черты и помыслы, о которых ты говорила, не исчезли из мира, когда автарх запер их под замок? Быть может, я о них в жизни не слышал?

– Нет, не исчезли: ведь их долгое время передавали из рук в руки, и мало-помалу они проникли в кровь каждого. Кроме того, говорят, будто блюститель порой выпускает их прогуляться. Да, в итоге они неизменно к нему возвращаются, но прежде чем снова канут во тьму сокровищницы, их читают – то один, то другой, а то и многие.

– Чудесная сказка, – сказал я. – Возможно, я знаю об этом больше, чем ты, но услышал ее впервые.

Длинные ноги Кириаки плавно сужались от бедер, очень похожих на шелковые диванные валики, к лодыжкам, да и все ее тело было словно создано для наслаждений.

Ее пальцы коснулись фибулы, удерживавшей на плечах мой плащ.

– Тебе обязательно его снимать? – спросила она. – Не хватит ли его, чтоб укрыть нас обоих?

– Хватит, – подтвердил я.

VII. Влечения

В подаренных ею наслаждениях я едва не утонул с головой, так как – пусть не любил ее, как некогда любил Теклу и до сих пор любил Доркас, пусть она оказалась вовсе не столь прекрасной, какой когда-то была Иолента, – проникся к ней нежностью, лишь отчасти порожденной игристым вином, а Кириака была именно такой женщиной, о каких мечтал я оборванным мальчишкой, в Башне Матачинов, прежде чем был очарован сердцевидным ликом Теи возле вскрытой могилы, причем об искусстве любовных утех знала гораздо больше любой из них трех.

Поднявшись с дивана, мы отправились к серебряной чаше проточного бассейна, помыться. Возле него, подобно нам, предавалась любовной игре пара женщин. Уставившись на нас, обе расхохотались, однако, увидев, что я не пощажу их, хоть они и женщины, с визгом умчались прочь, а мы с Кириакой омыли друг друга.

Я понимал: Кириака не сомневается, что после этого я оставлю ее, и сам не сомневался в том, что она оставит меня, но нет, мы не расстались (хотя так, наверное, было бы лучше), а удалились в небольшой тихий сад, укрытый мраком ночи, и остановились у одинокого фонтана.

Оба мы держались за руки, как держатся за руки дети.

– Тебе случалось бывать в Обители Абсолюта? – спросила она, глядя на наше отражение в озаренной лунным светом воде.

Голос ее прозвучал едва слышно.

Я ответил, что доводилось, и ее пальцы крепче сжали мою ладонь.

– И в Кладезе Орхидей?

Я отрицательно покачал головой.

– В Обители Абсолюта я тоже бывала, но Кладезя Орхидей ни разу не видела. Говорят, если у Автарха имеется супруга, каковой у нашего нет, она держит двор именно там, в самом прекрасном месте на весь мир. Даже сейчас там позволяют гулять только красавицам из красавиц. Когда я была при дворе, нам – моему господину и мне – отвели покои, совсем небольшие, сообразно армистерскому званию. Однажды вечером господин мой отбыл неизвестно куда, а я вышла в коридор, и, пока глядела по сторонам, мимо прошел один из высших придворных чиновников. Ни его имени, ни придворного чина я не знала, однако остановила его и спросила, нельзя ли мне посетить Кладезь Орхидей.

Тут Кириака ненадолго умолкла. На протяжении трех, а то и четырех вдохов вокруг не слышалось ни звука, кроме музыки, доносившейся из павильонов, да звона струйки фонтана.

– А он остановился и взглянул на меня... думаю, с некоторым удивлением. Тебе наверняка невдомек, каково это – чувствовать себя ничтожной армистершей с севера, в платье, пошитом собственными служанками, в провинциальном драгоценном убранстве, под взглядом особы, всю жизнь прожившей среди экзультантов Обители Абсолюта... Так вот, взглянул он на меня и улыбнулся.

Пальцы Кириаки сомкнулись вокруг моей ладони крепче прежнего.

– Улыбнулся и говорит: по такому-то и такому-то коридору, сверни у такой-то статуи, поднимись вверх по лестнице и следуй дорожкой, мощенной слоновой костью. О Севериан, любимый!

Лицо ее сияло, словно сама луна. В эту минуту я понял: она описывает вершину всей своей жизни и весьма дорожит подаренной мною любовью – отчасти, а может, и в основном оттого, что приключение наше напомнило Кириаке, как ее красота, взвешенная и оцененная персоной, сочтенной ею достойной вынести приговор, была сочтена достаточной. Разум подсказывал, что мне следовало бы оскорбиться, однако обиды в сердце я отыскать не сумел.

– Чиновник ушел, а я отправилась, куда было указано, прошла пару дюжин – ну, может, две пары дюжин маховых шагов и... И нос к носу столкнулась с моим господином, а он велел мне вернуться назад, в наши крохотные покои.

– Понимаю, – сказал я, поправив меч на плече.

– Наверное, понимаешь... А если так, слишком ли дурно я поступаю, изменяя ему, как по-твоему?

– Я не магистрат.

– Все осуждают меня... все друзья и подруги... и все любовники, из коих ты – не первый и не последний, и даже те женщины из кальдария.

– Нас с детства учат никого не осуждать, а лишь приводить в исполнение приговоры, вынесенные судами Содружества. Нет, я не стану осуждать ни его, ни тебя.

– А вот я осуждаю, – сказала она, поднимая лицо к яркому, неумолимому свету звезд, и я впервые с тех пор, как увидел Кириаку в переполненном павильоне, отведенном под бальный зал, понял, каким образом мог принять ее за схимницу ордена, в одеяния коего она нарядилась. – Или, по крайней мере, делаю вид, будто осуждаю и признаю за собою вину, но остановиться никак не могу. По-моему, таких, как ты, что-то ко мне влечет. Что тебя привлекло? Среди гостей было немало женщин куда красивее и моложе меня.

– Не знаю, что и ответить, – проговорил я. – Когда мы шли сюда, в Тракс...

– А, так тебе тоже есть о чем рассказать? Расскажи, Севериан, расскажи. О единственном интересном событии из собственной жизни я уже рассказала.

– По пути сюда мы – с кем я шел сюда, объясню как-нибудь в другой раз, – случайно столкнулись с ведьмой, ее фамулой и клиентом, пришедшими в некое место, чтоб вновь вызвать к жизни тело давно умершего человека.

– Правда? – В глазах Кириаки вспыхнули огоньки. – Как восхитительно! Слышала я о подобном, но сама никогда не видела. Расскажи все, только, гляди, не выдумывай.

– На самом деле рассказывать особенно не о чем. Путь наш лежал через заброшенный город, и, увидев огонь их костра, мы подошли к нему, так как при нас был некто тяжело больной. Когда ведьма вернула к жизни нужного человека, я поначалу решил, будто она вознамерилась восстановить весь город, и только примерно через неделю понял, что...

Закончить не удалось: я просто не смог объяснить, что именно понял. Суть выходила за рамки человеческого языка, достигая того уровня, который мы предпочитаем полагать несуществующим, хотя, если бы не привычка постоянно держать в узде, одергивать собственные мысли, они то и дело забирались бы туда сами собой.

– Продолжай же.

– Разумеется, ничего я толком не понял. До сих пор размышляю над происшедшим, но понять не могу. Одно знаю: ведьма вернула к жизни его, а он принялся возвращать к жизни каменное городище, словно без этого города ему, как актеру без декорации, никуда. Порой мне даже думается, что город, может статься, никогда не существовал сам по себе, отдельно от него, и мы, едучи по растрескавшимся мостовым, мимо разрушенных стен, на деле ехали среди его мертвых костей.

– Ну а он-то пришел? – с нетерпением спросила Кириака. – Рассказывай, не томи!

– Да, он вернулся. А после клиента ведьмы постигла смерть, и хворую девушку, что была с нами, тоже. Апу-Пунчау – так звали давно умершего – снова исчез, а ведьмы, думаю, просто сбежали, но, может, и улетели. Впрочем, это не главное. Важно другое: весь следующий день мы шли пешком, а на ночлег остановились в хижине некоей бедной семьи. В ту ночь, пока моя спутница спала, я поговорил с хозяином дома, очевидно, многое знавшим о каменном городище, хотя его изначальное название оказалось ему неизвестным. А еще поговорил с его матерью, и вот она, думаю, знала несколько больше, чем он, только мне обо всем, что знает, рассказывать не пожелала.

Тут мне пришлось сделать паузу: говорить о подобных вещах с этой женщиной оказалось нелегко.

– Поначалу я заподозрил, что их предками были выходцы из этого города, но они утверждали, будто город разрушили задолго до появления на свет их расы. Однако его секретов они знали немало, так как хозяин дома с детства искал там сокровища, но, по его словам, так ничего и не нашел, кроме обломков камней, да битых горшков, да следов других искателей кладов, побывавших там задолго до него.

«В дни древности, – так рассказывала его мать, – люди верили, будто зарытое золото можно приманить, если закопаешь в землю пару-другую монет, сотворив при этом такие-то чары. Многие пробовали, да только одни забывали нужное место, другим что-то мешало туда вернуться... Эти-то монеты сын и находит. Это и есть наш хлеб».

Рассказывая, я вспоминал эту старуху, дряхлую, сгорбленную, гревшую руки над пламенем костерка из торфа. Возможно, она чем-то напоминала одну из престарелых нянек Теклы, так как при виде нее Текла поднялась из глубин памяти еще ближе к поверхности, чем в ту ночь, когда мы с Ионой сидели под замком в аванзале Обители Абсолюта, – раз или два я, бросив взгляд на собственные руки, искренне удивлялся и толщине пальцев, и смуглому цвету кожи, и полному отсутствию колец.

– Продолжай же, Севериан, – поторопила меня Кириака.

– Затем старуха поведала, что в каменном городище есть нечто, действительно притягивающее себе подобных. «Ты наверняка слышал сказки о некромантах, выуживающих из-за черты души умерших, – сказала она. – А знаешь ли, что среди мертвых есть вивиманты, призывающие к себе тех, кому по силам их оживить? Один из таких обитает и в каменном городище, и каждый сарос с нами раз или два ужинают те, кого он зовет к себе. Помнишь того молчуна, спавшего рядом со своим посохом? – спросила она сына. – Ты был тогда совсем крохой, но помнить его, я думаю, должен. До нынешнего дня к нам после него больше никто не заглядывал». Тут я и понял, что меня тоже влек к себе вивимант, Апу-Пунчау, хотя ничего такого не чувствовал.

Кириака искоса взглянула на меня:

– По-твоему, и я мертва, да? Ты говорил, будто всего-навсего наткнулся на костер ведьмы, оказавшейся некроманткой. Теперь мне кажется, будто этой «ведьмой» был ты сам, а «клиентом» – несомненно, хворая девушка, а вторая девица – твоей прислужницей.

– Это потому, что я рассказал тебе только о том, что посчитал важным, а о многом другом умолчал, – пояснил я.

Над тем, что принят за колдуна, я посмеялся бы от души, однако Коготь снова толкнул меня в грудь, будто напоминая: благодаря его краденой силе я вправду стал сродни ведьмам во всем, кроме знаний. Подумав об этом, я понял – в том же смысле, в каком «понимал» все остальное, – что Апу-Пунчау тянул, влек Коготь к себе, однако не смог (а может, не захотел?) отнять его у меня.

– А самое главное, – продолжал я, – когда выходец с того света исчез, в грязи осталась одна из алых накидок ордена Пелерин, точно такая же, как сейчас на тебе. Она у меня с собой, в ташке. Неужто Пелерины балуются некромантией?

Ответа на этот вопрос я так и не услышал: стоило мне завершить фразу, на дорожке, ведущей к фонтану, показался архонт. На маскарад он нарядился баргестом, так что при хорошем освещении я бы, пожалуй, его не узнал, однако сумерки ночного сада сорвали с него и костюм, и маску не хуже человеческих рук, а посему, едва различив в темноте его рост и походку, я узнал его сразу.

– А-а, – заговорил он, – стало быть, ты нашел ее. Я должен был это предвидеть.

– Я так и подумал, – ответил я, – но не был в том уверен.

VIII. У обрыва

Из дворцового сада я вышел через одни из ворот, выходящих на сушу. Возле них несли караул шестеро кавалеристов, отнюдь не столь беспечных и благодушных, как те, что несколько страж назад встречали меня на лестнице, ведущей к садам от реки. Один, вежливо, но непреклонно преградив выход, спросил, вправду ли мне необходимо уйти со званого вечера так рано. В ответ я представился и сказал, что этого, увы, не избежать: ночью-де я еще должен закончить кое-какие дела (в самом деле ждавшие завершения), а назавтра мне предстоит крайне нелегкий день (в самом деле мне предстоявший).

– Тогда ты просто герой, ликтор, – несколько дружелюбнее прежнего заметил солдат. – Сопровождающие при тебе есть?

– Были два клавигера, но я отпустил их. Что помешает мне найти дорогу назад, в Винкулу, одному?

– Можешь остаться здесь до утра, – предложил другой кавалерист, до сих пор хранивший молчание. – Тебе подыщут тихое место, чтоб спокойно поспать.

– Да, но дела останутся несделанными. Боюсь, я должен идти немедленно.

Солдат, преграждавший мне путь, отступил в сторону.

– Я бы все же послал с тобой пару человек. Подожди немного, и они подойдут – вот только получу разрешение от начальника караула.

– В этом нет надобности, – заверил его я и вышел за ворота, прежде чем кто-либо из них сказал еще хоть словцо.

Отовсюду вокруг явственно веяло тревогой, словно виновный в убийствах, о которых рассказывал мой сержант, еще не уgomонился – меня никак не оставляла уверенность, будто, пока я гостил во дворце у архонта, в городе не обошлось без новых жертв. Мысли эти внушали приятное возбуждение, и вовсе не оттого, что я по глупости полагал себя неуязвимым: риск покушения, смертельно опасная ночная прогулка по темным улицам Тракса изрядно притупили гнетущую тоску, готовую накрыть меня с головой. Этот неясный ужас, эта безлика угроза ночи были самыми ранними среди всех моих детских страхов и посему сейчас, когда детство осталось далеко позади, казались столь же родными, домашними, как и все прочее, что сохранилось при нас, повзрослевших, с детских времен.

Оказавшемуся на том же берегу, что и хакаль, где я побывал нынче днем, нанимать лодку мне не потребовалось, но незнакомые улицы в темноте казались лабиринтом, выстроенным специально ради того, чтоб сбить меня с толку. Однако после нескольких неудачных попыток я отыскал ту самую узкую тропку, что вела наверх, к хакалю у отвесной скалы.

Из жилищ по обе ее стороны, безмолвствовавших днем, в ожидании, пока могучая каменная стена, что напротив, поднявшись, не заслонит солнца, доносились негромкие голоса, а за несколькими окнами мерцали огоньки ламп-жирников. В то время как Абдиес пировал внизу, во дворце, скромные обитатели вершины утеса тоже устроили себе празднество, причем их веселье отличалось от его званого вечера разве что куда меньшим буйством. Проходя мимо, я слышал за стенами звуки любовных игр, точно такие же, какие слышал в садах у архонта, пока шел к воротам после окончательного расставания с Кириакой, негромкие разговоры, добродушные перепалки и смех. Дворцовый сад благоухал цветами, а воздух его освежали струи фонтанов и влага ледяных вод Ациса, струившихся за оградой. Здесь этаких ароматов, разумеется, было не сыскать, однако ночной ветерок, витавший среди хакалей и пещер с закупоренными устьями, пах то навозом, то ароматным свежесваренным чаем либо убогой жидкой похлебкой, то попросту свежестью горных вершин.

Поднявшись повыше, туда, где не желал селиться никто из хозяев, настолько зажиточных, чтобы позволить себе хоть немного света, кроме света кухонных очагов, я обернулся и

оглядел город точно так же, как – правда, в совсем ином расположении духа – озирает его днем, с зубчатых стен замка Акиэс. Говорят, в горах имеются расселины такой глубины, что на дне их видны звезды – другими словами, пропасти, достигающие той стороны мира, пронзающие весь мир насквозь. Казалось, на краю одной из этих расселин я и стою. Внизу, подо мною, сияли мириады огней, как будто вся Урд внезапно ушла из-под ног, открыв взгляду бездну, полную звезд.

К этому времени меня уже вполне могли хватиться и начать поиски. Разумеется, мне первым делом представились димархии архонта, галопом, возможно, с факелами, прихваченными из садов, мчащиеся по тихим улицам, однако мысль о возглавляемых мной до сего дня клавигерах, веером расходящихся в стороны от ворот Винкулы, оказалась гораздо хуже. Но нет, внизу царило спокойствие – ни движущихся огней, ни отдаленных хриплых возгласов, а если в Винкуле и поднялся переполох, то темных улиц, оплетавших паучьей сетью склон за рекой, переполох сей пока не затронул. Не наблюдалось вдали и мерцающих отсветов в проеме огромных ворот, распаивающихся, выпуская наружу очередной отряд только что поднятых с коек людей, и вновь затворяющихся за их спинами. Успокоившись, я еще раз оглядел город и двинулся дальше, навстречу. Пускай тревога еще не поднялась, ждать ее оставалось недолго.

В том самом последнем хакале под отвесной скалой было темно, а изнутри не доносилось ни звука. Прежде чем переступить порог, опасаясь, что, когда войду, мне не хватит на это духу, я вынул Коготь из ладанки на груди. Порой он полыхал ослепительнее всякого фейерверка – как, например, в Сальте, на постоялом дворе, порой же поблескивал не ярче осколка простого стекла. Той ночью, в хакале, свет Когтя не слепил глаз, но налился глубочайшей ультрамариновой синевой, словно камень испускал вовсе не свет, а нечто вроде чистой, прозрачной тьмы. Среди многочисленных имен Миротворца есть одно, по-моему, употребляемое людьми реже всех прочих, а мне всегда казавшееся самым из них загадочным – Черное Солнце. С той ночи я, кажется, понимаю, в чем его смысл. Держать самоцвет в пальцах, как часто делал и прежде, и в будущем, я не мог, а посему положил его на раскрытую ладонь правой руки, дабы не осквернить святотатственным прикосновением более необходимого, выставил руку перед собою, пригнулся и вошел в хакаль.

Девчонка лежала там же, где и днем, – лежала не шевелясь, а если и дышала, ее дыхания я не расслышал. Мальчишка со вспухшим глазом спал подле ее ног, на голой земле. Должно быть, полученные от меня деньги он потратил на пищу: пол был усеян огрызками кукурузных початков и очистками фруктов. На миг я осмелился понадеяться, что ни один из них не проснется.

Лицо девочки в ультрамариновом свете Когтя казалось еще более бледным, еще более жутким, чем днем: сияние камня подчеркнуло и темные круги под глазами, и впалые щеки, и заострившиеся скулы. Я чувствовал, что тут нужно что-то сказать, воззвать к Предвечному либо его посланникам при помощи неких ритуальных фраз, но внезапная сухость во рту лишила меня дара речи. Онемевший, будто бессловесный зверь, я медленно опустил руку так, что тень ладони целиком заслонила девчонку от темно-синего света, а снова подняв ее и не обнаружив в девчонке никаких перемен, вспомнил, что Иоленте Коготь ничем не помог. Быть может, на женщин он вовсе не действует или действует, но только в женских руках? Подумав так, я коснулся камнем лба спящей. Какой-то миг Коготь казался третьим глазом, открывшимся на ее мертвенно-бледном, неподвижном лице.

Сколько бы раз я им ни пользовался, в ту ночь воздействие Когтя оказалось самым поразительным, единственным в своем роде, начисто исключавшим возможность объяснить происшедшее каким-либо самообманом с моей стороны или каким-либо, пусть даже откровенно надуманным, случайным стечением обстоятельств. Вполне возможно, обрубков запястья обезьяночеловека перестал кровоточить благодаря его суевериям, а улан на дороге близ Обители

Абсолюта был всего-навсего оглушен и ожил бы в любом случае, а исцеление полученных Ионой ожогов могло оказаться просто иллюзией, порожденной игрой света и тени, однако сейчас...

Казалось, в промежутке, отделявшем предыдущий хронон от хронона следующего, некая невообразимая сила вытолкнула из колеи само мироздание. Настоящие, темные, точно речные омуты, глаза девчонки открылись; лицо, утратившее сходство с обтянутым кожей черепом, обернулось обычным лицом юной, изнуренной болезнью женщины.

– Кто ты, одетый так ярко? – спросила она. – А-а, да это же просто сон...

В ответ я сказал, что я – друг, а ей нет причины бояться.

– Я вовсе и не боюсь, – объявила она. – Вот если бы не спала, наверняка испугалась бы, но я же сплю. А ты... на вид – будто с неба сошел, но я-то знаю: ты всего лишь крыло несчастной птички. Тебя Иадер изловил, да? Спой мне...

Веки ее снова сомкнулись, и на сей раз я услышал ее протяжный, неторопливый вздох. Лицо девчонки осталось прежним – худым, изможденным, однако печать смерти стерлась с него без остатка.

Сняв самоцвет с ее лба, я коснулся им глаза мальчишки, точно так же, как касался лица его сестры, но, полагаю, в этом никакой необходимости не было. Глаз принял совершенно обычный, здоровый вид еще до того, как почувствовал поцелуй Когтя – возможно, и инфекция к тому моменту была уже побеждена. Встрепенувшись, спящий мальчишка вскрикнул, словно во сне бегущий впереди не столь быстроногих сверстников звал их за собой.

Я спрятал Коготь в ладанку на груди, сел на земляной пол среди огрызков кукурузных початков с очистками и прислушался. Со временем мальчишка затих. Неяркий свет звезд очерчивал у порога едва различимый косой четырехугольник, а в прочих частях хакала царил непроглядный мрак. Тишину нарушало лишь мерное дыхание мальчишки и его сестры.

Девчонка сказала, что я, со дня возвышения до подмастерья носивший одежду цвета сажи, а до того – серые отрепья, облачен в яркие одежды. Естественно, ей, ослепленной светом Когтя на лбу, показался бы ярким любой наряд, однако я чувствовал: в каком-то смысле она права. Нет, я (сколь ни велик соблазн написать так) вовсе не возненавидел своего плаща, и штанов, и сапог с той самой минуты; скорее мне сделалось ясно, что одежда моя действительно есть лишь маскарадный костюм, за который ее принимали собравшиеся во дворце архонта, а может, костюм театральный, которым казалась зрителям, когда я играл роль в пьесе доктора Талоса. В конце концов, палач тоже живой человек, а постоянно носить на теле исключительно тот цвет, что чернее черного, противно человеческой природе. Да, надев блекло-коричневую накидку из лавки Агила, я презирал собственное лицемерие всей душой, но, может статься, одеяния цвета сажи под нею являли собою не меньшее, а то и большее лицемерие.

Мало-помалу мне сделалось ясно и еще кое-что. Если я когда-либо воистину был палачом – палачом в том же смысле, что и мастер Гюрло, и даже мастер Палемон, быть таковым я перестал. Здесь, в Траксе, мне представился новый, второй шанс, но я упустил и его, а третьего шанса не будет. Возможно, должность благодаря науке и облачению мне обеспечена, но это и все, так что облачение лучше всего уничтожить при первом же удобном случае, а после искать себе место среди солдат, отправляющихся на север, на фронт, как только сумею – если, конечно, сумею вообще – вернуть Пелеринам Коготь.

Мальчишка вновь встрепенулся во сне, окликнул кого-то – должно быть, сестру. В ответ та пробормотала нечто неразборчивое, но тоже не открыла глаз. Я поднялся на ноги, еще раз оглядел обоих и выскользнул за порог, опасаясь перепугать ребятишек суровыми, резкими чертами лица и огромным, грозного вида мечом.

IX. Саламандра

Снаружи звезды казались ярче, а Коготь впервые за много недель прекратил толкаться и давить на грудь.

Спускаясь со склона по узкой тропинке, оборачиваться и останавливаться, чтобы взглянуть на город, было уже ни к чему. Тракс простирался передо мной десятком тысяч мерцающих огоньков, от сигнального огня замка Акиэс до отражений света из окон кордегардии в мчащейся сквозь Капул воде.

К этому времени все ворота для меня наверняка окажутся закрыты. Если димархии и не выехали на поиски, то выедут еще до того, как я доберусь до ровных мест возле берега, однако я твердо решил еще раз увидаться с Доркас, прежде чем покинуть город, – в способности сделать это я отчего-то ни минуты не сомневался. Однако, едва я начал обкатывать в голове планы бегства за городские стены, далеко внизу вспыхнул новый огонь.

Издали он, как и все остальные огни, казался совсем крохотным, не больше булавочной головки, но в остальном ничем на них не походил, и, может статься, мой разум воспринял этот огонь как вспышку света лишь потому, что не знал, чему еще его уподобить. Той ночью, в некрополе, когда Водал поднял из могилы умершую, я видел пистолетный выстрел во всей его мощности – отчетливый, правильный луч энергии, рассекший туман, точно молния. Этот огонь, совсем не похожий на выстрел из пистолета, походил на него куда больше всего, что еще могло бы прийти мне на ум. На мгновение вспыхнув, он тут же угас, а еще удар сердца спустя в лицо мне дохнуло жаром.

В темноте я каким-то образом ухитрился миновать небольшой трактир под названием «Утиное Гнездо». Возможно, где-то свернул не туда, возможно, просто прошел мимо закрытых ставнями окон, не взглянув на вывеску над головой, – в чем было дело, я так никогда и не узнал. Но, как бы оно ни обернулось, вскоре я обнаружил, что, очутившись неожиданно далеко от реки, быстро шагаю улицей, ведущей – по крайней мере пока – параллельно утесу, а ноздри щекочет вонь горелого мяса, словно во время клеймения. Едва собравшись повернуть назад и отыскать верный путь, я столкнулся во мраке с какой-то женщиной. Столкновение вышло столь резким и неожиданным, что я едва не упал, а пошатнувшись и отпрянув назад, услышал, как шлепнулось о камень мостовой ее тело.

– Я не разглядел тебя, – пояснил я, потянувшись к упавшей.

– Беги! Беги! – выдохнула она, но тут же прибавила: – Ох, только помоги уж подняться.

Голос ее казался смутно знакомым.

– Зачем мне бежать? От кого?

Я помог женщине встать. В неярком свете ее лицо казалось расплывчатым мутным пятном, однако в его выражении явственно чувствовался страх.

– Оно спалило Юрмина. Спалило заживо. Когда мы на него наткнулись, его посох еще горел. А он... он...

Что бы она ни собиралась сказать дальше, фраза оборвалась, заглушенная безудержными рыданиями.

– Что спалило Юрмина?

Женщина не отвечала. Пришлось встряхнуть ее, но от этого она только заплакала горше прежнего.

– А ведь я тебя знаю. Говори, отвечай же! Ты – хозяйка «Утинового Гнезда». Веди меня туда, скорее!

– Не могу, – отвечала она. – Страшно. Будь добр, сьер, позволь опереться на твое плечо. Спрятаться нужно – где угодно, только под крышей.

– Прекрасно. Вот в «Утиное Гнездо» и направимся. Идти, я уверен, недалеко... Так, а это еще что?

– Не поспеть нам туда! – прорыдала хозяйка трактира. – Не поспеть!

Рядом, на улице, кроме нас, появился кто-то еще. Возможно, я не заметил его приближения, а может, до сего момента его невозможно было заметить – возник он внезапно, словно из ниоткуда. Слышал я, будто люди, панически боящиеся крыс, чувствуют их появление в доме еще до того, как увидят хотя бы одну, – точно так же вышло в ту ночь и со мной. Я ощутил жар, который не согревает, и хотя в воздухе не было запаха, я почувствовал, что его способность поддерживать жизнь иссякает. Однако трактирщица ничего этого не заметила.

– Говорят, прошлой ночью оно сожгло троих, возле самой арены, а сегодня еще одного, поблизости от Винкулы. И вот теперь еще Юрмин... Слухи в городе ходят: ищет оно кого-то.

Мне тут же вспомнились и нотулы, и неведомое существо, с сопением кравшееся вдоль стен аванзалы Обитатели Абсолюта.

– Ну если так, похоже, оно его отыскало.

Выпустив руку трактирщицы, я огляделся по сторонам – и раз, и другой, – но все впустую. Жар нарастал, однако нигде вокруг не было видно ни единого проблеска света. В отчаянии я едва не поддался соблазну осветить улицу Когтем, но вовремя вспомнил, как разбудил им создание, спавшее в недрах Урд под рудником людей-обезьян, и понял, что свет лишь поможет неведомой твари отыскать меня в темноте. Меч вполне мог оказаться для нее не опаснее, чем для нотул, когда мы с Ионой бежали от них сквозь кедровники, однако я обнажил клинок и замер, приготовившись отразить нападение.

Почти в тот же миг невдалеке загрелись копыта, и из-за угла не более чем в сотне маховых шагов от нас с воплем вынеслись двое димархиев. Будь у меня больше времени, я наверняка улыбнулся бы, обнаружив, сколь близко схожа эта картина с нарисованным фантазией образом, однако полыхнувшие фейерверками острия их пик выхватили из мрака некий темный, приземистый, сторбленный силуэт, отделявший нас от всадников.

Неведомая тварь развернулась к свету, распустилась, точно цветок, выросла с такой быстротой, что глазу не уследить, истончилась и обернулась существом, сплошь состоящим из полупрозрачного пламени, раскаленным, однако всем своим обликом схожим с рептилией – точно таким же образом мы узнаем пресмыкающихся в тех разноцветных змеях, которых порой привозят из северных джунглей, несмотря на их поразительное сходство с замысловатыми ожерельями из цветной эмали. Скакуны солдат с визгом взвились на дыбы, попятились, но один из димархиев, проявив куда больше присутствия духа, чем я, выпустил разряд пики в самое сердце твари, преграждавшей обоим путь.

Слепящая вспышка рассекла темноту. Хозяйка «Утинового Гнезда» обмякла, повиснув на мне, и я, отнюдь не желая потерять ее, поддержал трактирщицу свободной рукой.

– Думаю, ее тянет к живому теплу, – сказал я. – Сейчас она отвлечется на дестрие, а мы сможем уйти.

В тот же миг тварь повернулась к нам.

Как я уже говорил, со спины, раскрывшись навстречу димархиям, она казалась неким пресмыкающимся цветком. Теперь, когда огненная тварь предстала перед нами во всем своем устрашающем великолепии, к этому впечатлению прибавились еще два. Первым оказалось ощущение невероятно сильного, потустороннего жара: не утратившее прежнего сходства с пресмыкающимися, странное существо обернулось горячей рептилией, каких еще не видала Урд, не менее необычной, чем пустынная гадюка внутри снежного кома. Второе впечатление... пожалуй, его можно назвать сходством с лохмотьями, трепещущими на ветру, не имеющем ничего общего с токами воздуха. Тварь, как и прежде, выглядела словно цветок, но приняла вид цветка, белые, бледно-желтые и огненно-рыжие лепестки коего треплет какой-то чудовищный ураган, зарождающийся в самой его сердцевине.

Всем этим впечатлениям сопутствовал – окружал их, пропитывал насквозь – ужас, которого мне просто не описать: этот ужас вмиг вытянул из меня всю решимость и силы, лишил способности и бежать, и драться. Казалось, мы с неведомой тварью застряли в каком-то временном промежутке, не имеющем ничего общего ни с минувшим, ни с будущим, удерживающем нас, единственных его обитателей, в неподвижности, а посему и цельность его нарушить попросту некому.

Оцепенению положил конец громкий вопль. Позади нас на улицу галопом вылетела вторая пара димархиев. Увидев жуткое создание, солдаты подхлестнули дестрие, устремились в атаку, вмиг оказались рядом и только благодаря вмешательству святой Катарины не втоптали нас в мостовую. Если я когда-либо сомневался в отваге солдат Автарха, в эту минуту все мои сомнения развеялись без остатка: обе пары кавалеристов бросились на чудовище, словно гончие на оленя.

Увы, вся их отвага пропала впустую. Вновь ослепительная вспышка, волна жуткого жара – и я, волоча за собой наполовину бесчувственную трактирщицу, со всех ног рванулся вперед.

Бежать я намеревался туда, откуда появились димархии, однако, охваченный паникой (к моему страху прибавился леденящий душу страх Теклы), свернул за угол слишком поздно, а может быть, слишком рано. Вместо крутого спуска к нижнему городу передо мной, вопреки всем надеждам, открылся тесный глухой дворик, примостившийся на пяточке скального выступа, а к тому времени, как я осознал положение, жуткая тварь – вновь невысокая, сгорбленная, но окруженная ореолом некоей устрашающей незримой силы – преградила нам выход на улицу.

В неярком свете звезд она казалась всего лишь согбенным стариком, однако большего ужаса, чем при виде нее, я не испытывал никогда в жизни. В глубине дворика виднелся хакаль – несколько больше хижины, где страдали больная девчонка и ее брат, но в той же манере сооруженный из жердей, лозы да глины. Ударом ноги выбив дверь, я стрелой помчался сквозь лабиринт омерзительно грязных комнаток – из первой во вторую, а за ней в третью, где спали вповалку около полудюжины человек, а за нею в четвертую, где и остановился перед окном, ведущим наружу примерно так же, как амбразура моего кабинета в Винкуле. То был тупик, последняя из комнат хижины, нависавшая, точно ласточкино гнездо, над пропастью, в эту минуту казавшейся бесконечной.

Из только что покинутой нами комнаты донеслись гневные возгласы разбуженных вторжением хозяев хакаля. Дверь распахнулась, однако собравшийся вышвырнуть прочь незваных гостей – должно быть, увидевший блеск «Терминус Эст» – застыл на пороге как вкопанный, изумленно выругался и поспешил удалиться. Почти в тот же миг кто-то пронзительно завизжал, и я понял: огненное создание уже здесь, в хакале.

Стоило отпустить повисшую на мне трактирщицу, та без сил рухнула у моих ног. За окном не обнаружилось ничего обнадеживающего: стена из обмазанного глиной плетня заканчивалась несколькими кубитами ниже, а концы балок, поддерживавших настил пола, наружу из-под нее не выступали. Край крыши, крытой прелой соломой, расползался под пальцами, как паутина. Не успел я ощупать карниз в поисках хоть какой-то опоры, как комната озарилась светом, начисто стершим все краски вокруг, разогнавшим по углам черные, точно сама сажа, точно расщелины в самом мироздании, тени. Что ж, дело ясное: либо вступить в бой и, по примеру димархиев, принять смерть, либо прыгать в окно... и я развернулся лицом к явившейся по мою душу твари.

Тварь еще не переступила порога – маячила невдалеке от дверного проема, снова раскрывшаяся, как там, среди улицы. На каменном полу перед ней распростерся наполовину обглоданный пламенем труп какой-то злосчастной старухи, а огненное создание (в этом я мог бы поклясться) склонилось над жертвой с таким видом, словно внимательно изучает ее. Покрывшиеся волдырями, шипящие, точно жир на сковороде, кожа и плоть старухи распались

в прах. Еще миг – и даже кости ее превратились в белесый пепел, а тварь, разметав его лапой, двинулась к нам.

По-моему, во всем мире не было, нет и не будет меча лучше «Терминус Эст», однако в бою с противником, разбившим наголову такое множество кавалеристов, помочь он мне не мог, и посему я, в смутной надежде, что со временем его отыщут и вернут мастеру Палемону, отбросил его в сторону и выхватил из ладанки на груди Коготь.

Пожалуй, с такими же чувствами утопающий хватается за соломинку, однако мне сразу же сделалось ясно: соломинка эта меня не спасет. Каким бы образом неведомое создание ни воспринимало окружающий мир (а судя по его движениям, на Урд оно было практически слепо), самоцвет тварь разглядела немедля и ничуть его не испугалась. Неторопливо, будто ощупью двигавшаяся к дверям, она оживилось, целеустремленно скользнула вперед, достигла порога... а едва миновав его, с грохотом, с треском исчезла, окруженная облаком дыма. Дыра, прожженная ею в хлипком дощатом полу, начинавшемся сразу же за порогом, за краем скального выступа, озарилась снизу сполохами ее бесцветного пламени, сменившимися быстрым чередованием прочих оттенков: сиренево-синий уступил место лиловому, лиловый розовому, и вскоре от всего этого великолепия остались лишь неяркие красноватые отсветы пляшущих язычков огня.

Х. Свинец

Поначалу я было подумал, что наверняка провалюсь в зияющую дыру посреди крохотной комнатухи, не успев отыскать «Терминус Эст», а уж тем более – увести содержательницу «Утинога Гнезда» куда-нибудь, где поспокойнее. Затем какое-то время нисколько не сомневался, что сейчас вниз со скалы рухнет все – и стены, и крыша, и проседающий под ногами пол, и мы, разумеется, тоже.

Однако в конце концов мы выбрались из хакаля. На улице не оказалось ни димархиев, ни кого-либо из горожан: очевидно, внимание солдат привлек разгоревшийся внизу пожар, а местные жители, перепуганные, попрятались по домам. Поддерживая трактирщицу на ногах, я, пусть она, не оправившаяся от пережитого ужаса, еще не могла внятно отвечать на вопросы, предоставил ей выбирать путь самой, и не ошибся: она вправду, ни разу не сбившись с дороги, привела нас прямо к «Утиному Гнезду».

Доркас спала. Будить ее я не стал, а просто, не зажигая света, устроился на табурете рядом с кроватью – кроме табурета, теперь там стоял и столик, а на столике как раз нашлось достаточно места для бокала и бутылки вина, прихваченной из общего зала. Вино (уж не знаю, какого сорта) на вкус казалось довольно крепким, однако пилось, словно вода: к тому времени, как Доркас проснулась, я выпил добрую половину бутылки, но выпитое подействовало на меня не более чем полбутылки шербета.

Приподнявшись, Доркас вновь уронила голову на подушку.

– Севериан... Мне следовало сразу догадаться, что это ты.

– Прости, если я тебя напугал, – сказал я. – Пришел посмотреть, как ты тут.

– Ты очень заботлив. Но, кажется, я всякий раз, как ни проснусь, вижу тебя, склонившегося надо мной. – На миг она вновь смежила веки. – А ты сам знаешь, как тихо, совсем неслышно ходишь, даже в сапогах на толстой подошве? Этого люди тоже пугаются.

– Как-то раз ты сказала, что я словно всю ночь пил чью-то кровь, потому что перед тем я ел гранат и мои губы были перепачканы гранатовым соком. Помнишь, как мы над этим смеялись?

(Произошло это в поле, в пределах Несской Стены, когда мы заночевали возле сцены доктора Талоса, а проснувшись, завтракали фруктами, оброненными накануне разбежавшейся публикой.)

– Помню, – ответила Доркас. – Ты, верно, хочешь снова меня рассмешить? Боюсь, засмеяться я больше не смогу никогда.

– Хочешь вина? Досталось задаром, но оказалось не таким скверным, как я ожидал.

– Чтобы развеселиться? Нет. По-моему, пить нужно, когда на душе уже весело. Иначе не найдешь на дне кружки ничего, кроме горькой тоски.

– Однако выпей хотя бы глоток. Хозяйка говорит, ты была нездорова и целый день ничего не ела.

Слегка встряхнув золотистыми волосами, Доркас повернулась ко мне лицом. Видя, что она окончательно проснулась, я отважился зажечь свечу.

– Ты все в тех же одеждах, – сказала Доркас. – Должно быть, перепугал ее до потери разума.

– Нет, она меня вовсе не испугалась. И сейчас льет в кружку все, что под руку подвернется.

– Она была добра ко мне – да и вообще сердце у нее доброе. Не осуждай ее, пусть даже у нее в обычае выпивать посреди ночи.

– Я ее вовсе не осуждаю. Но, может, ты все-таки съешь чего-нибудь? Еда в здешней кухне найдется наверняка. Только скажи, и пожалуйста – все, что захочешь, перед тобой.

На эти слова Доркас откликнулась блеклой улыбкой.

– Что я ни съем, и так целый день... передо мной. Это хозяйка и имела в виду, сказав, что я нездорова. Или она рассказала всю правду как есть? Тошнит меня, стоит хоть что-нибудь проглотить. Наверное, даже запах до сих пор чувствуется, хотя эта бедная женщина из сил выбилась, убирая за мной.

Сделав паузу, Доркас принялась:

– А этот запах откуда? Тряпкой горелой пахнет... Должно быть, от свечи... хотя фитиля тебе этим громадным клинком, думаю, не подрезать.

– Наверное, от моего плаща, – предположил я. – Было дело – к огню я сегодня вечером слишком близко придвинулся.

– Я бы попросила открыть окно, но, вижу, оно уже открыто. Боюсь, сквозняк не дает тебе покоя: вон как колеблется пламя свечи. У тебя не кружится голова от этой пляски теней?

– Нет, – отвечал я. – Если прямо на огонек не смотреть, все в порядке.

– А лицо у тебя... будто тебе так же худо, как мне – возле воды.

– Днем я отыскал тебя на берегу, у самой реки.

– Да, помню, – сказала Доркас и замолчала.

Молчание ее длилось так долго, что я испугался, не умолкла ли она навсегда. Что, если патологическая (теперь я в этом несколько не сомневаюсь) немота, поразившая ее днем, возобновилась, и на сей раз необратимо?

– Я ведь вовсе не ожидал найти тебя там, – наконец сказал я. – Помню, глядел, глядел и все никак глазам не мог поверить, хотя искал именно тебя.

– Меня тошнило, Севериан. Я ведь об этом уже рассказывала, верно?

– Верно, рассказывала.

– А знаешь чем?

Говоря, она не сводила взгляда с низкого потолка, отчего у меня возникло стойкое ощущение, будто там, наверху, – еще один, другой Севериан, добрый сердцем и, может, даже благородный, существующий только в воображении Доркас. Конечно, каждый из нас в минуты самых интимных откровений на самом деле обращается не столько к собеседнику, сколько к некоему его образу, нами же самими и созданному, однако сейчас дела обстояли куда серьезнее: казалось, Доркас продолжит говорить, даже если я выйду за дверь.

– Нет, – отвечал я. – Наверное, водой?

– Пулями от пращи.

– Неприятное, должно быть, ощущение, – отважился заметить я, решив, что слова ее следует понимать в переносном смысле.

Доркас, не поднимая головы с подушки, вновь повернулась ко мне, и я смог разглядеть огромные зрачки ее синих глаз. Исполненные пустоты, они казались парой крохотных призраков.

– Пулями от пращи, Севериан, милый мой. Увесистыми, свинцовыми, в поперечнике примерно с орех, а в длину чуть короче большого пальца, и на каждой отчеканено: «Рази без промаха». С грохотом вывалились они изо рта в ведро, и я, запустив руку в выблеванную вместе с ними мерзкую жижу, вынула их – поглядеть. Женщина, что владеет трактиром, пришла и унесла ведро, но пули я вытерла и сберегла. Их две, и сейчас они в ящике вот этого стола. Хозяйка трактира принесла его, чтоб было куда поставить ужин. Хочешь взглянуть? Выдвини ящик.

Не в силах представить себе, о чем речь, я спросил, не думает ли она, будто кто-то пытался ее отравить.

– Нет, вовсе нет. Выдвини ящик, взгляни. Ты ведь так храбр. Разве не хочешь сам посмотреть?

– Я тебе и без того верю. Если ты говоришь, что в ящике пули, значит, там, несомненно, пули.

– Но ты не веришь, что меня ими стошнило. Ну что ж, тут тебя трудно в чем-либо упрекнуть. Помнишь историю о дочери охотника, благословленной пардалеем так, что, стоило ей сказать слово, с губ ее сыпались бусины гагата? А после ее невестка, жена брата, обманом забрала благословение себе, однако, стоило ей заговорить, с ее губ прыгали жабы? Я ее, помнится, слышала, но всегда думала, что это сказка.

– Как человека может тошнить свинцовыми пулями?

Доркас залилась смехом, однако в смехе том не было ни грана веселья.

– Все очень просто. Проще, пожалуй, некуда. Знаешь, что я сегодня видела? Знаешь, отчего не могла говорить с тобой, когда ты меня отыскал? Я ведь вправду говорить не могла, Севериан, клянусь чем угодно. Знаю, ты думал, будто я просто сердита и потому упрямлюсь, но дело вовсе не в том. Я... я словно бы превратилась в бессловесный камень. Все на свете казалось – да и сейчас, наверное, кажется – сущим пустяком. Хотя в трусости я тебя упрекнула напрасно. Не думай, я в твоей храбрости вовсе не сомневаюсь. Вот только в том, что ты делаешь с несчастными заключенными, по-моему, храбрости нет никакой. А ведь ты так отважно сражался с Агилом и после готов был сразиться с Бальдандерсом, потому что мы думали, будто он собирается убить Иоленту...

Вновь помолчав, Доркас шумно вздохнула:

– Ох, Севериан, как же я устала...

– Об этом – насчет заключенных – я и хотел с тобой поговорить, – сказал я. – Хочу, чтобы ты кое-что понимала, даже если не сможешь простить меня. Все это – мое ремесло. Меня учили ему с раннего детства.

Склонившись к Доркас, я взял ее за руку. Ладонь ее казалась хрупкой, словно крылышко канарейки.

– Да, что-то вроде этого ты уже говорил. Я вправду все понимаю.

– Но не понимаешь другого. Ремеслом этим, Доркас, я владею куда лучше многих. пытки и казни – это искусство, и у меня есть к нему склонность, природный талант, дар свыше. И этот меч, и все прочие орудия нашего ремесла оживают в моих руках. Оставшись в Цитадели, я мог бы стать мастером, Доркас. Ты меня слушаешь? Для тебя все это хоть что-нибудь значит?

– Да, – отвечала она. – Кое-что значит, да. Вот только пить очень хочется. Если сам пить больше не будешь, налей мне, будь добр, немного вина.

Я так и сделал, из опасений, как бы она не пролила вино на простыни, наполнив бокал не более чем на четверть.

Приняв вино, Доркас села (до тех пор я сомневался, что ей хватит для этого сил), а проглотив последнюю капельку алой жидкости, швырнула бокал за окно. Снаружи донесся звон разбившегося о мостовую стекла.

– Не хочу, чтоб ты пил из него после меня, – пояснила Доркас. – А ты б непременно выпил, оставь я бокал на столе.

– Думаешь, твое недомогание заразно?

– Да, – вновь рассмеявшись, ответила Доркас, – но этой хворью ты уже заражен. С рождения. От матери. Имя ей – Смерть. А вот о том, что я такое сегодня видела, ты, Севериан, так и не спросил.

XI. Десница прошлого

Стоило Доркас сказать: «А вот о том, что я такое сегодня видела, ты, Севериан, так и не спросил», – я осознал, что невольно уволю разговор в сторону от сих материй. Имелось у меня не слишком приятное предчувствие, что, на мой взгляд, ответ окажется совершеннейшим пустяком, однако для Доркас значит очень и очень многое; так умалишенные порой бывают уверены, будто червоточины под корой упавших деревьев есть некие сверхъестественные письмены.

– По-моему, что бы это ни было, тебе о нем лучше не вспоминать, – сказал я.

– Разумеется, лучше бы, да только не выйдет. А было это кресло.

– Кресло?

– Да, старое кресло. И стол, и еще около полудюжины разных вещей. Оказывается, на улице Токарей есть лавка, где продают старую мебель эклектикам и автохтонам, в достаточной мере проникшимся нашей культурой. Источников удовлетворения спроса здесь, в Траксе, нет, и потому ее владелец с сыновьями два-три раза в году отправляется в Несс, в заброшенные кварталы на юге столицы, и там битком набивает барку всякой всячиной. Понимаешь, я говорила с ним, и он обо всем рассказал. Пустующих домов там – десятки тысяч. Некоторые давным-давно обвалились, но некоторые до сих пор целы, как в тот день, когда были брошены хозяевами. Большая часть, конечно, разграблена, однако они до сих пор находят в таких домах серебро, а то и кое-какие драгоценные украшения. Правда, мебели сохранилось не так уж много, но съехавшие хозяева почти всегда что-нибудь да оставляли.

Почувствовав, что Доркас вот-вот расплачется, я подался вперед и погладил ее по голове. Однако Доркас, дав взглядом понять, что ей этого не хочется, вновь, как и прежде, улеглась на кровать.

– Случается, в таких домах вся мебель на месте. Подобные, по словам лавочника, лучше всего. Он полагает, что, когда кварталы пустели, по две-три семьи или даже по два-три человека, живших в одиночестве, оставались. Одни – потому что слишком стары, чтобы сниматься с обжитого места, другие – попросту из упрямства. Я долго об этом думала и не сомневаюсь: должно быть, у некоторых там имелось... нечто такое, с чем они не в силах расстаться. К примеру, могилы близких. Чтоб уберечься от мародеров, они наглухо заколачивали окна, заводили сторожевых псов, а то и зверей пострашнее. Однако в конце концов и эти люди съезжали в другие места... либо жизнь их подходила к концу, а звери, сожрав трупы хозяев, вырывались на волю, и с тех самых пор, до появления этого лавочника с сыновьями, туда не заглядывал никто, даже грабители или падальщики.

– Должно быть, старых кресел там великое множество, – заметил я.

– Да, но не таких. В этом кресле мне оказалась знакома каждая мелочь, вплоть до резьбы на ножках и даже рисунка древесных волокон на подлокотниках. Сколько всего я тогда вспомнила... а после, когда меня стошнило свинцовыми пулями вроде твердых, налитых тяжестью семян, окончательно все поняла. Помнишь ли ты, Севериан, как мы покинули Ботанические Сады? Как втроем с Агией вышли из того громадного остекленного вивария и ты нанял лодку, чтоб нас переправили с острова на берег, а река густо заросла неньюфарами, голубыми цветами среди глянцевого зеленого листвы? Так вот, семена у них точно такие же – твердые, увесистые, темные... а еще я слышала, что они тонут в воде и могут покоиться на дне Гьелля не одну эпоху. Однако, волею случая оказавшись вблизи от поверхности, они, сколько б им ни было лет, прорастают и вновь украшают реку цветами, целую хилиаду ждавшими своего часа.

– Я тоже об этом слышал, – подтвердил я. – Но для нас-то с тобой все это ничего не значит.

Лежала Доркас, не шевелясь, но голос ее задрожал:

– Какая сила зовет их наверх? Какая? Ты можешь ответить?

– Свет солнца, наверное... Хотя нет, ответа я не знаю.

– А солнечный свет исходит только от солнца?

Да, тут я понял, к чему она клонит, но согласиться с ней отчего-то не мог.

– Переправляя нас через Птичье Озеро, тот человек – Хильдегрин, тот самый, с кем мы встретились во второй раз на крыше гробницы посреди руин каменного городища, – поминал о миллионах умерших, покойников, чьи тела похоронены там, в воде. Что удерживает их на дне, Севериан? Сами по себе мертвые тела всплывали бы на поверхность. Чем их утяжеляют? Я не знаю... а ты?

А вот я это знал.

– Свинцовую дробь сыплют в желудок сквозь горло.

– Я так и думала. – Голос Доркас звучал так слабо, что был едва слышен даже в крохотной тихой комнатке. – Нет, не думала – знала. Поняла, как только увидела их.

– Думаешь, Коготь... вернул тебя назад?

Доркас кивнула.

– Действительно, иногда он творил нечто подобное. Но только если я вынимал его, да и то не всегда. А когда ты тащила меня из воды в Саду Непробудного Сна, он лежал в ташке, и я о нем даже не подозревал.

– Севериан, однажды ты позволил мне подержать его. Можно взглянуть на него еще раз?

Я вынул камень из мягкой замшевой ладанки и поднял кверху. Голубое сияние самоцвета словно дремало, но я отчетливо видел в его середине хищно изогнутый крюк, в честь коего он и был наречен Когтем. Доркас потянулась к нему, но я, вспомнив судьбу винного бокала, отрицательно покачал головой.

– Думаешь, я хочу сделать с ним что-то дурное? Нет, не хочу. Это ведь святотатство.

– Если ты веришь собственным словам – а по-моему, ты вправду так и считаешь, – то наверняка ненавидишь Коготь, пробудивший тебя...

– ...от смерти. – Вновь устремившая взгляд в потолок, Доркас заулыбалась, словно делясь с ним каким-то интимным, до смешного нелепым секретом. – Не стесняйся, говори прямо. Вреда тебе это никакого не причинит.

– От сна, – поправил ее я. – Поскольку какая же это смерть? Если уж человека можно взять да вернуть назад, это вовсе не смерть – не смерть в нашем с тобой понимании, не то, что приходит на ум, когда мы говорим «смерть». Хотя, должен признаться, поверить, будто Миротворец, умерший многие тысячи лет назад, стал бы поднимать кого-либо из мертвых при помощи этого камня, мне не по силам.

Доркас не отвечала. Вполне возможно, она вовсе меня не слушала.

– Ты вспомнила, как Хильдегрин, – продолжал я, – вез нас на лодке через озеро, за цветком аверна. А помнишь, что он говорил о смерти? Что смерть будто бы с птицами в доброй дружбе. Возможно, нам еще в тот день следовало понять, что подобная смерть не может быть смертью, какой мы ее представляем.

– А если я скажу, что верю во все это, ты позволишь мне подержать Коготь?

Я вновь отрицательно покачал головой.

Смотрела Доркас по-прежнему не на меня, но, должно быть, заметила движение моей тени, а может, тот, воображаемый ею Севериан на потолке попросту тоже покачал головой.

– Ну что ж, ты прав – я в самом деле собиралась уничтожить его, если получится. Знаешь, что я действительно думаю? По-моему, я была мертвой – не спящей, мертвой. Вся моя жизнь миновала долгое-долгое время тому назад, когда мы с мужем жили над крохотной лавкой и растили ребенка. А твой Миротворец, явившийся к нам в незапамятные времена, – авантюрист, искатель приключений, принадлежавший к одной из древних рас и переживший всеобщую гибель. – Пальцы ее крепко стиснули край одеяла. – Скажи, Севериан, не его ли нарекут

Новым Солнцем, когда он явится снова? Не к этому ли все идет? А еще я считаю, что, явившись к нам, он принес с собой нечто, обладающее той же властью над временем, какой зеркала Отца Инире будто бы обладают над расстоянием. То есть твой самоцвет.

Умолкнув, Доркас повернулась ко мне, одарила меня воинственным взглядом и, видя, что я молчу, продолжила:

– Того улана ты, Севериан, вернул к жизни, потому что Коготь искривил для него время, отправив его в тот момент, когда он еще был жив. А наполовину заживил раны друга, потому что камень приблизил момент их заживления. А когда свалился в болото в Саду Непробудного Сна, камень, должно быть, коснулся меня или оказался совсем рядом со мной, и для меня настало время, в котором была жива я, и потому я снова жива. Но ведь я умерла. Умерла, и мой сморщенный труп долгое-долгое время лежал на дне, а бурные воды не дали ему истлеть. И что-то во мне мертво до сих пор.

– Нечто мертвое, изначально мертвое, имеется в каждом из нас, – заметил я. – Хотя бы память о том, что каждому в свое время предстоит умереть. Об этом ведь знают все, кроме самых маленьких ребятишек.

– Мне нужно вернуться назад, Севериан. Об этом и весь разговор. Вернуться и разузнать, кем я была, где жила и что со мною стряслось. Конечно же, ты пойти со мной не сможешь...

Я ответил согласным кивком.

– Да я об этом и не прошу. И даже не хочу этого. Я люблю тебя, но ведь ты – тоже смерть, еще одна смерть, смерть, оставшаяся при мне, подружившаяся со мной, как та, прежняя смерть, в озере, но все равно смерть. Не хочется, знаешь ли, брать с собой смерть, отправляясь на поиски собственной жизни.

– Я тебя понимаю, – сказал я.

– Может статься, мой малыш еще жив – состарился, разумеется, но еще жив. Мне и об этом знать нужно.

– Да, – согласился я, однако, не удержавшись, добавил: – А ведь было время, ты говорила, что я вовсе не смерть и не должен, идя на поводу чужих мнений, считать себя ею. За тем самым фруктовым садиком, на землях Обители Абсолюта. Помнишь?

– Но для меня ты был смертью, – возразила Доркас. – Я, если хочешь, сама угодила в ловушку, о которой предупреждала тебя. Возможно, ты и не смерть, но останешься тем, кто ты есть – палачом и казнедеем, и руки твои вечно будут обагрены кровью. И... да, раз уж ты так хорошо помнишь те дни в Обители Абсолюта, быть может... Нет, не выговорить. Но сделал это со мной не ты. Миротворец, а может, Коготь, а может, Предвечный, однако не ты.

– Так в чем дело? – спросил я.

– После уже, на той самой прогалинке, доктор Талос вручил нам обоим деньги. Деньги, полученные от какого-то придворного чиновника за представление пьесы. По пути в Тракс я все отдала тебе. А теперь хочу получить обратно. Мне они очень нужны. Если не все, то хоть часть.

Я вывалил на стол все деньги, лежавшие в ташке, – не меньше, чем получил от Доркас, а то и чуточку больше.

– Спасибо, – сказала она. – А тебе они не понадобятся?

– Тебе будут гораздо нужнее. Вдобавок они ведь твои.

– Отправлюсь в путь завтра же, если сил хватит. А уж послезавтра – в любом случае, как бы себя ни чувствовала. Как часто из Тракса уходят лодки к низовьям, ты, наверное, не знаешь?

– От тебя все зависит. Главное, лодку от берега оттолкни, а там, по течению, она сама к низовьям пойдет.

– А вот это на тебя, Севериан, как-то не слишком похоже. Скорее в такой манере мог бы ответить твой друг, Иона, судя по тому, что ты о нем рассказывал. Кстати, вот о чем еще твоя шутка напомнила: ты не первый сегодня ко мне заглянул. Здесь был еще наш – или, по

крайней мере, твой – друг, Гефор. По-твоему, не смешно? Прости, я только хотела сменить предмет разговора.

– Гефор наслаждается всем этим. Ему на меня глядеть в радость.

– Когда ты работаешь на публике, тобой любят тысячи человек, да и тебе самому работа, я вижу, нравится.

– Они приходят затем, чтобы как следует натерпеться страху, а после искренне радоваться тому, что сами живы. Еще им нравится общее возбуждение, тревожное ожидание, неизвестность – не «сломается» ли приговоренный, не стрясется ли какой-нибудь жуткой неожиданности. Мне радость приносит собственное мастерство – единственное ремесло, которому я обучен; я радуюсь безукоризненно выполненной работе, а вот Гефор... Гефору нужно нечто другое.

– Чужая боль?

– Да, именно, но не только.

– Знаешь, ведь он преклоняется перед тобой, – сказала Доркас. – Поговорил со мной всего-то пару минут, но я нисколько не сомневаюсь: по твоему повелению этот Гефор пойдет хоть в огонь.

Должно быть, тут я невольно поморщился, так как Доркас продолжила:

– Вижу, от разговоров о нем тебе дурно становится? Нет уж, хватит с нас и моих злосчастий. Давай о другом лучше поговорим.

– Нет-нет, моим злосчастьям до твоих далеко. Дело в том, что Гефора я способен представить себе только таким, каким видел его однажды, стоя на эшафоте: рот разинут, а глаза...

Доркас тревожно поежилась:

– Да уж, глаза... я их сегодня видела. Глаза его мертвы, хотя, наверное, не мне бы так о других говорить. Взгляд – что у трупа. Никак не избавиться от ощущения, будто, если потрогать, они окажутся сухи, словно камни, и даже не дрогнут под пальцем.

– Вовсе нет, вовсе нет. В Сальте, когда я взглянул вниз с эшафота и увидел его, глаза Гефора просто-таки плясали. По-твоему, глаза Гефора – чаще всего тусклые – похожи на глаза трупа... но разве ты никогда не смотрелась в зеркало? Твои глаза на глаза умершей уж точно совсем не походят.

– Может, и так, – с легкой запинкой ответила Доркас. – Ты не раз говорил, что они прекрасны.

– Неужели тебя не радует жизнь? Пусть даже муж твой мертв, и сын тоже, и дом, где вы некогда жили, превратился в развалины, пусть даже так, разве возвращение к жизни – не счастье? Ты ведь не призрак, не выходец с того света вроде того, что мы видели в разрушенном городе. Еще раз повторю: погляди же на себя в зеркало! А не хочешь – взгляни в глаза хоть мне, хоть любому другому из мужчин и увидишь, какова ты на самом деле!

Поднявшись с подушки еще медленнее, с еще большим трудом, чем прежде, когда поднималась, чтоб выпить вина, Доркас села, но на сей раз спустила ноги с кровати, и я увидел, что, кроме тонкого одеяльца, на ней нет ни лоскутка. До болезни кожа Иоленты была безупречной – гладкой и нежной, точно крем на пирожном. Хрупкое – кожа да кости – тело Доркас сплошь покрывали россыпи золотистых веснушек, однако ее несовершенство казалось куда желаннее пышности форм Иоленты. Конечно, сейчас, когда ей нездоровилось, а я приготовился с нею расстаться, приставать к ней и даже упрашивать открыться передо мной было бы тяжким грехом, и все же влекло меня к ней неудержимо. Сколь бы крепко – или же сколь бы мало – ни любил я женщину, особенно сильно меня влечет к ней, когда получить желаемого уже невозможно, однако влечение к Доркас оказалось гораздо сильнее и много сложнее обычного. Доркас, пусть совсем ненадолго, стала мне близким другом – ближе друзей у меня не бывало, и наша взаимная страсть, от первого лихорадочного соития в Нессе, в отведенной нам для ноч-

лега кладовке, до долгих, неторопливых любовных игр под сводами спальни в Винкуле, являла собою не только акт любви, но и акт дружбы.

– Плачешь? – заметил я. – Хочешь, чтоб я ушел?

Доркас отчаянно замотала головой, а после, как будто не в силах сдержать рвущиеся наружу слова, зашептала:

– О Севериан, разве ты не уйдешь отсюда? То есть я не о том... Может, ты... может, ты тоже пойдешь со мной?

– Нет. Не могу.

Удрученно осевшая на кровать, Доркас словно бы сделалась совсем маленькой, не больше ребенка.

– Да, понимаю. У тебя долг перед гильдией. Снова предать ее и преодолеть себя тебе не по силам, и просить о подобном я даже не думала. Просто ни на минуту не теряла надежды, что ты сможешь...

Однако я вновь, как и прежде, покачал головой:

– Мне нужно бежать из города, но...

– Севериан?!

– Но на север. А ты отправишься на юг, и если с тобой буду я, за нами в погоню отправится куча посыльных лодок, битком набитых солдатами.

– Севериан... что случилось?

Лицо Доркас оставалось предельно спокойным – только глаза округлились от изумления.

– Я отпустил на волю одну женщину. Ее было приказано задушить и швырнуть тело в Ацис, и этому ничто не препятствовало – никаких чувств я к ней не испытывал, а стало быть, привести приговор в исполнение мог без труда. Однако, оставшись с нею наедине, я вспомнил о Текле. Дело было в небольшом летнем домике у самого края воды, со всех сторон окруженном кустами, и я, держа приговоренную за горло, вспомнил, как мне хотелось освободить из заточения Теклу. Но освободить ее я возможности не нашел... и тебе об этом, помнится, не рассказывал, верно?

Доркас едва заметно покачала головой.

– Там нас со всех сторон окружали братья по гильдии. Кратчайший путь из темниц вел мимо пятерых. Все они знали меня и знали о ней. – (В глубине памяти раздался пронзительный визг Теклы.) – На самом-то деле им можно было просто сказать, что мастер Гюрло распорядился привести ее к себе. Но тогда мне пришлось бы уйти вместе с ней, а я еще надеялся отыскать другой способ, позволяющий остаться в гильдии. Наверное, любил ее не так крепко, чтобы...

– Но теперь-то все это в прошлом, – напомнила Доркас. – А еще, Севериан, смерть вовсе не так ужасна, как ты думаешь.

В эту минуту мы с ней поменялись ролями, словно заблудившиеся детишки, поочередно ободряющие друг друга.

В ответ я только пожал плечами. Призрак, съеденный мною у Водала на пиру, успокоился: я чувствовал мозгом прикосновения длинных, прохладных пальцев Теклы, и хотя вывернуть голову наизнанку, чтобы взглянуть на нее, не мог, знал: сейчас ее темно-синие, точно фиалки, глаза смотрят на мир сквозь мои. Знал и лишь ценою изрядных усилий не заговорил ее голосом.

– Так вот, мы с этой женщиной остались в летнем домике, наедине. Звали ее Кириаккой. Я знал или по меньшей мере подозревал, что ей известно, где сейчас Пелерины – какое-то время она принадлежала к их ордену. Нашей гильдии известно немало способов пытки, беззвучных и притом не требующих никаких инструментов, не слишком зрелищных с виду, однако весьма эффективных. В основе их лежит непосредственное воздействие на нервные структуры клиента. Я собирался прибегнуть к тому, что у нас называется Посохом Хумбабы, но прежде чем успел коснуться ее, она обо всем рассказала. Пелерины сейчас невдалеке от

Орифийского перевала, выхаживают раненых. По словам этой женщины, всего неделю назад она получила письмо от одной из знакомых по ордену, и та...

ХII. Вслед за текущей водой

Летний домик щеголял сплошной прочной крышей, но его стены были сооружены из изящных решетчатых шпалер, и, таким образом, иллюзию уединения создавали скорее не их тонкие планки, а высокие лесные папоротники, посаженные к ним вплотную. Ажур листвы пронзали лучики лунного света; за открытым дверным проемом поблескивали в изумрудном сиянии бурные воды реки. Охваченная страхом смерти, Кириака надеялась лишь на то, что в моем сердце еще сохранилась хоть малая толика любви к ней, и, видя это, я, не питавший к ней никаких чувств, понимал: все надежды ее напрасны.

– В лагере Автарха, – повторила она. – Так пишет Эйнхильда. В Орифии, у порогов Гьёлля. Но если пойдешь туда возвращать книгу, будь осторожен: еще она пишет, будто где-то там же, на севере, приземлился корабль какогенов.

Я смерил ее пристальным взглядом, пытаясь понять, в чем она лжет.

– Так утверждает Эйнхильда. Должно быть, они не захотели воспользоваться зеркалами Обители Абсолюта, чтобы не попадаться на глаза Автарху. Конечно, он у них в услужении, но порой ведет себя так, точно это они служат ему.

Я резко встряхнул ее:

– Ты что же, шутить надо мной вздумала? Автарх в услужении у какогенов?!

– Прошу тебя! О, пожалуйста...

Отпущенная мною, Кириака рухнула на пол.

– Об этом... О Эреб! Прости меня. – С этим она звучно всхлипнула, и хотя лежала в тени, я почувствовал, что моя жертва утирает глаза и нос краем алого облачения. – Об этом известно всем, кроме пеонов да вольных простолюдинов. А армигеры и даже оптиматы, не говоря уж об экзультантах, знают об этом с детства. Сама я Автарха ни разу не видела, но слышала, будто он, Венценосный Наместник Нового Солнца, ростом разве что самую малость выше меня. Думаешь, наши гордые экзультанты позволили бы подобной особе править собою, если б не тысячи пушек за его спиной?

– Я видел его и тоже об этом задумывался, – сказал я, ища в воспоминаниях Теклы подтверждение сказанного Кириакой, но не нашел ничего, кроме слухов да сплетен.

– Расскажи мне о нем! Прошу тебя, Севериан, прежде чем...

– Нет, не сейчас. Чем какогены могут мне угрожать? В чем опасность?

– В том, что Автарх наверняка отправит разведчиков искать их, и наш архонт, думаю тоже. Всех обнаруженных рядом с ними сочтут шпионами какогенов или, что еще хуже, изменниками, разыскивающими их, дабы привлечь на свою сторону в каком-нибудь заговоре супротив Трона Феникса.

– Понятно.

– Севериан, не губи меня. Молю, не губи. Женщина я не из добродетельных, с тех пор как оставила Пелерин, жила в грехе и сейчас не могу взглянуть в лицо смерти.

– И что же ты натворила? – спросил я. – Отчего Абдиес желает твоей смерти? Об этом тебе известно?

Задушить человека с неразвитой шейной мускулатурой проще простого, и я уже разминал пальцы, готовясь исполнить порученное, но в то же время жалел, что мне не позволено воспользоваться «Терминус Эст».

– Я всего лишь любила слишком многих мужчин, пренебрегая супругом.

Словно бы поднятая на ноги волной воспоминаний обо всех тех объятиях, она встала и двинулась ко мне. В лунном свете, вновь озарившем ее лицо, глаза Кириаки заблестели от навернувшихся слез.

– После женитьбы он был так жесток, так жесток ко мне... и потому я, в пику ему, завела любовника, а после еще одного и еще... – (Голос ее звучал все тише и недолгое время спустя сделался едва слышен.) – В конце концов поиски новых любовников вошли в привычку, стали таким способом задержать ход времени, показать себе, что жизнь вовсе не утекла между пальцами, что я еще вполне молода – взгляни-де, мужчины с прежней охотой подносят тебе подарки, с прежней лаской тянутся к твоим волосам... Ради этого я, если уж на то пошло, и оставила Пелерин. – Кириака сделала паузу, словно бы собираясь с силами. – Знаешь, сколько мне лет? Я тебе говорила?

– Нет, – отвечал я.

– Тогда и не скажу. Однако еще немного, и я вполне могла бы стать тебе матерью. Если бы понесла в течение года-другого после того, как обрела к этому способность. В то время мы странствовали далеко на юге, где течения носят по черным морям огромные иссиня-белые льды. Был там невысокий холмик, и я не раз, взойдя на него, глядела вдаль и мечтала: одеться бы потеплее, запастись пищей, взять с собой ученую птицу, которой у меня никогда в жизни не было, но очень хотелось бы завести, догрести в шлюпке до льдины побольше и уплыть на ней, на собственном ледяном островке, к северу, к песчаному острову, заросшему пальмами, да отыскать там руины замка, выстроенного на заре мира... Вот тогда-то, одна на льдине, я, скорее всего, и родила бы тебя. Отчего бы воображаемому сыну не появиться на свет во время воображаемого плавания? И рос бы ты, ловя рыбу, плавая в море теплее парного молока...

– Над жизнью неверной жены властен только ее супруг, – напомнил я.

Кириака протяжно вздохнула: очевидно, мое замечание развеяло ее грезы.

– Среди окрестных армигеров-землевладельцев он – один из немногих, стоящих на стороне архонта. Остальные надеются, не повинувшись ему насколько посмеют и подстрекая к смуте местных эклектиков, склонить Автарха к его смещению. Я же, выставив супруга на смех, превратила в посмешище и его друзей, и архонта.

Благодаря живущей в памяти Текле перед моим мысленным взором предстала загородная вилла – наполовину особняк, наполовину форт – о множестве комнат, почти не изменившихся за две сотни лет. В ушах зазвучало хихиканье дам, топот охотничьих скакунов, и звуки рогов за окном, и лай гончих, натасканных на кабанов. Именно в этот мир надеялась удалиться Текла, и мне стало жаль Кириаку, насильно запертую в сем тесном мирке, не успев повидать хоть сколь-нибудь более широких сфер.

Подобно покоям Инквизитора из пьесы доктора Талоса, судилищу, таящемуся в лабиринтах самых нижних уровней Обители Абсолюта, в самых пыльных чуланах памяти каждого хранятся счета, по коим все мы стремимся расплатиться с долгами прошлого изрядно утратившей ценность монетой настоящего. Один из таких счетов я и погасил, пощадив жизнь Кириаки в уплату за гибель Теклы.

Знаю: выведенная из летнего домика, она заподозрила, будто я намерен покончить с нею у кромки воды. Нет, вместо этого я указал ей на реку:

– Ацис быстро течет к югу, пока не сольется с водами Гьёлля, а тот, уже куда медленней, течет к Нессу и после – к южному морю. Беглеца, затерявшегося в лабиринтах Несса, не найти никому, если только он сам того не пожелает: улиц, дворов и доходных домов там без счета, не говоря уж о сотнях всевозможных лиц из сотен всевозможных стран. Будь у тебя возможность отправиться туда, одетой, как одета сейчас, без друзей, без денег, воспользуешься ли ты ею?

Кириака кивнула, прижав бледные пальцы к горлу.

– Преграды для лодок под Капулом еще нет: Абдиесу известно, что нападений снизу, против течения, до середины лета опасаться не стоит. Однако течение под его сводами может опрокинуть лодку, а это верная смерть. А если даже доберешься до Несса, тебе придется добывать хлеб нелегким трудом – в прачки наняться или, скажем, в кухарки.

– Я умею укладывать куафюры и шить. Но, Севериан... я слышала, что иногда, в качестве последней, самой ужасной пытки, вы убеждаете пленника, будто его отпускают на волю. Если сейчас ты так и делаешь, будь добр, прекрати. Мне и без того хуже некуда.

– Такое в ходу у калогеров или иных особ духовного звания. Нам ни один клиент не поверит. Однако я хочу убедиться, что ты не наделаешь глупостей, вернувшись домой или вознамерившись просить архонта о помиловании.

– Я, конечно, глупа, – созналась Кириака, – но нет. Подобное не придет в голову даже мне, клянусь.

Держась у кромки воды, мы дошли до лестницы, где караульные встречали гостей архонта, а возле берега покачивались на якорях крохотные, ярко раскрашенные прогулочные лодки. Сообщив одному из солдат, что мы собираемся прокатиться по реке, я спросил, удастся ли нам нанять гребцов, чтобы подняться назад, вверх по течению. Караульный ответил, что мы, если угодно, можем оставить лодку у Капула, а назад воротиться в наемном фиакре. Стоило ему, отвернувшись, возобновить беседу с товарищем, я сделал вид, будто осматриваю лодки, и осторожно распутал носовой фалинь той, что была зачалена дальше всех прочих от освещенного факелами караульного поста.

– Так, значит, теперь ты должен бежать на север, а я все деньги у тебя забрала? – ахнула Доркас.

– Мне много не нужно, а понадобятся – заработаю, – поднявшись, заверил ее я.

– Возьми назад хоть половину.

Я отрицательно покачал головой.

– Тогда хоть два хризоса. Я, если совсем туго придется, могу собой торговать или воровкой стану.

– За кражу карают отсечением руки. Уж лучше я буду рубить руки другим, чтоб не остаться без ужина, чем ты – расплачиваться за ужин собственными руками.

С этим я шагнул к двери, но Доркас, вскочив с кровати, удержала меня за полу плаща:

– Будь осторожен, Севериан. По городу бродит какая-то тварь – Гефор называл ее саламандрой. Говорят, она сжигает жертвы живьем.

Я ответил, что солдаты архонта для меня куда страшнее любых саламандр, и вышел из комнаты, прежде чем Доркас успела сказать еще хоть словечко. Однако несколько позже мне, с трудом поднимавшемуся наверх узкой улочкой, по заверениям лодочников, ведущей к самому гребню скалы, пришлось в голову, что горная стужа и дикие звери, пожалуй, опаснее и тех и других. Подумал я и о Гефоре: каким образом он догнал меня так далеко на севере, чего ради? Но много больше, чем обо всем этом, я думал о Доркас – о том, кем была она для меня, а я для нее. Увидеться снова, хотя бы мельком, нам предстояло лишь долгое время спустя, и я это каким-то неведомым образом чувствовал. Впервые покидая Цитадель, я опустил капюшон пониже, чтоб встречные прохожие не видели моей улыбки, и точно так же сделал сейчас – чтоб спрятать от посторонних глаз текущие по щекам слезы.

Резервуар, снабжавший Винкулу водой, я дважды видел при свете дня, а вот ночью еще ни разу. Прямоугольный пруд не обширнее фундамента дома, не глубже могилы, в то время он выглядел совсем небольшим, но сейчас, под ущербной луной, казался едва ли не озером, глубоким, точно резервуар у подножия Колокольной Башни.

Находился он не более чем в сотне шагов от крепостной стены, защищавшей Тракс с запада. Имелись в стене и башни – одна возле самого резервуара, и, несомненно, их гарнизоны к этому часу уже получили приказ схватить меня, буде я попытаюсь бежать из города. Время от времени, по пути вдоль гребня скалы, мне попадались на глаза часовые, патрулировавшие

стену: пики их были погашены, но увенчанные гребнями шлемы заслоняли собою звезды, а порой и поблескивали, отражая их неяркий свет.

Оглядывая город внизу, я присел на корточки и положился на то, что плащ и капюшон цвета сажи укроют меня от бдительных взоров солдат. Железные решетки, коими в случае надобности запирали проемы арок под Капулом, оказались подняты: буруны там, где Ацис бился об их прутья, были видны даже издали. Сомнений не оставалось: Кириаку схватили либо, что еще более вероятно, просто заметили и доложили о ней. Вопрос, сколь много сил бросит Абдиес на ее поиски, оставался открытым. На мой взгляд, поднимать вокруг нее много шума архонту было бы не с руки – пускай уж лучше исчезнет как можно тише, и дело с концом, а вот меня он наверняка не упустит возможности арестовать, дабы принародно, в назидание противникам, казнить за измену законной власти в его лице.

Отведенный от быстрых вод Ациса, взгляд мой скользнул к недвижной глади резервуара. Слово, отпирающее замок шлюзовых ворот, я знал и не преминул им воспользоваться. Древний механизм заскрежетал, будто приведенный в движение призрачными рабами, и тихие воды тоже, бурля, быстрее течения Ациса, бушующего у подножья Капула, хлынули вниз. Там, далеко внизу, заключенные услышат их грохот, а те, кто прикован ближе всех к выходу, увидят белую пену бурунов. Не пройдет и минуты, как стоящие окажутся по щиколотку в воде, а спящие вскочат на ноги. Еще минута, и вода достигнет пояса, однако все они надежно прикованы к стене, и, стало быть, самым сильным придется поддерживать тех, кто послабее... а мне остается только надеяться, что никто не утонет. Между тем клавигеры, дежурящие у входа, оставив пост, поспешат к крутой лестнице, ведущей на вершину утеса, поглядеть, кто там озорничает с резервуаром...

И верно: едва резервуар опустел, неподалеку раздался дробный стук камешков, сыплющихся из-под их сапог. Закрыв за собой шлюзовые ворота, я осторожно спустился в осклизлый, почти вертикальный ход, которым вода ушла вниз. Здесь мне пришлось бы намного легче, если бы не «Терminus Эст» за плечом. Чтоб упереться спиной в стенку коленчатой, наподобие дымохода, трубы, с плеча меч пришлось снять, однако освободить руку, чтобы держать его, я не мог. Тогда я накинул перевязь на шею, опустил клинок с ножнами книзу и двинулся в путь. Дважды оскальзывался, но оба раза меня спасало очередное колено сужавшегося стока. Наконец, выждав достаточно долгое время, чтоб клавигеры успели вернуться на пост, и разглядев внизу красноватые отсветы факела, я вынул из ладанки Коготь.

Горящим столь ярко я с тех пор не видел его больше ни разу. Свет камня слепил глаза, а я, несший его над головою вдоль длинного коридора Винкулы, мог только дивиться, отчего он еще не спалил мне руку до кости. Меня самого, думаю, никто из заключенных не разглядел. Коготь заворожил их, как свет фонаря в ночи заворачивает оленей среди лесной чащи: все они замерли, разинув рты, подняв к потолку усталые, поросшие бородами лица, а тени за их спинами сделались четкими, будто силуэты, вырезанные из металла, выкрашенного в цвет сажи.

В самом конце коридора, где вода уходила в длинный наклонный сточный туннель, ведущий под Капул, содержались самые слабые, самые хворые из заключенных, и там я увидел воочию, как благотворно сказалась на них сила Когтя. Те, кого не помнили стоящими во весь рост даже старейшие из клавигеров, вмиг стали высокими, сильными, крепкими телом. Я помахал им, хотя этого наверняка ни один не заметил, спрятал Коготь Миротворца в ладанку, и нас окружил мрак, в сравнении с коим ночь на поверхности Урд показалась бы ясным днем.

Поток воды отмыл сточный туннель дочиста, и спуск вниз оказался намного легче спуска из резервуара в темницу: этот сток, хоть и уже, был куда менее крут, что позволяло быстро ползти вниз головою вперед. На дне его имелась решетка, однако во время одной из инспекций я обнаружил, что прутья ее проржавели почти насквозь.

ХIII. В горы

В тот день, когда я ползком выбрался из-под Капула в серые предрассветные сумерки, весна сменилась началом лета, но в высокогорьях становилось тепло, лишь пока солнце держалось невдалеке от зенита. Однако спускаться в долины, где жались друг к дружке крестьянские домики, я не осмеливался и до вечера шел наверх, все дальше и дальше в горы, а плащ свернул скаткой и перекинул через плечо, придав ему как можно большее сходство с одеждами эклектиков. Кроме того, я разобрал «Терминус Эст» и снял с него гарду, так что клинок в ножнах казался издали посохом.

К полудню земля под ногами сменилась сплошным камнем, а путь стал так неровен, что карабкаться приходилось столько же, сколько идти. Дважды я замечал далеко подо мной блеск лат и, взглянув вниз, видел небольшие отряды димархиев, галопом мчащихся тропами, которыми большинство и пешком-то пройти себя не заставит – только алые кавалерийские плащи развеваются за спиной. Пригодных в пищу растений я не нашел, никакой дичи, кроме хищных птиц, паривших высоко в небе, – тоже, и даже если бы углядел неподалеку какую-нибудь другую живность, мечом ведь ее не возьмешь, а иного оружия при мне не было.

Да, все это выглядит довольно безнадежно, но, если уж начистоту, от горных пейзажей, от бескрайней панорамы империи воздуха просто захватывало дух. В детстве мы обычно не ценим красот природы, так как, еще не накопив в памяти множества подобных картин, со всеми сопутствующими им обстоятельствами и переживаниями, воспринимаем их крайне поверхностно, не видя, так сказать, под рябью на озере дна. Сейчас я смотрел на вершины в венчиках облаков, вспоминая, как выглядел Несс со шпилья Башни Матачинов, вспоминая, как оглядывал Тракс с донжона замка Акиэс, и, несмотря на все невзгоды, готов был лишиться чувств от несказанной радости.

Ту ночь я провел на голых камнях, кое-как укрывшись от ветра за скальным выступом. Поесть мне в последний раз довелось во время переодевания в Винкуле – казалось, не одну неделю, а то и не один год назад. На самом же деле с тех пор, как я отнес Текле изрядно сточенный нож, украденный с кухни, а после, словно замороженный, не мог оторвать глаз от струйки ее крови, алым червем выползавшей из-под двери в камеру, прошло всего-навсего несколько месяцев.

Что ж, по крайней мере, укрытие я выбрал удачно. Скала надежно преграждала путь ветру, и, оставаясь за нею, я будто бы отдыхал в тиши и покое какой-нибудь небольшой ледяной пещеры, но... шаг-другой в сторону – и несмолкающий ветер, учуяв жертву, вмиг промораживал до самых костей.

Думаю, около стражи я проспал без каких-либо запоминающихся сновидений, а после проснулся с ощущением – навеванным вовсе не сном, но неким чисто интуитивным чутьем или псевдочутьем, пробуждающимся в минуты усталости и страха, – будто надо мною склонился Гефор. Казалось, его зловонное ледяное дыхание щекочет лицо, а устремленные на меня глаза, утратив обычную блеклость, сверкают огнем. Без остатка стряхнув с себя сон, я обнаружил, что принял за зрачки Гефора пару звезд – крупных, необычайно ярких в чистом, разреженном воздухе.

В попытке снова уснуть я смежил веки и принялся воскрешать в памяти воспоминания о самых теплых, уютных местах, какие только мог вспомнить: о каюте подмастерья, отведенной мне в нашей башне – отдельной, с мягкими одеялами, сушей роскоши после ученического дормитория; и о кровати, которую мне как-то раз довелось разделить с Бальдандерсом (от его широкой спины веяло жаром, словно от печи); и о покоях Теклы в Обители Абсолюта; и о тесной комнатухе постоянного двора в Сальте, нанятой на двоих с Ионой...

Увы, все это нисколько не помогло. Заснуть мне не удалось, а продолжить путь я, опасаясь свалиться в темноте с какого-нибудь обрыва, не осмелился. Остаток ночи пришлось коротать, глядя на звезды, и тут я впервые сумел оценить по достоинству великолепие созвездий, о которых не раз слышал на уроках мастера Мальрубия еще в те времена, когда числился самым младшим из учеников. В самом деле, не чудо ли? Небо, днем кажущееся недвижимой твердью, по коей движутся облака, ночью становится фоном, задником для движения Урд, и в это время мы чувствуем ее неспешный крен под ногами, подобно морякам, чувствующим волну прилива. Той ночью ощущение этого медленного вращения оказалось столь явственным, что у меня едва не закружилась голова.

Не менее сильным было и ощущение, будто небо превратилось в бездонную пропасть, куда может навеки кануть само мироздание. Слышал я от людей, что, если долго смотреть на звезды, многих охватывает неодолимый ужас: такое-де чувство, точно тебя уносит куда-то вдаль. Мой собственный страх – признаюсь, мне тоже сделалось страшно – был порожден не столько далекими солнцами, сколько зияющей пустотой, и порой достигал такой силы, что я невольно вцеплялся в скалу замерзшими пальцами, нисколько не сомневаясь, что вот-вот свалюсь с Урд. Подобное в той или иной мере наверняка знакомо каждому, поскольку на свете, как говорят, нет столь мягкого климата, чтоб люди довольствовались спальнями без крыш.

Чуть выше я уже рассказывал, как пробудился, думая, будто Гефор (должно быть, оттого, что после разговора с Доркас я то и дело вспоминал о нем) смотрит мне прямо в лицо, однако, открыв глаза, обнаружил, что от его лица не осталось ни единой черты, кроме двух ярких звезд, сияющих надо мною сами по себе. Примерно то же произошло со мной, когда я принялся за поиски созвездий, названия коих нередко встречал в книгах, но в какой части неба какое из них находится, представлял себе весьма приблизительно. Поначалу звезды казались бессмысленной, беспорядочной россыпью огоньков, пусть даже красивых, точно искры, выходящие над костром. Но вскоре я, разумеется, заметил, что один из них ярче других, и цвет их отнюдь не одинаков. Долгое время смотрел я на них и вдруг различил в вышине очертания перития, да так явственно, будто все тело сего крылатого создания припорошено алмазной пылью. Спустя еще миг силуэт исчез, но вскоре вновь возник в небе, окруженный множеством других образов, порой соответствующих знакомым созвездиям, порой же, боюсь, всего-навсего плодов моей собственной фантазии. Лучшее всех была видна амфисбена, змея о двух головах – на шее и на кончике хвоста.

При виде всех этих небесных созданий я был до глубины души поражен их красотой. Однако вскоре (буквально пару вдохов спустя) они сделались различимы столь явственно, что мне уже не удавалось избавиться от них никакими усилиями воли, и тут я испугался их не меньше, чем перспективы падения в полночную бездну, над коей мерцали их контуры, но то был отнюдь не обычный физический, инстинктивный страх, подобный всем остальным, нет, – скорее меня обуял некий философского толка ужас при мысли о бескрайних просторах космоса, на коих пылающими солнцами нарисованы грубые изображения зверей и сказочных чудищ.

С головою накрывшись полкой плаща (что вынужден был сделать, дабы не повредиться рассудком), я погрузился в размышления о мирах, вращающихся вокруг этих солнц. Об их существовании известно каждому: многие – всего-навсего бесконечные каменные равнины, другие же – сферы, сплошь покрытые льдом либо усыпанными золою холмами, среди которых текут к горизонту реки огненной лавы (именно такой обычно воображают себе Преисподнюю), но среди них немало и тех, что более-менее пригодны для жизни, населенных существами, происходящими от человека или, по крайней мере, не слишком разительно отличающимися от нас. Первым делом на ум пришли мысли о зеленом небе, синей траве и прочей примитивной детской экзотике, лезущей в голову всякого, стоит лишь вспомнить об иных, не похожих на Урд мирах. Однако со временем сии ребяческие идеи мне наскучили, и я перешел от них

к раздумьям о социумах и образах мышления, ничем не похожих на наши, о мирах, где все люди, зная, что произошли от единственной пары поселенцев, почитают друг друга за братьев и сестер; о мирах, где нет иной валюты, кроме уважения окружающих, и каждый трудится ради того, чтоб быть достойным родства с неким спасителем или спасительницей всего сообщества; о мирах, где долгие войны между людьми и зверями благополучно завершены. За этими мыслями последовала еще сотня, а то и более, новых: к примеру, как вершить правосудие, если все любят друг друга? А может ли нищий, не имеющий за душой ничего, кроме принадлежности к роду людскому, вымолить толику уважения? А во что одеваются и обуваются, чем кормятся те, у кого не в обычае лишать жизни животных, наделенных чувствами, а то и зачатками разума?

Еще мальчишкой, впервые осознав, что изумрудно-зеленый диск луны на самом деле есть нечто вроде острова, парящего в небе, а цвет ему сообщают невообразимо древние, посаженные в дни юности Человечества леса, я сразу же захотел когда-нибудь побывать там, а после, узнав о существовании всех прочих миров во вселенной, начал мечтать и о них. А после (наверное, то было неотъемлемой частью взросления) с мечтами сими пришлось распрощаться: как выяснилось, покинуть Урд когда-либо удавалось лишь людям, чье положение в обществе казалось мне недостижимо высоким.

Теперь же те детские и, мало этого, с течением лет становившиеся все более нелепыми (ведь маленьким, во времена ученичества, я, безусловно, имел куда больше шансов отправиться к звездам, чем сейчас, превратившись в затравленного изгоя), мечты затеплились в сердце снова, разгорелись сильнее, жарче прежнего, ибо за время, минувшее с тех пор, я понял, сколь глупо ограничивать желаемое возможным. Уж теперь-то я твердо решил: отправлюсь туда непременно. Всю оставшуюся жизнь, глаз не смыкая, возможности буду ждать и не упущу ни одной, пусть даже самой ничтожной. В конце концов, однажды мне уже случилось оказаться совсем одному рядом с зеркалами Отца Инире, и в тот момент Иона, проявив много больше мудрости, чем я, без колебаний нырнул в волны фотонов, но... Кто сказал, что мне не представится нового случая?

С этой мыслью я, исполнившийся решимости снова поднять взгляд к звездам, сдернул с головы плащ и обнаружил, что озаренные солнцем короны гор утратили все величие. Лики титанов, возвышавшиеся надо мной, обернулись всего-навсего усталыми лицами покойных властителей Урд, источенными временем так, что и щеки, и скулы их давно осыпались лавинами в пропасти.

Поднявшись на ноги, я от души потянулся. Дело было яснее ясного: провести еще день, как вчерашний, без пищи я не смогу и уж тем более не смогу провести еще одну ночь, как минувшую, укрывшись только плащом. Посему все еще не осмеливающийся спускаться в обитаемые долины, я свернул к высокогорному лесу, раскинувшемуся подо мною на нижних склонах.

Добраться до леса удалось лишь к концу утра. Съехав со склона и остановившись среди его передовых дозоров, зарослей карликовых берез, я обнаружил, что склон здесь гораздо круче, чем выглядел издали, однако ближе к середине леса становится несколько ровнее, а значит, и скудные почвы там слегка плодороднее. Достигавшие значительной высоты деревья теснились так близко друг к другу, что промежутки, отделявшие ствол от ствола, вряд ли превосходили шириной сами стволы. Конечно же, лес этот несколько не походил на пышные широколиственные леса, оставшиеся далеко позади, на южных берегах Кефиса. Прямые высокие стволы мохнатых сосен и кедров при всей своей мощи и высоте клонились прочь от тени ближайшей горы, а на неровной коре по крайней мере каждого четвертого явственно проступали шрамы – следы множества ран, полученных в нескончаемых войнах с ветром и молниями.

Шел я сюда в надежде отыскать лесорубов либо охотников, дабы воспользоваться тем самым пресловутым гостеприимством, каковое любой из них (согласно наивным поверьям жителей больших городов) почитает долгом оказывать всякому встреченному в глуши незна-

концу. Увы, надежды мои оправдываться все никак не желали. Снова и снова я останавливался, прислушивался, не донесется ли издали звон топора либо собачий лай. Однако вокруг было тихо, и, мало этого, деревьев, по всему судя, никто никогда не рубил, хотя строевого леса здесь имелось в избытке.

Наконец я набрел на небольшой ручеек, петлявший среди сосняка в окаймлении бахромы из карликового, чахлого папоротника-орляка да тонкой, как волос, травы. Вдоволь напившись студеной воды, я около половины стражи шел вниз по течению, чередой миниатюрных водопадов и омутов, а по дороге – несомненно, подобно многим другим путникам на протяжении бесчисленных хилиад – дивился тому, как ручеек постепенно растет, ширится, хотя собратьев его, притоков, нигде вокруг не видеть.

Мало-помалу поток разросся настолько, что стал опасен даже для сосен и кедров, а впереди показалось подмытое течением, рухнувшее поперек ручья дерево не менее четырех кубитов в толщину. Не слыша поблизости никаких настораживающих звуков, я без особой опаски подошел к нему, оперся о торчащий в сторону сук, прыгнул к его вершине и...

И едва не свалился в океан воздуха. Зубчатая стена замка Акиэс, с которой я разглядел удрученную Доркас, в сравнении с такой высотой казалась садовой балюстрадой. Пожалуй, из рукотворных строений с ней не могло бы соперничать ни одно, кроме Несской Стены. Воды ручья беззвучно падали ко дну пропасти, а ветер рассеивал их в мелкую пыль, так что ручей, обращаясь радугой, исчезал без остатка. Лес внизу выглядел будто игрушечный, изготовленный в подарок какому-нибудь мальчишке щедрым отцом, а у его опушки, на краю поля, виднелся крохотный, не больше камешка, домик с белым дымком над крышей, призраком падавшего навстречу гибели ручейка, подобно току воды, змеившимся к небу, чтоб там, в вышине, рассеяться без следа.

Поначалу спуск со скалы казался делом проще простого, так как с разгону я едва не перепрыгнул через упавший ствол, в свою очередь, наполовину выдававшийся за край обрыва. Однако, восстановив равновесие и оглядевшись, я счел сие предприятие практически неосуществимым. Обрыв, насколько мне удалось разглядеть, оказался по большей части отвесным. Возможно, будь у меня с собою веревка, я смог бы, спустившись вниз, достичь домика задолго до наступления ночи, но веревки при мне, разумеется, не было, да и доверяться веревке столь огромной длины, какая тут требовалась, я бы, наверное, в любом случае не рискнул.

Впрочем, потратив толику времени на исследование гребня утеса, я, наконец, обнаружил тропку, ведущую вниз, – весьма коварную, узкую, но, судя по всем признакам, ею время от времени пользовались. Вдаваться в подробности спуска я здесь не стану: для моей повести они не слишком важны, хотя в то время и могли представляться весьма захватывающими. Вскоре я по привычке смотреть только под ноги да на стену обрыва то по правую, то по левую руку, так как тропа петляла из стороны в сторону. Чаще всего она представляла собой довольно крутой спуск шириною около кубита или чуть меньше, но порой становилась чередой ступеней, вырубленных в цельном камне, а как-то раз сделалась лишь выемками для рук и ног, так что спускаться пришлось будто по трапу. Да, если судить объективно, все это было куда проще спуска от трещины к трещине в ту самую ночь, возле устья рудника, населенного людьми-обезьянами – тем более что над ухом не взрывались арбалетные стрелы, пущенные из темноты, – но во сто крат большая высота изрядно кружила голову.

Возможно, из-за стараний не обращать внимания на бездну с противоположной стороны огромный слоистый образчик коры мира в разрезе я по пути вниз изучил во всех деталях. В древние времена – так говорилось в одной книге, присланной мне от мастера Палемона, – сердце самой Урд было живо, и мерные биения ее живого ядра взламывали поверхность равнин, превращая их в исполинские фонтаны воды, порой за одну ночь разливавшейся открытым морем меж островков, что еще на закате солнца составляли один континент. Теперь ядро Урд, говорят, мертво и, остывая, ссыхается под толщей каменной мантии подобно труп старухи

в одном из брошенных домов, о которых рассказывала Доркас, благодаря сухому, неподвижному воздуху обернувшись мумией в истлевших, рассыпавшихся под собственным весом одеждах. То же самое, говорят, происходит и с Урд, отчего в этом месте гора дала трещину так, что добрая половина ее, отделившись от другой половины, осела вниз по меньшей мере на целую лигу.

XIV. Домик вдовы

В Сальте, где мы с Ионой остановились на несколько дней и где мне довелось исполнить вторую и третью декапитации в своей карьере, шахтеры насилюют почву ради металлов, строительного камня и даже артефактов, оставленных в недрах Урд цивилизациями, угасшими и позабытыми за многие хилиады до того, как поднялась к небесам Стена Несса. Для этого они бурят в склонах холмов узкие штольни, пока не наткнутся на слой, богатый развалинами, либо (если бурильщикам особенно повезет) на здание, сохранившееся в относительной целости настолько, что может служить готовой галереей.

То, что стоит горнякам Сальта немалых сил, у обрыва, с коего я спускался, могло быть достигнуто без какого-либо труда. Прошрое стояло у моего плеча – нагое, беззащитное, подобно всему, что мертво, как будто осевшая книзу скала обнажила само время. Тут и там из отвесной стены торчали ископаемые кости – кости огромных зверей и людей. Здесь же хоронил своих мертвых и лес: среди костей попадались ветви и пни, обращенные временем в камень, так что я по пути то и дело задавался вопросом: быть может, Урд, вопреки общепринятым умозаключениям, нисколько не старше своих детищ, деревьев? При этих мыслях в воображении возникали леса, росшие в пустоте, перед лицом солнца, деревья, сцеплявшиеся друг с дружкой путаницей корней и ветвей, до тех пор, пока их скопление не придало Урд известный, привычный нам облик, а сами они не сделались всего-навсего ворсом ее одеяний.

Несколько глубже начинались постройки и механизмы, созданные человечеством. (Может статься, среди них находились и творения иных культур, так как около полудюжины историй из книги в коричневом переплете, хранившейся в моей ташке, намекали на существование некогда, в прошлом, колоний существ, зовущихся среди нас какогенами, хотя на самом деле принадлежат они не к одной – к мириадам рас, каждая из коих отличается от остальных не меньше, чем от человека.) Видел я здесь слитки металлов зеленых и синих в том же смысле, в каком медь называют красной, а серебро белым, слитки столь разных цветов и столь причудливых форм, что их с равным успехом можно было принять как за произведения искусства, так и за части неизвестных машин... хотя, может статься, кое-какие из непостижимых чужих народов вовсе не знали разницы между тем и другим.

В одном месте, чуть ниже середины спуска, линия разлома совпадала с облицованной плиткой стеной какого-то огромного здания, так что продуваемая всеми ветрами тропка, которой я шел, перечеркивала ее наискось. Что за узор составляли плитки, я так и не узнал, поскольку, спускаясь с обрыва, находился к нему слишком близко, чтоб разглядеть его целиком, а наконец оказавшись внизу, не смог различить рисунка за мутными облаками брызг падавшего сверху ручья. И все-таки по пути я видел его, как насекомое может видеть лицо на портрете, когда ползет по холсту. Самой разной формы, изразцовые плитки были безукоризненно пригнаны одна к другой, и поначалу мне показалось, будто они изображают птиц, ящериц, рыб и тому подобных созданий, стиснутых в объятиях жизни. Внизу же у меня создалось впечатление, будто это вовсе не так, будто там, на стене, – геометрические построения, которых мне не понять, чертежи столь затейливые, что в них сами собой появляются очертания всевозможной живности (схожим образом из сложных геометрических фигур молекул складываются тела настоящих, живых зверей).

Как бы там ни было, к общей картине орнамента все эти фигуры особого отношения не имели. Их перечеркивали цветные линии, должно быть, вплавленные в материал плиток эоны тому назад, однако яркие, своенравные, словно всего минуту как нанесены на стену кистью какого-то исполинского живописца. Из оттенков чаще всего встречались берилловый и белый, но хотя я не раз останавливался, стараясь понять, что же здесь нарисовано (письмена, или лицо, или просто линейный декоративный орнамент, или, может, орнамент растительный), мои

старания не привели ни к чему – возможно, на стене можно было разглядеть и то, и другое, и третье, и четвертое, либо вообще ничего, в зависимости от угла зрения и ожиданий зрителя.

Стоило миновать загадочную стену, спуск сделался много легче. Карабкаться вниз по отвесной скале мне больше не пришлось, а последние несколько пролетов ступеней оказались вовсе не так круты и узки, как прежде. Достигнув подножья обрыва заметно раньше, чем ожидал, я поднял голову и оглядел тропку, которой спускался, с таким удивлением, словно в жизни на нее не ступал – тем более что в нескольких местах ее пересекали сколы и трещины, со стороны выглядевшие непреодолимыми.

Домик, отчетливо различимый с кромки обрыва, скрылся из виду, спрятавшись среди деревьев, однако дымок из печной трубы белел в небесах, как и прежде. Лес, преграждавший к нему дорогу, оказался совсем не так густ и мрачен, как тот, которым я шел вдоль ручья, – разве что темные деревья выглядели заметно старше. Огромные южные папоротники здесь не росли: правду сказать, к северу от Обители Абсолюта я не видел ни одного, кроме нарочно высаженных в садах у Абдиеса, однако среди толстых сосновых корней, в окружении густых бархатистых мхов, повсюду синели лесные фиалки с блестящими зеленою листьями и лепестками точно того же оттенка, что и глаза бедной Теклы. Казалось, земля под ногами укрыта роскошным ковром, а деревья сплошь задрапированы драгоценными тканями.

За некоторое время до того, как впереди показался дом либо еще какие-нибудь следы человека, до меня донесся собачий лай. Нарушивший тишину, шум развеял и чары леса – не без остатка, но словно бы оттеснил их куда-то вдаль. Казалось, некая иная, загадочная жизнь, древняя, чужеродная, но и не чуждая доброте, едва открывшись передо мной, тут же ушла, словно некто чрезвычайно выдающийся, вроде величайшего из музыкантов, которого я не один год старался залучить к себе в дом, однако, постучавшись в двери, услышавшего голос еще одного гостя, крайне ему неприятного, а посему, опустившего руку и ушедшего прочь, чтоб никогда более не возвращаться.

И все же каким покоем повеяло от этого лая! Почти два долгих дня я оставался совершенно один – вначале среди голых скал, затем под ледяными красотами звезд, а после в окружении приглушенных вздохов древнего леса. Теперь же резкий привычный звук снова заставил меня вспомнить об уюте человеческого жилья – да не просто вспомнить, а вообразить его себе так ярко, будто я уже окружен им. В эту минуту я решил, что с виду лающий пес окажется очень похож на Трискеля, и не ошибся. Да, четыре лапы вместо трех, и череп длиннее и несколько уже, и масть скорее бурая, чем желтая, точно у льва, однако и огоньки в глазах, и машущий из стороны в сторону хвост, не говоря уж о вываленном наружу розовом языке, были в точности теми же самыми. Начал он с объявления войны, каковое немедленно аннулировал, стоило мне заговорить с ним, а прежде чем я прошел еще два десятка маховых шагов, ткнулся мордой в ладонь, чтоб его почесали за ухом. Так, с резвящимся, юлящим вокруг меня псом, я и вышел на небольшую полянку, к дому.

Сложенные из камня стены едва достигали моего темени. Соломенная крыша (таких островерхих крыш я еще не видал) была выложена рядами плоских камней, удерживавших солому на месте в ветреную погоду. Короче говоря, я отыскал в глуши дом одного из крестьян-первопроходцев, славы и горя Содружества, нередко кормящих Несс излишками обильных урожаев, однако в иные годы неспособных прокормить хотя бы самих себя.

Если у входа нет мощенной камнем дорожки, по густоте травы, тихой сапой крадущейся вперед, на вытоптанную землю, вполне можно судить, как часто к дому подходят либо выходят наружу. Здесь пятачок пыли перед каменной ступенью крыльца неамного превосходил величиной головной платок. Видя это, я заподозрил, что могу напугать человека, живущего в домике (ведь таковых явно насчитывалось не более одного), явившись на порог неожиданно, а посему, так как пес давным-давно прекратил лай, остановился у края полянки и поприветствовал хозяина во весь голос.

Деревья и небо поглотили мой крик, и вокруг вновь воцарилось безмолвие.

Я крикнул еще раз и, сопровождаемый псом, двинулся к домику, но как только подошел к крыльцу, из-за двери вышла наружу женщина. Изящное лицо ее вполне можно было бы счесть красивым, если б не затравленный взгляд, однако рваное платье отличалось от нищенского разве что чистотой. Спустя еще миг из-за ее юбки выглянул круглолицый, щекастый мальчуган с глазами еще больше материнских.

– Прошу прощения, если напугал тебя, – заговорил я, – но я заблудился в горах.

Женщина понимающе кивнула и, после некоторых колебаний отодвинувшись в сторону, пропустила меня внутрь. За толстыми стенами оказалось еще теснее, чем я полагал, да вдобавок резко пахло каким-то густым овощным варевом, кипевшим в котле, подвешенном на крюк над очагом. Немногочисленные окна также были невелики и из-за толщины стен казались скорее погребцами тени, чем проемами, предназначенными для освещения. На шкуре пантеры, спиной к очагу, сидел старик, и взгляд его был так рассеян, настолько лишен искры разума, что мне поначалу подумалось, будто он слеп. Посреди комнаты стоял стол в окружении пяти кресел, три из коих, судя по величине, делались для взрослых. Взглянув на них, я сразу вспомнил рассказ Доркас о мебели из опустевших несских домов, вывозимой на север для продажи эклектикам, не чуждым веяниям более развитой культуры, однако все эти вещи обладали множеством признаков местного, кустарного изготовления.

– Муж скоро вернется. К ужину, – сказала хозяйка, заметив, куда направлен мой взгляд.

– Тебе вовсе не о чем волноваться: я никому не желаю зла, – отвечал я. – Если ты позволишь мне разделить с вами пищу и переночевать в тепле, а утром укажешь дорогу, я с радостью пособлю в любой необходимой работе.

Хозяйка дома снова кивнула, а мальчишка вдруг ни с того ни с сего пропищал:

– А Северу ты видел?

Мать повернулась к нему с быстротой, живо напомнившей мне мастера Гюрло за демонстрацией хватов, служащих для приведения заключенных к повиновению. Звон оплеухи я, разумеется, слышал, однако удара почти не разглядел. Мальчишка пронзительно взвизгнул, его мать, шагнув в сторону, загородила дверь, и тогда он укрылся за сундуком, в самом дальнем от нее углу комнаты. Тут я и понял (во всяком случае, решил, будто понял), что Севера – девочка либо женщина и хозяйка считает ее еще более беззащитной, чем саму себя, а потому велела ей спрятаться – вероятно, наверху, под соломенной кровлей, – прежде чем впустить меня в дом. Рассудив, что любые дальнейшие заверения в моих добрых намерениях пропадут даром, так как женщина эта, при всем своем невежестве, явно не дура, а значит, заручиться ее доверием проще всего не словом, а делом, я начал с вопроса о воде для умывания: я-де охотно принесу ее сам от любого ближайшего источника, если она позволит согреть воду на очаге. В ответ хозяйка вручила мне котелок и указала путь к роднику.

В жизни мне не раз довелось побывать в местах, считающихся среди людей романтическими – на вершинах высоких башен, глубоко в чреве мира, в роскошных домах, и в джунглях, и на борту корабля, – но ни одно из них не тронуло моего сердца таким же образом, как эта убогая каменная хижина. Она казалась праформой, классическим образцом тех самых пещер, куда, если верить ученым книжникам, человечество вновь и вновь заползает в нижней точке очередного витка цивилизации. Всякий раз, читая либо слыша описание идиллической, тихой жизни на лоне природы (в частности, Текла от этой идеи была без ума), я обнаруживаю, что образ сей зиждется на чистоте и порядке. Тут тебе и клумбы с мятой под окнами, и поленица дров у самой холодной стены, и вымощенный блестящими плитами камня пол, и так далее, и так далее. Здесь не было ничего подобного, ни намек на идеальность, однако этот домик при всех своих недостатках являл собою само совершенство, наглядно показывая, что человек вполне может жить и любить в такой дикой глуши, даже лишенный возможности превратить свое жилье в поэму.

– Ты всегда мечом бреешься? – спросила хозяйка, впервые заговорив со мной без опаски.
– Таков обычай. Традиция. Если меч недостаточно остр, чтобы им бриться, носить его – позор. А если он остр достаточно, зачем тогда носить с собой бритву?

– Все же такой тяжелый клинок, должно быть, держать неловко, и осторожность нужна, не то вмиг порежешься.

– Подобные упражнения укрепляют мускулы. Кроме того, чтобы меч стал привычен, как собственная рука, пользоваться им нужно при всякой возможности.

– Стало быть, ты из солдат. Я так и подумала.

– Мое ремесло – лишать жизни людей. Сродни ремеслу мясника.

– Я... я не хотела тебя обидеть, – изрядно опешив, заверила меня хозяйка дома.

– Я вовсе не обижен. Каждый из нас губит чью-либо жизнь – к примеру, ты губишь эти корни, бросая их в кипящий котел. Предавая смерти кого-либо из людей, я спасаю все жизни, которые он погубил бы, если бы продолжил жить, возможно, включая сюда жизни многих других людей – мужчин, женщин, детей. Вот, скажем, муж твой – он чем занимается?

Впервые на моей памяти улыбнувшись, хозяйка дома изрядно помолодела с виду.

– Всем на свете. Здесь, наверху, все самим приходится делать.

– То есть ты родилась не здесь?

– Да, – подтвердила она. – А вот Севериан...

От улыбки на ее лице не осталось даже следа.

– Севериан? Я не ослышался?

– Так зовут моего сына. Ты видел его, войдя в дом, да и сейчас он за нами подглядывает, негодник.

– Точно так же зовут и меня. Я – мастер Севериан.

– Слыхал? Гостя зовут так же, как и тебя! – крикнула хозяйка мальчишке и вновь обратилась ко мне: – А как ты думаешь, хорошее ли это имя? Тебе оно по душе?

– Боюсь, об этом я никогда не задумывался, но, наверное, да. По душе. По-моему, имя вполне подходящее.

Покончив с бритьем, я сел в кресло и принялся приводить в порядок клинок.

– Я родилась в Траксе, – сказала хозяйка. – Тебе там бывать доводилось?

– Два дня как оттуда, – подтвердил я.

Скрытничать смысла не было: если следом за мной к ней явятся с расспросами димархии, описание моего облачения в любом случае выдаст меня с головой.

– Не встречал ли ты там женщины по имени Герайда? Это моя матушка.

Я отрицательно покачал головой.

– Что ж, Тракс – город большой... а ведь ты недолго там пробыл?

– Верно, всего ничего. А что слышно в здешних горах о Пелеринах? Об ордено жриц, что одеваются в красное?

– Боюсь, тут я тебе ничем помочь не смогу. Новости до нас доходят редко.

– Я ищу их, а если не сумею найти, хотел бы пристать к армии Автарха, идущей на асциан.

– Как этих найти, муж объяснит куда лучше. Сама я не слишком-то... но так высоко в горы тебе забираться не стоило. Бекан – так мужа зовут – говорит, что патрульные солдат, идущих на север, не трогают, даже если те идут старыми дорогами.

Стоило ей заговорить о солдатах, идущих на север, поблизости от меня, гораздо ближе хозяйки, шевельнулся кто-то еще. Да, шевельнулся украдкой, однако звук этот я расслышал отчетливо, несмотря на треск дров в очаге и дыхание старика. Чьи-то босые пятки, не в силах больше терпеть полную неподвижность, без коей не добиться и тишины, едва заметно шевельнулись, а их смещению сопутствовал едва уловимый скрип досок, принявших на себя тяжесть тела.

XV. «Он там, впереди!»

Вопреки ожиданиям хозяйки, глава семейства к ужину домой не явился, и мы – хозяйка дома, старик, мальчишка и я – поужинали вчетвером, без него. Вначале предупреждение его супруги казалось обманом с целью отбить у нежданного гостя охоту к любым злодеяниям, каковые я в ином случае мог совершить, но с течением времени, пока хмурый день тянулся своим чередом в том самом безмолвии, что предвещает грозу, мне сделалось очевидно, что своим словам она верила и теперь искренне беспокоится.

Ужин наш был прост, насколько простым может быть подобное угощение, но я проголодался настолько, что радовался ему, как никогда в жизни. Состоял он из вареных овощей без соли и масла, черствого хлеба и малой толики мяса. Ни вина, ни фруктов, ничего сладкого – однако я, пожалуй, съел больше, чем трое других, вместе взятых.

Когда мы покончили с ужином, хозяйка (звали ее, как выяснилось, Касдо) отыскала в углу длинный, окованный железом посох и отправилась искать мужа, перед уходом заверив меня, что в сопровождении не нуждается, а старику, который ее, на мой взгляд, не услышал, сообщив, что идет недалеко и вскоре вернется. Видя, что старик в прежней рассеянности, не замечая вокруг ничего, сидит у огня, я поманил к себе мальчишку и после того, как завоевал его доверие, показав ему «Терминус Эст», позволив взяться за рукоять и попробовать поднять меч, спросил, отчего Севера не спустится и не присмотрит за ним, пока мать в отлучке.

– Она вернулась вчера ночью, – сообщил он.

– И сегодня к ночи непременно вернется, – сказал я, думая, что говорит он о матери, – но разве Севере не следует присмотреть за тобой, пока ее нет?

Мальчишка, подобно всем детям, не освоившим речи в достаточной для продолжения спора мере, пожал плечами и отвернулся, но я поймал его за плечо:

– Будь добр, малыш Севериан, поди-ка наверх и скажи ей: пусть спустится к нам. Обещаю: я ей ничего дурного не сделаю.

Мальчишка кивнул и нехотя, нога за ногу, двинулся к лестнице.

– Злая она, – буркнул он.

И тут, впервые с тех пор, как я переступил порог дома, старик подал голос:

– Бекан, ступай поближе! О Фехине тебе расскажу.

В недоумении оглядевшись, я понял, что обращается он ко мне, принимая меня за зятя.

– Первый озорник среди нас он был, этот Фехин. Бесшабашный, росту высокого, руки сплошь в волосе рыжем, будто у обезьяны. Увидишь, как тянется за чем-нибудь из-за угла, так и подумаешь: ну в точности, в точности обезьяна, только у той лапа будет поменьше. И проказник такой же. Как-то раз стащил нашу медную сковороду, ту самую, в которой мать колбасу жарила, а я его руку заметил, но никому ничего не сказал: ведь Фехин был мне другом. Сковороды я так и не нашел – в глаза больше не видел, хотя с Фехином виделся тысячу раз. Не нашел и вбил себе в голову, будто он смастерил из нее кораблик да пустил по реке, потому что сам такое же озорство всегда хотел учинить. Пошел искать ее вниз по течению и глазом моргнуть не успел, как наступила ночь, а ведь я еще шага назад, к дому, не сделал! А может, он со дна сковороду отшлифовал, чтобы в нее смотреться – водилась за ним привычка портреты собственные рисовать. А может, просто воды в нее налил и рисовал с отражения.

Слушая старика, я пересек комнату и подошел ближе – отчасти из-за невнятности его лopotания, отчасти же из уважения к его годам, обнаружив в чертах морщинистого лица легкое сходство с мастером Палемоном, хотя глаза у него были собственные, природные.

– Однажды я свел знакомство с человеком примерно твоих лет, позировавшим Фехину, – сказал я.

Старик поднял на меня взгляд, однако мелькнувший в его глазах с быстротой птичьей тени, скользящей по серому половику, выброшенному за порог, на траву, проблеск разума, понимания, что я не Бекан, тут же угас. Впрочем, рассказа он не прервал и слов моих будто бы вовсе не слышал. Казалось, он ведет речь о чем-то чрезвычайно важном, о том, что непременно нужно хоть кому-нибудь рассказать, излить хоть в чьи-нибудь уши, пока все это не утрачено навсегда.

– А вот лицом он на обезьяну вовсе не походил, нет. Красавчик он был, Фехин – красивей всех вокруг. Всегда мог у какой-нибудь женщины еды или денег раздобыть. Чего захочешь от женщин добиться мог. Помню, шли мы с ним как-то по дорожке, ведущей туда, где в те времена стояла старая мельница. У меня имелся с собой лист бумаги, выданный школьным учителем. Настоящей бумаги, не совсем белой, а этак слегка буровой и сплошь в крохотных пятнышках – ну чисто форель в молоке! Учитель дал его, чтоб я письмо для матери написал: в школе-то мы писали только на дощечках, а после, чтоб писать снова, вытирали их начисто тряпкой. Бывало, когда никто за нами не смотрит, подбросишь тряпку и ка-ак дашь по ней дощечкой – прямо в стену, а то и кому-нибудь в голову... Однако Фехин любил рисовать, а я по пути вспомнил об этом и думаю: ну и лицо у него сделается, получи он листок бумаги, чтоб сохранить нарисованное навсегда!

– Он ведь только рисунки свои и берег. Другое что – либо потеряет, либо раздаст, либо выбросит. О чем матери хочется рассказать в письме, я знал прекрасно и рассудил так: если писать помельче, половинки листа будет вполне довольно. Фехин о моем сокровище, конечно, не знал, но я вынул лист из-за пазухи, показал ему, а потом сложил вдвое и разорвал напополам.

Сверху донесся писклявый голосок мальчишки, но что он сказал, я не расслышал.

– Знаешь, светлее денька я в жизни не видывал. Солнце просто-таки зажило новой жизнью, будто человек, который хворал вчера, и завтра будет хворать, но нынче гуляет себе, смеется, так что, кто его видит впервой, наверняка подумает: все с ним в порядке, здоров как бык, а лекарства возле постели приготовлены для кого-то другого. В молитвах сказано, будто Новое Солнце воссияет так ярко, что невозможно смотреть, и я до того самого дня считал это просто таким выражением, для красного словца – вроде как младенца называют красавчиком или возносят до небес всякую пустяковину, хорошим человеком сработанную, а на самом-то деле, появившись на небе хоть два солнца, смотреть на них это никому не мешает. Но в тот день мне стало ясно, что в молитвах-то сказана чистая правда: Фехин так засиял лицом, что отвернуться пришлось – даже глаза заслезились. Сказал он мне спасибо, и двинулись мы с ним дальше, и подошли к дому, где девчонка одна жила. Как ее звали, уже запомнил, но красива она была в самом деле, без дураков – той красотой, какой обычно отличаются самые тихие. До того дня я и не знал, что Фехин с нею знаком, но он попросил меня подождать, и уселся я на ступеньку у ворот.

Наверху раздалися шаги: к лестнице двинулся кто-то куда тяжелее мальчишки.

– В доме он пробыл недолго, но когда вышел, а девчонка выглянула ему вслед из окна, я понял, чем они там занимались. Поднял я на него взгляд, а он только развел в стороны длинные, тонкие обезьяньи ручищи: извини, дескать, с тобой поделиться не смог. В конце концов он велел девчонке дать мне полкаравая хлеба и фруктов, а еще нарисовал с одной стороны листа мой портрет, а девчонкин – с другой, но рисунок оставил себе.

Лестница закрипела, и я обернулся на шум. Как я и ожидал, сверху спускалась женщина – невысокая, но пышнобедрая и тонкая в талии, в платье, изодранном не меньше, чем платье хозяйки дома, однако гораздо грязнее. На спину ее с затылка ниспадали длинные пряди пышных темно-русых волос. Думаю, я узнал ее еще до того, как она повернулась ко мне, а уж увидев широкие скулы и продолговатые, раскосые карие глаза, лишился последних сомнений. То была Агия.

– Значит, ты с самого начала знал, что я буду здесь, – сказала она.

– То же самое я мог бы сказать о тебе. Ты вроде бы появилась здесь первой.

– Я всего-навсего заподозрила, что ты можешь прийти сюда. И, так уж оно обернулось, немного опередила тебя, а хозяйке этого дома рассказала, что ты со мною сделаешь, если меня не спрятать, – отвечала Агия.

(Очевидно, таким образом она решила дать мне понять, что здесь у нее есть союзник, пусть даже столь слабосильный.)

– Выходит, ты пыталась погубить меня с тех самых пор, как попалась мне на глаза в Сальте, среди толпы?

– Это обвинение? Да, пыталась.

– Лжешь.

Нечасто, нечасто мне доводилось видеть Агию настолько сбитой с толку.

– Что значит «лжешь»?

– Только то, что погубить меня ты пыталась еще до Сальта.

– Ну да, разумеется. Аверном.

– И не только, Агия, и не только. Я знаю, кто такой Гефор.

В ожидании отклика я умолк, но Агия не проронила ни слова.

– В день нашего знакомства ты поминала о старом моряке, желающем, чтоб ты жила с ним. По твоим же словам, старом, уродливом с виду и бедном. А я еще не смог понять, отчего ты, миловидная, молодая, вообще задумалась над его предложением, хотя с голоду вовсе не умираешь. У тебя ведь был и заступник, брат-близнец, и лавка кое-какой доход приносила.

Тут настал мой черед удивляться.

– Мне следовало сразу пойти к нему и стать его госпожой. И теперь я ею стала, – отвечала она.

– Я думал, ты просто обещала отдаться ему в обмен на мою жизнь.

– Я обещала ему и это, и еще многое, и потому он целиком в моей власти. Он там, Севериан, впереди, ждет от меня приказа!

– С новыми тварями наготове? Благодарю за предупреждение. Ведь в них все и дело, не так ли? Он угрожал вам с Агилом ручными зверушками, привезенными из иных сфер?

Агия кивнула.

– Он явился к нам продать кое-какую одежду, из тех, что носили на древних судах, в давние-давние времена ходивших за кромку мира, причем не маскарадный костюм, не подделку и даже не старье с брошенных складов, многие сотни лет пролежавшее в темноте, а почти новые вещи. Сказал, что его корабли – все его корабли – заблудились в черной бездне меж солнц, где останавливается круговорот лет. Заблудились так безнадежно, что их не отыскать даже самому Времени.

– Знаю, – заметил я. – Слышал от Ионы.

– Узнав, что тебе поручено казнить Агила, я отправилась к нему. Кое в чем он тверже стали, но кое в чем другом суший ребенок. Не поступившись собственным телом, я не добилась бы от него ничего, но я согласилась на все извращения, какие он ни пожелал, и внушила ему, будто люблю его. Ради меня он следил за тобой после расправы над Агилом, на его серебро я наняла тех, кого ты убил возле старого рудника, и ради меня прирученные им твари покончат с тобой, если я не покончу с тобою сама. Здесь.

– Полагаю, ты замышляла дожидаться, пока я не усну, а после спуститься и зарезать во сне.

– Я собиралась разбудить тебя, приставив вначале нож к горлу. Однако этот мальчишка сказал, что ты обо мне знаешь, и я подумала: а ведь так выйдет еще веселей. Только скажи, как ты догадался о Гефоре?

Сквозь узкие оконца в дом ворвалось дыхание ветра. Огонь заплясал, закоптил, и умолкший было старик, звучно откашлявшись, сплюнул на угли. Мальчишка, спустившийся с чердака, во время нашего с Агией разговора тоже молчал, недоуменно таращась на нас во все глаза.

– О нем мне следовало догадаться намного раньше, – ответил я. – Точно таким же моряком был мой друг, Иона. Думаю, ты его помнишь – видела мельком возле входа в рудник. Вы о нем наверняка знали.

– Верно, знали.

– Возможно, оба служили на одном корабле, а может, могли узнать друг друга по какой-то примете – по крайней мере, Гефор этого опасался всерьез. И, как бы там ни было, старался не приближаться ко мне во время странствий с Ионой, хотя прежде так и рвался побыть со мной рядом. Я видел его в толпе у эшафота, когда казнил мужчину и женщину, однако в Сальте он даже не пробовал ко мне подойти. По дороге в Обитель Абсолюта мы с Ионой увидели его позади, но примчался он только после того, как Иона отъехал подальше, хотя навсегда распрощаться с нотулой ему наверняка было отчаянно жаль. Брошенный в аванзалу, он тоже не пробовал подсесть к нам, пусть даже Иона был, можно сказать, при смерти, однако перед тем, как мы ушли, по залу шарила еще какая-то тварь, оставившая за собой след – дорожку слизи.

На это Агия не ответила ничего и в молчании вполне могла бы сойти за ту самую, прежнюю Агию, какой я увидел ее на следующее утро после того, как покинул родную башню, поднимавшую жалюзи на витринах пыльной лавки старьевщика.

– Должно быть, на пути в Тракс след мой вы потеряли, – продолжал я, – либо вас задержало что-нибудь непредвиденное. Но после, выяснив, где мы, вы не смогли разнюхать, что я возглавляю Винкулу, иначе Гефор не посылал бы свою огненную тварь искать меня на улицах города. Затем вы каким-то образом нашли Доркас в «Утином Гнезде»...

– Мы сами там жили, – пояснила Агия. – Пришли в Тракс всего за пару дней до того, взялись искать тебя, а тут вы и объявились. Но даже узнав в девице из комнатухи на чердаке ту самую полоумную, подобранную тобой в Ботанических Садах, не смогли догадаться, что поселил ее туда ты: по словам этой старой курицы, хозяйки трактира, ее провожатый был одет как обычный горожанин. Не смогли, но решили, что она может знать, куда ты запропал, и что с Гефором разговорится охотнее. Кстати, на самом деле никакой он не Гефор. Его настоящее имя куда древнее, в наше время о таких и не слыхивали.

– Он рассказал Доркас об огненной твари, – сказал я, – а Доркас все рассказала мне. Я о ней слышал и прежде, но Гефор в разговоре с Доркас называл ее саламандрой – то есть знал, что это за существо. Знал для него название. Услышав об этом от Доркас, я еще ничего не заподозрил, но позже вспомнил, что у Ионы нашлось название для черного существа, летевшего за нами вблизи от Обители Абсолюта. Существо это он называл нотулой и объяснил, что так его нарекли моряки с кораблей за то, что по ночам подобных ему выдают только тепловые волны. Нашедшееся у Гефора название для огненной твари тоже вполне могло быть придумано моряками, а еще означало, что он как-то связан с нею самой.

По губам Агии скользнула кривая улыбка.

– Стало быть, ты все знаешь, а я в твоих руках – если, конечно, тебе в такой тесноте удастся размахнуться своим огромным мечом.

– Ты и без него у меня в руках. А возле входа в рудник, если уж на то пошло, вовсе под сапогом побывала.

– Однако нож мой пока что при мне.

В этот момент в дом вошла мать мальчишки, и мы оба на время умолкли. Изумленно взглянув на нас с Агией, она, словно никакое удивление не могло одолеть ее скорби либо отвлечь от насущных дел, затворила дверь и заперла ее на тяжелый засов.

– Вот так-то, – сказала Агия. – Услышал он, что я наверху, и заставил меня спуститься. И теперь жизни лишиться собирается.

– И как я ему помешаю? – устало откликнулась хозяйка дома и обратилась ко мне: – Я спрятала ее, так как она сказала, что ты желаешь ей зла. Меня ты тоже убьешь?

– Нет. И ее убивать не стану, о чем ей прекрасно известно.

Лицо Агии исказилось в гримасе ярости – точно таким же образом мог бы исказиться лик какой-нибудь юной красавицы, вылепленный из разноцветного воска самим Фехином, оплывая и в то же время горя в языках пламени.

– Ты был так горд собой, убив Агила! Неужто я недостойна такой же смерти? Ведь мы с ним – одной плоти и крови!

Услышав, что Агия вооружена ножом, я не слишком поверил ей и даже не заметил, как он – один из тех самых кривых ножей, коими славится Тракс, – оказался в ее руке.

Воздух уже довольно давно был тяжел от назревавшей грозы, и в эту минуту среди горных пиков над нами раскатисто загремел гром. Когда же отголоски его раскатов почти утихли, неподалеку, будто в ответ им, раздался вопль. Описать этот вопль мне не по силам: то был не вполне человеческий крик, но и не просто рев дикого зверя.

Усталость хозяйки дома, Касдо, исчезла, как не бывало, уступив место отчаяннейшей спешке. Схватив ближайший из тяжелых дощатых ставней, прислоненных к стене под каждым из узеньких окон, она подняла его, будто ставень весил не более сковороды, и с грохотом вставила в оконный проем. Снаружи взхлеб, яростно залаял пес, но лай его тут же умолк. Теперь воцарившуюся вокруг тишину нарушал лишь стук первых капель дождя.

– Ну вот, уже здесь! – вскричала Касдо. – Уже здесь! – Вдруг напустилась на сына: – Севериан, не путайся под ногами!

И тут сквозь одно из оставшихся открытыми окон снаружи донесся тоненький детский голосок:

– *Папа! Ты мне не можешь помочь?*

XVI. Альзабо

Взявшись помогать Касдо в возне со ставнями, я повернулся спиной к Агии, а стало быть, и к ее ножу. Эта оплошность едва не стоила мне жизни, так как Агия не преминула броситься на меня, едва я поднял ставень. Да, согласно известной поговорке, женщина и портной острее держат книзу, однако Агия, будто заправский убийца, ударила острием вверх, чтоб наверняка вспороть кишки и достать до сердца. В последний миг развернувшись, я принял удар на ставень, и клинок, вогнанный между досками, блеснул сталью у самого моего носа.

Необычайная сила удара Агию и подвела. Рванув ставень вбок, я отшвырнул его в угол вместе с ее ножом. И Агия, и Касдо стрелой метнулись к нему. Агию я, ухватив за плечо, оттащил назад, а Касдо с размаху вставила ставень в окно – вместе с ножом, рукоятью наружу, навстречу надвигающейся грозе.

– Дура, – спокойно, будто смирившись с поражением, буркнула Агия. – Где твоя голова? Сама же вручаешь оружие тому, кого боишься.

– Ножи ему без надобности, – пояснила Касдо.

В доме стало темно: мрак разгоняли лишь рыжеватые отсветы пламени в очаге. Я огляделся вокруг в поисках свечи или фонаря, но ничего подходящего не нашел. Как выяснилось позже, скудный запас источников света хозяева отнесли на чердак. Снаружи сверкнула молния, окаймившая вспышками кромки ставней и вычертившая прерывистую ярко-белую линию у порога, под дверью. Лишь спустя некоторое время я понял, что линии следовало оказаться не прерывистой, а сплошной.

– Снаружи есть кто-то, – сказал я. – Стоит на крыльце.

Касдо кивнула.

– Вовремя я окна успела закрыть. Так рано он еще не появлялся. Наверное, гроза его разбудила.

– Но, может быть, это твой муж?

Прежде чем она успела ответить, снаружи снова раздался голос – все тот же, детский, тоньше даже, чем у мальчишки:

– *Мама, открой! Впусти меня!*

Пугающую неестественность в этих простых словах почувствовал даже я, зная не знавший, кем они произнесены. Да, может, голос и вправду был детским, но никак не голосом обыкновенного, человеческого ребенка.

– *Мама, – настаивал он, – пусти, тут дождь начинается!*

– Поднимемся лучше наверх, – сказала Касдо. – Если втащим лестницу за собой, нас ему не достать, даже если в дом проберется.

Я подошел к двери. Без вспышек молний ног существа, стоявшего на пороге, было не разглядеть, однако снаружи, сквозь стук дождя, явственно слышалось хриплое, медленное дыхание, а еще негромкий сухой скрежет, словно тварь, ждавшая там, в темноте, переминалась с ноги на ногу.

– Ваша работа? – спросил я Агию. – Еще одна Гефорова тварь?

Агия покачала головой, лихорадочно кося карими глазами то вправо, то влево:

– Нет. Они живут в этих горах сами по себе, и ты должен бы знать об этом куда лучше меня.

– *Мама?*

За этим последовало шарканье ног: похоже, тварь там, на крыльце, раздосадованная, отвернулась от двери. В одном из ставней зияла трещина, и я осторожно припик к ней глазом. Снаружи царил непроглядная тьма, и разглядеть мне не удалось ничего, однако из темноты

донесли мягкие, тяжелые шаги, точно такие же, какие мне доводилось порой слышать дома, за решетками подвальных амбразур Медвежьей Башни.

– Третьего дня он уволок Северу, – сказала Касдо, поднимая на ноги старика, но тот, не желая расставаться с теплом очага, повиновался ей неохотно. – Я настрого запретила им с Северианом в лес бегать, так он сюда, на поляну, вышел, этак за стражу до сумерек. С тех пор возвращается каждый вечер. Пес следа не брал, и нынче с утра Бекан пошел искать его сам.

К этому времени я уже догадался, о каком звере речь, хотя своими глазами подобных ему ни разу не видел.

– Значит, это альзабо? – сказал я. – Зверь, из чьей железы готовят тот самый аналептик?

– Верно, альзабо, – подтвердила Касдо, – а вот про аналептики мне ничего не известно. Агия расхохоталась:

– Зато Севериану известно, да еще как! Он же отведал премудрости этого зверя и теперь носит с собою – в себе – свою возлюбленную! Воображаю, как эти двое шепчутся по ночам – в поту, в разгаре любовной страсти!

Ловко нырнув под мой удар, она загордилась от меня столом.

– Разве ты, Севериан, не рад, не счастлив оттого, что среди зверей, привезенных на Урд взамен истребленных нашими предками, оказались альзабо? Не будь на свете альзабо, ты потерял бы свою драгоценную Теклу навеки! Расскажи, расскажи-ка Касдо, как альзабо тебя осчастливили!

– Искренне сожалею о гибели твоей дочери, – сказал я Касдо, – и готов, если будет на то воля свыше, защитить твой дом от чудовища.

Мой меч стоял у стены, и, дабы продемонстрировать, что слова у меня не расходятся с делом, я потянулся к нему. Потянулся... и как раз вовремя: в тот же миг за дверью раздался новый голос, мужской:

– *Отпирай, милая!*

Мы с Агией, точно сговорившись, бросились к Касдо, однако остановить ее не успели. Стоило ей отодвинуть засов, дверь распахнулась настежь.

Зверь, поджидавший снаружи, стоял на четырех лапах, но, невзирая на это, его могучие плечи оказались вровень с моей головой. Морду он опустил книзу, так что шерсть, гребнем торчавшая на загривке, возвышалась над острыми кончиками ушей. В отсветах пламени очага его клыки сверкали белизной, глаза горели красноватым огнем. Мне довелось смотреть в глаза самых разных созданий, что явились к нам из-за края света. Как утверждают некоторые филогносты, они привлечены гибелью местных видов и подобны племенам энхоров, вооруженных ножами из камня и факелами, стекающим в деревни, опустошенные войнами или эпидемиями, однако их глаза были всего-навсего глазами зверей. Огненный взгляд альзабо таил в себе нечто иное – не человеческий разум, но и не простодушие дикого зверя. Так, подумалось мне, мог бы смотреть дьявол, наконец-то восставший из бездны на какой-нибудь черной звезде... Но тут я вспомнил людей-обезьян: они ведь тоже казались сверхъестественными чудовищами, однако глаза их были глазами людей.

На миг показалось, что дверь еще можно успеть вновь затворить. В ужасе отшатнувшись, Касдо вцепилась в дверь, навалилась на нее плечом, однако альзабо, вроде бы двигавшийся неторопливо, даже с ленцой, оказался куда проворнее хозяйки дома. Край двери ударился о его ребра, будто о камень.

– Оставь открытой! – крикнул я Касдо. – Нужно больше света!

С этими словами я обнажил «Терминус Эст». Отразивший огонь очага, клинок меча тоже казался языком жгучего пламени. Конечно, тут куда более кстати пришелся бы арбалет припешников Агии, стрелы коего воспламеняются от трения о воздух, а при ударе взрываются, словно камни, брошенные в плавильную печь, однако «Терминус Эст» я чувствовал точно про-

должение собственных рук, а арбалет мог бы дать альзабо возможность броситься на меня, пока я взвожу его заново, если первая стрела пройдет мимо.

Впрочем, длина клинка отнюдь не гарантировала мне безопасности. Притупленный, лишенный острия кончик не позволял проткнуть зверя насквозь, буде он прыгнет ко мне. В таком случае альзабо придется рубить в прыжке, а я, нисколько не сомневаясь в своей способности отделить его голову от могучей шеи на лету, понимал: промах означает гибель. Вдобавок для удара требовалось достаточно места, а в тесной комнате его хватало едва-едва, да еще нужен был свет, однако огонь в очаге угасал.

Между тем старик, мальчишка по имени Севериан и Касдо куда-то исчезли – возможно, вскарабкались на чердак, пока я не сводил глаз с альзабо, а может, по крайней мере, кто-то из них выскользнул в распахнутую дверь за его спиной. Со мной осталась одна только Агия, вжавшаяся спиной в угол и выставившая перед собой окованный железом посох Касдо, словно моряк, в отчаянии обороняющий шлюпку от надвигающегося галеаса при помощи отпорного крюка. Я понимал, что, заговорив с Агией, привлеку к ней внимание зверя, однако, если альзабо хоть повернет к ней голову, мог без труда перерубить ему спинной хребет.

– Агия, мне нужен свет, – сказал я. – В темноте зверь меня одолеет. Помнится, как-то раз ты взялась отвлекать меня, чтоб твои люди смогли зайти ко мне за спину и убить. Сейчас я возьмусь отвлечь на себя зверя, если ты всего-навсего принесешь свечу.

Агия кивнула, подтверждая, что мысль поняла, и в тот же миг зверь двинулся ко мне. Нет, не прыгнул, как я ожидал, но лениво, однако проворно скользнул вправо, приблизившись ровно настолько, чтоб не попасть под удар. Охваченный недоумением, я вовсе не сразу сообразил, что, держась у стены, он не оставляет мне места для каких-либо атак, а если сумеет, еще немного продвинувшись вбок, занять позицию между мною и очагом, то оставит меня и без света.

Так между нами началась осторожная, напряженная игра, причем альзабо изо всех сил старался воспользоваться к собственной выгоде и креслами, и столом, и стенами, а я – выиграть побольше места для удара мечом.

Наконец я прыгнул вперед и взмахнул мечом. Увернувшись, альзабо, как мне показалось, разминутся с клинком не более чем на ширину пальца, метнулся ко мне и отпрянул назад, едва успев уклониться от второго, обратного маха. Способные впиться в голову человека, как человек впивается зубами в бок яблока, челюсти зверя щелкнули у самого моего носа. Казалось, густая, едкая вонь из его пасти окутала меня с головы до ног.

С небес вновь ударила молния, да так близко, что после того, как гром стих, я услышал оглушительный треск и грохот, возвещающий о падении и гибели огромного дерева. Вспышка молнии, озарившая все вокруг парализующим светом, ослепила меня, сбила с толку. Взмахнув мечом навстречу нахлынувшей тьме, я почувствовал, как клинок, впившись в кость, пружинисто отскочил вбок, и, едва гром отгремел, нанес новый удар, но на сей раз лишь отшвырнул прочь одно из кресел, в щепки разбившееся о стену.

Вскоре в глазах прояснилось. Пока мы с альзабо кружили по комнате, стараясь перехитрить друг друга, Агия тоже не сидела на месте. Должно быть, во время удара молнии она рванулась к лестнице и сейчас в спешке карабкалась на чердак, а Касдо, свесившись вниз, протягивала ей руку. Альзабо возвышался передо мной, с виду вроде бы целый и невредимый, однако вокруг его передних лап скопилась лужица темной крови, обильно каплющей неизвестно откуда. В отсветах пламени его клочковатая шерсть отливала красным, когти на лапах – куда длиннее, толще медвежьих – тоже сделались темно-красны и словно бы полупрозрачны. Взглянув на меня, зверь снова заговорил тем же голосом, каким окликал Касдо из-за дверей – отпирай, дескать, милая, – и голос его казался куда ужасней, чем речь внезапно заговорившего трупа.

– Да, – сказал он, – я ранен. Но боль ничтожна, а стою я и двигаюсь не хуже прежнего. Тебе не по силам вечно не подпускать меня к семье.

Казалось, устами зверя говорит сильный, прямодушный, не привыкший отступать перед трудностями человек.

Вынув из ладанки Коготь, я положил камень на стол, но засветился он лишь тусклой лазурной искоркой.

– Свет! – крикнул я Агии, однако света так и не дождался. Судя по дробному стуку лестницы о доски чердачного пола, женщины втащили ее за собою наверх и на том успокоились.

– Сам видишь, отступать тебе некуда, – все тем же мужским голосом сказал зверь.

– Но и тебе к ним, наверх, хода нет. Допрыгнешь ли ты до люка, с рассеченной-то лапой? Мужской голос резко сменился тоненьким, плаксивым писком маленькой девочки:

– Не допрыгну, так влезу. По-твоему, мне не хватит ума придвинуть туда, к люку, стол? Мне, умеющей говорить?

– То есть ты все-таки зверь и знаешь об этом?

Голос девочки снова сменился мужским:

– Мы понимаем, что живем в теле зверя, как прежде жили в сожранных зверем оболочках из плоти.

– И ты, Бекан, с легким сердцем позволишь ему сожрать жену с сыном?

– Еще как! Сам его к этому подтолкну. И тогда все мы – я, Севера, Касдо и Севериан – снова будем вместе. Как только огонь угаснет, вначале к нам с Северой присоединишься ты, а следом за тобой и они.

Я от души рассмеялся:

– Ты не забыл, что получил рану, когда я ничего не видел?

Держа «Терминус Эст» наготове, я пересек комнату, поднял с пола доску, служившую спинкой разбитому креслу, и бросил ее в огонь. Над очагом взвилось облако искр.

– Думаю, дерево прекрасно выдержано, да еще чья-то заботливая рука натерла его пчелиным воском. Ярko будет гореть!

– Ничего. Со временем тьма придет. – В голосе зверя – Бекана – слышалось неисчерпаемое терпение. – Тьма придет, и ты присоединишься к нам.

– Нет. Когда кресло догорит и свет начнет гаснуть, я просто подойду ближе и покончу с тобой. А до тех пор подожду, пока ты не истечешь кровью.

Последовавшее за этим молчание казалось особенно жутким, оттого что во взгляде зверя не появилось ни намека на раздумья. Да, я понимал: подобно следам нейронного химизма Теклы, закрепленного в ядрах определенных клеток моих лобных долей при помощи секрета желез точно такого же существа, хозяин дома и его дочь обретаются в темных дебрях звериного мозга и верят, будто продолжают жить... но каким может быть этот призрак жизни, какие влечения и грезы могут руководить им – о сем оставалось только гадать.

Наконец «Бекан» вновь подал голос:

– Стало быть, спустя стражу-другую я покончу с тобой или ты покончишь со мной. А может, в схватке погибнем мы оба. Если я сейчас отвернусь и уйду в ночь, под ливень, станешь ли ты выслеживать меня, когда Урд снова повернет лицо к свету? Или, может, останешься здесь, не пуская меня к родным, к жене с сыном?

– Нет, – отвечал я.

– И всей честью имеющейся поклясться готов? Вот на этом мече, хотя не можешь поднять его к солнцу?

Шагнув назад, я повернул «Терминус Эст» к себе – так, чтоб его затупленное острие указывало на сердце.

– Клянусь сим мечом, символом моего Искусства, моего ремесла, не выслеживать тебя назавтра, если ты не вернешься сюда нынче ночью, а с наступлением дня уйти из этого дома.

Зверь плавно, с быстротою змеи, развернулся к двери. Пожалуй, в тот миг я мог бы перерубить его мощный хребет, но в следующий миг он, канув в ночь, исчез без следа – если не брать в расчет распахнутой двери, разбитого кресла и лужи крови (по-моему, гораздо темнее крови зверей нашего мира), мало-помалу впитывавшейся в дочи́ста выскобленные половицы.

Подойдя к двери, я запер ее на засов, спрятал Коготь на место, в висевшую на шее ладанку, а после, по наущению зверя, придвинул к люку в потолке стол, поднялся на него, подтянулся и без труда взобрался на чердак. Касдо со стариком и мальчишкой по имени Севериан (судя по его взгляду, воспоминания об этой ночи обещали остаться при нем лет этак на двадцать, не меньше) жались в дальнем углу, залитые дрожащим светом лампы, подвешенной к одному из стропил.

– Как видите, я жив, – сказал я им. – Вы слышали, о чем мы говорили внизу?

Касдо безмолвно кивнула.

– Посвети вы сверху, как я просил, мне не пришлось бы так поступать. Ну а теперь я вам, на мой взгляд, ничего не должен. И сам бы на вашем месте оставил этот дом с наступлением дня, отправившись вниз, в долины, но это уж как хотите.

– Мы очень уж испугались, – пробормотала Касдо.

– Я тоже. Где Агия?

К немалому моему удивлению, старик ткнул пальцем вбок. Взглянув туда, я обнаружил в толстой соломенной кровле прореху вполне достаточной для стройного тела Агии ширины.

В ту ночь я, предупредив Касдо, что убью любого, кто спустится вниз с чердака, уснул у горящего очага, а утром вышел наружу и обошел вокруг дома. Как и следовало ожидать, застрявший в дощатом ставне нож Агии исчез.

XVII. Меч ликтора

– Мы уходим, – сообщила Касдо. – Но прежде чем отправиться в путь, я приготовлю завтрак. Если не пожелаешь, с нами можешь не есть.

Ответив кивком, я подождал снаружи, пока она не вынесет мне деревянную миску с пустой овсянкой и деревянную ложку, отнес еду к роднику и позавтракал. Родник ограждала стена тростников, и я, покончив с кашей, не стал (возможно, в нарушение данной альзабо клятвы) покидать укрытия, а принялся наблюдать за домом.

Спустя какое-то время Касдо, старик и малыш Севериан вышли наружу. Мать семейства несла при себе увесистый узел и посох мужа, а старик с мальчуганом – по небольшому заплечному мешку. У ног их резвился пес, очевидно, с приходом альзабо заползший под дом (не стану винить его в трусости, однако замечу, что Трискель на его месте так бы не поступил). Остановившись за порогом, Касдо огляделась и, не сумев отыскать меня, оставила на крыльце какой-то узелок.

На моих глазах все трое двинулись прочь краем поля, вспаханного и засеянного всего около месяца тому назад. Теперь весь урожай с него достанется птицам... Касдо с отцом шли не оглядываясь, однако мальчишка, Севериан, прежде чем перевалить гребень первой возвышенности, остановился и обернулся, чтобы взглянуть напоследок на родной дом – единственный дом, который знал в жизни. Сложенные из камня стены стояли незыблемо, как ни в чем не бывало, над печной трубой еще курился дымок очага, на котором готовили завтрак...

Должно быть, услышавший оклик матери, мальчуган поспешил за ней и вскоре тоже скрылся из виду. Тогда я покинул укрытие в тростниках и подошел к двери. В узелке на крыльце оказались два одеяла из мягкой шерсти гуанако и немного вяленого мяса, завернутого в чистую тряпицу. Мясо я спрятал в ташку, а одеяла свернул скаткой и перекинул через плечо.

Воздух после дождя был чист и свеж, а при мысли о том, что убожество каменной хижины и запахи дыма с едой вскоре останутся позади, на душе сделалось необычайно легко. Заглянув в дом, я окинул взглядом черную кляксу засохшей крови альзабо и обломки кресла. Стол Касдо сдвинула на прежнее место, а Коготь, так тускло мерцавший на нем, не оставил на столешнице ни следа.

Не обнаружив внутри ничего стоящего, я вышел за порог, затворил дверь и направился следом за семейством Касдо. Простить ее, оставившую меня без света во время схватки с альзабо, я, разумеется, не простил – осветить комнату она без труда могла бы, попросту опустив лампу вниз, сквозь проем люка, но и сверх меры винить Касдоза то, что та приняла сторону Агии, совсем одной среди суровых, неумолимых ликов гор в ледяных венцах, не мог; ну а старик и мальчишка, уж точно ничем передо мною не провинившиеся, были по крайней мере настолько же беззащитны, как и она.

Тропа оказалась столь мягкой, что я в буквальном смысле этого слова шел по их следу, отчетливо различая впереди небольшие отпечатки ног Касдо, а рядом – цепочку еще меньших следов мальчугана, на каждый ее шаг делавшего по два, и следы заметно косолапившего старика. Шагал я неспешно, чтоб не нагнать их, и, понимая, что путь мой с каждым шагом становится все опаснее, надеялся вовремя заметить солдат архонта, если встречный патруль остановит их для допроса. Выдать меня Касдо не сможет: любые правдивые сведения, которые она изложит димархиям, только собьют их с моего следа, а если поблизости окажется все тот же альзабо, его я рассчитывал услышать либо почуять, прежде чем он нападет, – в конце концов, оставлять его дичь без защиты я клятв не давал, обещал лишь не отслеживать его и не оставаться в доме.

Должно быть, путь, которым мы шли, был обычной звериной тропой, расширенной Беканом: вскоре тропа исчезла. Окрестности казались вовсе не такими суровыми, как выше уровня

леса. Южные склоны нередко покрывал ковер из крохотных папоротников пополам с мхом, а за вершины утесов цеплялись корнями сосны и кедры. Почти все время откуда-нибудь неподалеку слышался шум падающей воды. Текле в мой голове вспомнилось очень похожее место, куда она как-то раз ездила на пленэр в сопровождении учителя рисования и пары кряжистых, грубоватых телохранителей. У меня тут же возникло ощущение, будто я вот-вот набреду на мольберт, палитру и неопрятный этюдник с кистями и красками, позабытый возле какого-нибудь водопада, когда скрывшееся солнце прекратило играть в его брызгах.

Разумеется, ничего подобного мне в пути на глаза не попало; около полудюжины страж я вовсе не видел вокруг каких-либо признаков присутствия человека. К следам семейства Касдо прибавились отпечатки оленьих копыт, а дважды я замечал цепочки кургузых, округлых следов лап одного из крупных рыжих котов, охотящихся на оленей. Без сомнения, эти следы были оставлены на заре утра, когда дождь прошел.

Спустя еще какое-то время я увидел впереди вереницу следов, оставленных босыми ступнями значительно больше ступней старика. Правду сказать, каждый не уступал величиной отпечатку подошвы моего сапога, а шагал тот, кто оставил их, даже шире, чем я. След незнакомца пересекал следы семейства Касдо под углом, однако, судя по отпечатку, оставленному поверх отпечатка ступни мальчишки, проходил здесь после них, но до меня.

Ускорив шаг, я поспешил вперед.

Поначалу мне думалось, будто следы оставлены каким-нибудь автохтоном, хотя я в первый же миг удивился ширине его шага: как правило, эти горные дикари невелики ростом. Если то вправду был автохтон, встреча с ним Касдо и прочим ничем особенным не угрожала, хотя с него вполне стало бы поживиться ее поклажей. Из слышанных мною рассказов об автохтонах окрестных гор явствовало, что они – великолепные охотники, но отнюдь не воинственны и не кровожадны.

Вскоре путь мой снова пересекли отпечатки босых ног. К первому из незнакомцев присоединилось еще по крайней мере двое, если не трое.

Окажись это дезертиры из армии, дело могло обернуться совсем по-иному: именно они и их женщины составляли около четверти всех заключенных Винкулы, и многие угодили туда за самые зверские преступления. Вдобавок дезертиры наверняка должны быть неплохо вооружены... но и одеты-обуты, на мой взгляд, тоже – не босиком же пускаться в бега!

Впереди показался крутой подъем. На земле появились борозды, оставленные посохом Касдо, и сломанные ветки, за которые путники – и, вероятно, их преследователи – хватались, карабкаясь вверх. Тут мне пришло в голову, что старик, по всей видимости, уже изрядно устал, однако дочери, как ни удивительно, до сих пор удается вести его вперед. Возможно, ему, а то и всем троем, уже известно о погоне?

Приближаясь к гребню возвышенности, я услышал залиvistый собачий лай, а затем (в тот момент это казалось едва ли не эхом минувшей ночи) – дикий вопль без слов, только вовсе не жуткий, наполовину человеческий крик альзабо. Такие крики я много раз слышал в прошлом – порой издали, лежа в койке по соседству с Рохом, порой же вблизи, относя пищу клиентам и подмастерьям, дежурившим в наших подземных темницах. Крик этот в точности, в каждой нотке, повторял крики одного из клиентов с третьего уровня, одного из тех, кто утратил дар осмысленной речи, отчего их – из практических соображений – более не выводили наверх, в пыточную.

Все это были зоантропы – те самые, которыми вздумалось нарядиться некоторым из приглашенных вместе со мною на ридотто к Абдиесу. Поднявшись на гребень, я разглядел их так же отчетливо, как и Касдо с отцом и сыном. Людьюми их, конечно, не назовешь, но издали они вполне могли сойти за обнаженных людей, вдвевшись, сутулясь, подпрыгивая на полусогнутых ногах, окружавших кольцом троих путников. Я снова ускорил шаг, но тут же увидел, как один из них взмахнул дубинкой, и старик упал наземь.

Тут я замешкался, и остановил меня вовсе не испуг Теклы, а мой собственный страх.

Возможно, с людьми-обезьянами в руднике я дрался отважно, однако в то время у меня не было иного выхода. Не дрогнул я и в схватке с альзабо, но там тоже некуда было бежать, кроме как в темноту, где меня ждала верная гибель.

Сейчас выбор у меня был, и я подался назад.

Живущая в диких горах, не зная о зооантропах Касдо не могла, хотя, возможно, ни разу прежде с ними не сталкивалась. Заслонив собою мальчишку, вцепившегося в ее юбку, она взмахнула посохом, будто саблей. Казалось, ее невнятный, резкий, пронзительный крик, перекрывая вопли зооантропов, доносится откуда-то издалека. Меня охватил ужас, знакомый всякому, кто видел подвергнувшуюся нападению женщину, однако вместе с ним (а может, таясь за ним) в голове промелькнула еще одна мысль: на сей раз ей, не пожелавшей драться вместе со мной, придется драться в одиночку.

Продлиться долго схватка, разумеется, не могла. Подобные твари либо пугаются и бегут сразу, либо их вовсе ничем не отпугнуть. Увидев, как один из зооантропов выхватил посох из рук Касдо, я обнажил «Терминус Эст» и побежал вниз, к ней. Тем временем один из обнаженных сбил ее с ног и швырнул наземь, готовясь (как мне подумалось) учинить над нею насилие.

И тут из-за деревьев по левую руку от меня стрелой вылетел зверь огромной величины. Мчался он с такой быстротой, что поначалу я принял его за дестрие рыжей масти, неоседланного и без седока, и только увидев его клыки, услышав отчаянный визг одного из зооантропов, узнал в нем альзабо.

Уцелевшие зооантропы навалились на него гурьбой. Вздывавшиеся и опадавшие навешивая их дубинок из железного дерева на миг приобрели гротескное сходство с головами кормящихся кур, клюющих рассыпанную для них по двору кукурузу. Затем один из зооантропов, отброшенный прочь, взлетел в воздух. Казалось, его обнаженное тело обернуто алым плащом.

К тому времени, как в схватку вступил и я, альзабо был повержен, а мне тут же сделалось не до него. «Терминус Эст» запел, описывая надо мной круг. За первым из обнаженных упал второй, а возле самого моего уха – так близко, что я смог расслышать звук рассекаемого воздуха – просвистел камень величиною с кулак. Попади он в цель, тут бы мне и конец.

Однако на этот раз со мною сражались не люди-обезьяны из заброшенного рудника, столь многочисленные, что одолеть их в конечном счете никому не по силам. Одного из зооантропов я, почувствовав, как подается, скрежещет по лезвию каждое рассекаемое ребро, разрубил от плеча до бедра, а еще одному с маху раскроил череп.

Наступившую после этого тишину нарушали лишь всхлипывания мальчишки. На горном лугу распростерлись семеро зооантропов; по-моему, с четверыми покончил «Терминус Эст», а с тремя другими – альзабо, так и не выпустивший из зубов мертвого тела Касдо (причем голову и плечи он, несмотря ни на что, успел сожрать). Неподалеку, точно смятая тряпичная кукла, лежал старик, некогда знавший Фехина. Пожалуй, сей знаменитый художник превратил бы его гибель в настоящее чудо, показав ее с точки зрения, которой никому другому не отыскать ни за что, а в проломленной голове воплотил бы все величие и всю тщету человеческой жизни... но, увы, Фехина рядом не оказалось. Подле старика распластался в траве пес с окровавленной мордой, а маленький Севериан...

Я огляделся в поисках мальчишки. К немалому моему ужасу, он, съездившись, жался к спине альзабо. Несомненно, тварь эта окликнула его отцовским голосом, и мальчуган послушно пошел на зов. Задние лапы зверя конвульсивно дрожали, глаза были закрыты. Стоило мне взять мальчишку за плечо, из пасти альзабо, словно собравшегося лизнуть его руку, вывалился язык – куда шире и толще бычьего, затем плечи зверя содрогнулись с неистовством, заставившим меня невольно отпрянуть назад, а язык, так и не втянутый в пасть, безвольно обмяк, тряпкой упал на траву.

– Все кончено, малыш Севериан, – сказал я, оттащив мальчишку от зверя. – С тобой все в порядке?

Мальчишка кивнул и заплакал. Долгое время пришлось мне рассказывать из стороны в сторону, качая его на руках.

Какое-то время я размышлял, не воспользоваться ли Когтем, хотя в доме Касдо он изрядно меня подвел, причем уже не впервые. Однако пусть даже Коготь не подведет – как знать, каким окажется результат? Даровать новую жизнь зооантропам или альзабо мне ничуть не хотелось, а какой жизнью можно одарить обезглавленный труп Касдо? Что же до старика, он и так сидел у порога смерти, а теперь умер, и умер быстро. Скажет ли он мне спасибо, вернувшись назад только затем, чтобы вновь умереть через год-другой?

Камень сверкнул в луче света, но вспышка его оказалась обычным солнечным зайчиком, а вовсе не светом Миротворца, противосияния Нового Солнца, и я убрал Коготь в ладанку. Мальчишка не сводил с меня круглых от изумления глаз.

«Терминус Эст» оказался в крови по самую гарду и даже более. Усевшись на ствол упавшего дерева, я вычистил его кусками гнилой древесины, заново наточил и смазал клинок и все это время раздумывал, что делать дальше. Зооантропы с альзабо несколько меня не заботили, но оставлять тела Касдо и старика на поживу зверью казалось низостью.

Возражало против этого и благоразумие. Что, если сюда явится еще один альзабо и, набив брюхо мясом Касдо, отправится в погоню за мальчишкой? Однако выбор у меня был небогат. Тела можно было отнести назад, в дом, но от дома мы отделились изрядно. Вдобавок нести разом оба тела я не мог, а оставленное без присмотра, любое из них наверняка не дожидется моего возвращения в целости и сохранности. Привлеченные множеством пролитой крови, в небе над головой уже кружили стервятники-тераторнисы, не уступавшие шириной распростертых крыльев грота-рею каравеллы.

Некоторое время я пробовал землю вокруг в поисках места, где мог бы выкопать яму посохом Касдо, но в итоге отнес оба тела к каменистому берегу ближайшего ручья и там соорудил над ними кайрн. Под кайрном им, согласно моим надеждам, предстояло пролежать почти год, до таяния снегов, пока, где-нибудь незадолго до пира в честь Дня святой Катарины, талые воды не унесут кости отца с дочерью прочь.

Малыш Севериан, поначалу лишь наблюдавший за мной, тоже принялся класть в незаконченный кайрн камни поменьше, а когда мы спустились к ручью, смыть пот и пыль, спросил:

– Ты – мой дядя, да?

– Я – твой отец, – отвечал я. – По крайней мере, пока. Оставшемуся без отца малышу вроде тебя непременно нужен новый отец, так что быть нам с тобой теперь вместе.

Мальчишка, кивнув, глубоко о чем-то задумался, а я неожиданно вспомнил о том, как всего-то две ночи назад видел во сне мир, где все люди, будучи потомками одной и той же пары колонистов, считали себя кровными братьями. Не зная имен родной матери и отца, я вполне мог оказаться в родстве с этим мальчуганом, носившим то же самое, мое имя, и, если уж на то пошло, с любым из встречаемых. Привидевшийся во сне мир служил основой зданию всего моего существа. Жаль, не могу описать, сколь серьезны были мы оба там, у смешливого горного ручейка, сколь торжественным, чистым выглядел маленький Севериан с мокрыми щеками, с искристыми капельками воды в густой бахrome ресниц, окаймлявших огромные круглые глаза...

XVIII. Два Севериана

Через силу, по самое горло напившись воды из ручья, я велел мальчишке сделать то же: в горах, дескать, много безводных мест и, может быть, снова напиться мы сможем лишь завтра утром. В ответ он спросил, не пойдём ли мы домой, но я, хоть до тех пор и планировал вернуться назад, к хижине, принадлежавшей Бекану с Касдо, сказал, что нет, так как прекрасно знал, каким ужасом обернется для него возвращение под знакомую крышу, к родительскому полю и огородику, только затем, чтоб оставить все это снова. В такие-то годы с него вполне стало бы даже вообразить, будто отец с матерью, и сестренка, и дед каким-то непостижимым образом окажутся дома.

Однако продолжать спуск тоже было нельзя: мы и без того спустились изрядно ниже той высоты, где мне не угрожала опасность. Рука архонта достанет беглеца за сотню лиг от Тракса и даже дальше, тем более что Агия при первом же удобном случае наведет димархией на мой след.

На северо-востоке тянулась к небу высочайшая из всех горных вершин, какие мне когда-либо доводилось видеть. И голову, и плечи ее укрывала снежная мантия, спускавшаяся почти до самого пояса. Пожалуй, не только я, но и никто иной из ныне живущих не смог бы сказать, чей гордый лик взирает на запад, поверх голов других, не столь высоких гор, но обладатель его, несомненно, правил в самые ранние из величайших дней человечества, повелевая силами, коим и самый твердый гранит покоряется, как дерево – ножу резчика. Глядя на его образ, нетрудно было поверить, что даже самые черствые, огрубевшие сердцем димархии, изучившие дикие горы точно собственные пять пальцев, замрут перед ним в благоговении. К нему мы с Северианом и двинулись – вернее сказать, не столько к нему, сколько к высокогорному перевалу, соединявшему складки его мантии с горой, на которой Бекан когда-то выстроил дом. Поначалу склоны были не слишком круты, и мы куда чаще шли, чем карабкались вверх.

Маленький Севериан нередко держал меня за руку, даже когда не нуждался в помощи. Я в возрастах детей разбираюсь неважно, но, на мой взгляд, как раз в эти годы – другими словами, овладев речью настолько, чтобы вполне понимать услышанное и без запинки излагать собственные мысли, – наши ученики впервые входят в класс мастера Палемона.

Добрую стражу, а то и больше, он не сказал ни слова, кроме того, о чем я уже упоминал, однако затем, во время спуска по ровному травянистому склону, окаймленному сосняком, очень похожему на место гибели матери, спросил:

– Севериан, а кто были эти люди?

О ком речь, я понял без уточнений.

– Они вовсе не люди, хотя когда-то были людьми и до сих пор с людьми схожи. Называются эти создания зоантропами – словом, означающим «звери, подобные человеку». Понимаешь?

Мальчишка серьезно кивнул и задал новый вопрос:

– А почему они голыми ходят?

– Потому что они больше не люди, как я уже говорил. Пес рождается псом, птица рождается птицей, а вот стать человеком – немалое достижение, о чем тебе еще придется крепко подумать. Впрочем, над этим ты, малыш Севериан, уже думаешь по меньшей мере три, а то и четыре года, хотя, возможно, сам того не замечаешь.

– А пес только ищет, чего бы сожрать, – заметил мальчишка.

– Именно. Но тут возникает вопрос, следует ли понуждать человека к подобным раздумьям, и кое-какие особы давным-давно решили, что нет. Порой мы заставляем пса вести себя как человек – ходить на задних лапах, носить ошейник и тому подобное. А вот заставлять

человека вести себя как человек мы не вправе, да и не по силам это никому. Скажи, хотелось ли тебе когда-нибудь взять да уснуть? Хотя и спать не хочется, и даже нисколько не устал?

Мальчишка кивнул.

– Это оттого, что тебе хотелось немного отдохнуть от груза человеческого, мальчишеского бытия. Бывает, я выпиваю слишком много вина, и причиной тому то же самое – желание на время перестать быть человеком. По той же причине некоторые вовсе лишают себя жизни. Тебе об этом известно?

– Или затевают такое, что до беды может довести, – откликнулся малыш Севериан.

Тон его намекал на подслушанные споры родителей: весьма вероятно, именно к таким людям относился и Бекан, иначе ему вряд ли пришлось бы на ум тащить семью в столь отдаленные, столь опасные для человека места.

– Верно, – подтвердил я. – Порой это одно и то же. А люди определенного склада – и мужчины, и даже женщины – проникаются ненавистью к бремени разума, но к смерти их не влечет. Глядя на животных, они проникаются желанием стать такими же, подчиняться только инстинктам и ни о чем не задумываться. Знаешь, малыш Севериан, что заставляет тебя думать?

– Голова, – без промедления ответил мальчишка, стиснув виски ладонями.

– Но у животных – даже у самых глупых, вроде раков, волов или клещей, – тоже есть головы. То, что заставляет тебя думать, есть лишь малая часть твоей головы, а находится она здесь, внутри, несколько выше глаз, – сказал я, коснувшись пальцем его лба. – Если тебе по какой-то причине понадобится избавиться от одной из рук, за этим можно обратиться к умельцам, обученным хирургическому ремеслу, – на свете таких существует немало. К примеру, если твоя рука повреждена так, что никогда не заживет, эти люди отделят ее от тела без особого вреда для всего остального.

Мальчишка кивнул в знак понимания.

– Прекрасно. Таким же манером те же самые люди могут вынуть из головы невеликую ее часть, заставляющую тебя думать, а вот поместить вынутое назад им, сам понимаешь, уже не по силам. А если кто-то и смог бы, оставшись без этой части, ты просто не сумеешь о том попросить. Однако некоторые люди платят этим умельцам за то, чтобы эту часть вынули. Им хочется избавиться от способности думать навсегда: нередко они говорят, что хотят отвернуться от всего совершенного человечеством. После этого считать их людьми уже несправедливо, так как они превращаются в животных – в зверей, похожих на человека только с виду. Вот ты спросил, отчего они ходят голыми. Они просто не понимают, что такое одежда, а потому и не надевают ее, даже если очень замерзнут, хотя могут улечься на груды одежды или даже закутаться в нее.

– А ты тоже немного такой, как они? – спросил мальчишка, указав на мою обнаженную грудь.

Подобных мыслей мне никогда прежде в голову не приходило, и вопрос малыша Севериана застал меня врасплох.

– Так заведено в нашей гильдии, – пояснил я. – Из моей головы, если ты об этом, никто ничего не вынимал, и рубашки я прежде носил... Но – да, наверное, я вправду немного такой, как они, потому что никогда об этом не задумывался, даже если очень замерзну.

Судя по выражению лица мальчишки, его подозрения подтвердились.

– Поэтому ты и убегаешь из города?

– Нет, убегаю я не поэтому. Со мной, можно сказать, все наоборот. Возможно, эта часть моей головы выросла слишком большой. Однако насчет зооантропов ты прав: они в горах именно оттого. Становясь зверем, человек становится зверем опасным – из тех, которым не место в населенных местах, там, где фермы и много людей. Поэтому их гонят сюда, в горы. Кое-кого вывозят в эти места старые друзья, а некоторые, прежде чем навсегда отрешиться от человеческого разума, нанимают кого-нибудь. Конечно, немного думать они еще могут, как любые животные. Достаточно, чтоб прокормиться в глуши, хотя каждую зиму гибнут зооантропы во

множестве. Достаточно, чтобы швыряться камнями, как обезьяны – орехами, и драться дубинками, и даже приносить добычу спутницам жизни, так как среди них, о чем я уже поминал, есть и особы женского пола. Однако их сыновья с дочерьми редко живут подолгу, и это, думаю, к лучшему: ведь рождаются-то они точно такими же, как ты и я, отягощенными бременем разума.

К концу разговора помянутое бремя изрядно отяжелело, и под его тяжестью я впервые в жизни поверил, что способность мыслить вправду может казаться людям столь же великим проклятием, как мне – безупречная память.

Я в жизни не отличался особым чувством прекрасного, но в эти минуты необычайная красота неба и горных склонов расцвечивала мои раздумья так, что вскоре мне показалось, будто я вот-вот постигну нечто непостижимое. Явившийся мне после первого представления пьесы доктора Талоса (сути его появления я в то время не понял и не могу понять до сих пор, однако все крепче убеждаюсь, что мне оно отнюдь не почудилось), мастер Мальрубий завел разговор об основах правления, хотя вопросы правления и подчинения нимало меня не беспокоили. Теперь же меня осенило: ведь сама воля также подчинена если не разуму, то неким сущностям ниже одного либо выше. Вот только сказать наверняка, с какой стороны от разума находятся эти сущности, было непросто. Инстинкт, разумеется, ниже... но разве не может он также становиться превыше разума? Альзабо, бросившемуся на зооантропов, инстинкт велел защитить от соперников свою добычу; Бекана же, сделавшего то же самое, инстинкт, надо думать, подвиг на защиту жены и сына. Между тем деяние оба совершили одно и то же и, мало этого, в одном и том же теле. Неужто высший и низший инстинкты шли за спиной разума рука об руку? А может, за всем нашим разумом кроется только один инстинкт и разум просто видит его под разным углом?

Но в самом ли деле инстинкт – нечто сродни «преданности персоне правителя», каковая, согласно намеку мастера Мальрубия, есть и нижайшая, «ранняя», и высшая среди основ правления? Ведь, ясное дело, не мог же инстинкт возникнуть из ниоткуда, по волшебству: вот, скажем, ястребы, парящие над нашими головами, вьют гнезда, без сомнения, инстинктивно, однако в прошлом непременно должны найтись времена, когда гнезд они еще не вили, и первый ястреб, свивший таковое, не мог унаследовать данный инстинкт от родителей, поскольку те им не обладали. Не мог подобный инстинкт выработаться и постепенно – дескать, вначале тысяча поколений ястребов приносила к месту гнездовья по одному прутику, и только после некий ястреб принес два – так как ни от одного, ни от двух прутиков гнездящимся ястребам нет ни малейшего проку. Возможно, высшая и в то же время низшая меж основ правления волей есть нечто, предшествовавшее инстинкту... а может, и нет...

Кружащие в вышине птицы выписывали на фоне неба замысловатые письмена, но предназначались они вовсе не мне.

Приближаясь к седловине, соединявшей гору с другой, куда выше, о величии коей я уже рассказывал, мы словно бы пересекали лик самой Урд вдоль линии, тянувшейся от полюса до экватора, а огромная впадина, по склону которой мы с Северианом ползли, словно два муравья, вполне могла показаться поверхностью сферы мира, вывернутой наизнанку. Впереди и позади нас тянулись вдаль и вверх обширные, сверкавшие на солнце снежные поля. Под ними, точно берега скованного льдами южного моря, простирались каменистые склоны. Еще ниже зеленели поросшие жесткой травой луга в крапинках диких горных цветов, и я, прекрасно помнивший те, над которыми проходил накануне, различил сквозь голубоватую дымку их полосу, украшавшую грудь горы впереди, словно зеленый аксельбант, – залитые ярким солнцем, сосны под нею казались угольно-черными.

Седловина, куда мы спускались, оказалась совсем не такой: обширное дно ее сплошь покрывали густые заросли горного леса. Поросшие глянцевитой листвой, деревья тянули чах-

лые кроны на три сотни кубитов ввысь, вслед угасавшему солнцу. Среди них, поддерживаемые живыми, возвышались их умершие братья в колышущихся на ветру погребальных пеленах из лиан. Вблизи от небольшого ручейка, у которого мы остановились на ночлег, растительность уже утрачивала горную деликатность, приобретая некоторое сходство с пышной зеленью низменностей. Здесь получивший возможность отвлечься от ходьбы и карабканья по кручам маленький Севериан ткнул пальцем в сторону седловины и спросил, пойдём ли мы туда, вниз.

– Завтра, – ответил я. – Скоро стемнеет, а сквозь эти джунгли лучше бы идти днём.

Услышав слово «джунгли», мальчишка вытаращил глаза:

– А там опасно?

– Сказать по правде, не знаю. Судя по тому, что я слышал в Траксе, москитов там куда меньше, чем в предгорьях, да и кровососущие летучие мыши нам, скорее всего, докучать не будут – кое-кого из моих друзей такие кусали; говорят, ощущения не из приятных. Однако там живут огромные обезьяны, и хищные кошки, и так далее...

– И волки?

– И волки, конечно же. Только волки водятся и здесь, наверху. И на высоте твоего дома, и даже гораздо выше.

Помянув дом мальчишки, я тут же прикусил язык, но было поздно: изрядная доля не так давно вернувшейся к нему жизнерадостности исчезла, как не бывало. На время он глубоко о чем-то задумался, а после сказал:

– Когда эти люди...

– Зооантропы, – поправил я.

– Когда эти зооантропы пришли и напали на маму, ты прибежал к нам на помощь сразу же, как только смог?

– Да, – подтвердил я. – Сразу же, как только... смог.

В каком-то смысле это было правдой, однако на сердце заскребли кошки.

– Ладно, – сказал мальчишка, укладываясь на краю расстеленного мной одеяла, а я прикрыл его другим краем. – А звезды ярче становятся, верно? Всегда ярче становятся, когда солнце уйдет.

Улегшись рядом, я поднял взгляд к небу.

– На самом деле оно никуда не уходит. Урд просто отворачивает от него лик, вот мы и думаем, будто солнце ушло. Если ты от меня отвернешься, я тоже никуда не исчезну, хоть для тебя и стану не виден.

– Но если солнце на своем месте, отчего звезды светятся ярче?

Судя по тону, малыш Севериан был страшно доволен собственной находчивостью в споре, и я, чувствуя не меньшее удовольствие, понял, отчего мастер Палемон так любил разговаривать со мной в его годы.

– Под ярким солнцем, – заговорил я, – пламя свечи становится почти невидимым, вот и звезды – на самом-то деле такие же солнца – словно бы тускнеют таким же образом. Согласно картинам, написанным в древние времена, когда наше солнце светило намного ярче, звезд было не разглядеть до самых сумерек. А в старинных легендах – у меня в ташке хранится книга, где многие из них пересказаны, – полным-полно волшебных созданий, медленно исчезающих и точно так же медленно появляющихся. Несомненно, все эти сказки наши предки слагали, глядя на звезды.

– Вон Гидра, – сказал малыш Севериан, ткнув пальцем в небо.

– Думаю, ты прав, – согласился я. – А другие созвездия знаешь?

Мальчишка отыскал в небе Крест и Великого Тельца, а я показал ему Амфисбену и еще с полдюжины фигур.

– А вон там, чуть выше Единорога, – Волк. Есть еще и Малый Волк, но что-то мне его не найти.

Волчонка мы нашли вместе, у самого горизонта.

– Совсем как мы с тобой, правда? Большой Волк и Малый Волк. А мы с тобой – два Севериана, большой и маленький.

С этим я согласился, и мальчишка еще долго разглядывал звезды, жуя полученный от меня кусок вяленого мяса.

– А где та книга со сказками? – наконец спросил он.

Я показал ему книгу.

– У нас тоже книга была. Мама ее нам с Северой читала.

– Севера была тебе сестренкой, верно?

В ответ он кивнул.

– Мы были близнецы. Двойняшки. Большой Севериан, а у тебя сестры были?

– Не знаю. Вся моя семья погибла. Погибла, когда я был совсем маленьким, куда младше тебя. Тебе какие сказки больше по нраву?

Мальчишка попросил позволения посмотреть книгу, а получив ее, перевернул несколько страниц и отдал мне.

– Совсем не такая, как наша.

– Я так и полагал.

– Погляди, нет ли там сказки о мальчике, его лучшем друге и брате-близнеце. Там еще волки должны быть.

Я принялся быстро листать страницы, скользя взглядом по строчкам наперегонки с угасающим светом.

XIX. Сказка о мальчике по прозвищу Лягушонок

Часть первая. Раннее Лето и ее сын

Некогда, в давние-давние времена, на вершине горы вдали от берегов Урд жила да была красавица по имени Раннее Лето. Была она королевой своей страны, но король ее был человеком суровым, немилосердным, а оттого, что Раннее Лето ревновала его, ревновал королеву тоже и казнил смертью всякого, кого ни примет за ее возлюбленного.

Однажды гуляла Раннее Лето в саду и увидала прекраснейший из цветков совершенно незнакомой ей разновидности. Был он алее и пах куда слаще любой розы на свете, однако на прочном, гладком, точно слоновая кость, стебле цветка не нашлось ни единой колючки. Сорвав цветок, королева унесла его в укромное место, улеглась на траву полюбоваться им, и мало-помалу цветок показался ей совсем не цветком, а юношей, именно таким, какого она и желала – стройным, сильным, нежным, как поцелуй. Некие соки цветка проникли в чрево ее, и сделалась королева непраздна, однако королю сказала, что дитя зачала от него, и супруг ей поверил, поскольку стража приглядывала за королевой и день и ночь.

В положенный срок родился у нее мальчик, согласно желанию матери нареченный Вешним Ветром. Ко дню его появления на свет король собрал во дворце всех изучающих звезды – не только ученых жителей вершины горы, но и величайших волхвов Урд, – дабы те сообща составили для него гороскоп. Долго корпели они над картами, девять раз собирались на тайный, закрытый для посторонних конклав и, наконец, объявили, что в битве Вешний Ветер будет неодолим, и ни одно рожденное от него дитя не умрет, пока не вырастет взрослым, и король остался сими пророчествами весьма доволен.

Шло время, Вешний Ветер рос, и мать его с затаенной радостью отмечала, что более всего на свете сыну нравится растить цветы да фрукты. Любая былинка в его руках цвела пышным цветом, а лучшим на свете мечам он неизменно предпочитал прививочный нож. Однако, когда он вошел в силу, в стране их началась война, и юный Вешний Ветер взялся за копье и щит. Нравом он был тих, во всем повиновался королю (коего почитал отцом, а тот в своем отцовстве тоже нимало не сомневался), и посему многим подумалось, будто пророчество окажется лживым. Не тут-то было! В самом разгаре битвы он сохранял хладнокровие, рисковал с умом, осторожничал без боязни; ни одному генералу не приходило в голову столько стратегических замыслов и военных хитростей, сколько ему, и ни один офицер не нес службы усерднее. Прекрасно вымуштрованные солдаты, ведомые им на врагов короля, казались людьми из бронзы, движимыми внутренним пламенем, а верны ему были так, что последовали бы за ним даже в Мир Теней – в земли, лежащие дальше всех прочих от солнца. Вскоре начали люди говорить: Вешний Ветер-де рушит башни, Вешний Ветер опрокидывает корабли, – хотя Раннее Лето подобного вовсе не ожидала. И так уж вышло, что по делам военным Вешнему Ветру приходилось частенько навещать Урд, где познакомился он с двумя братьями, королями. У старшего имелось около полудюжины сыновей, у младшего же – единственная дочь, девочка по имени Птица Лесная. Когда девочка подросла и вошла в пору зрелости, отец ее был убит, а дядюшка, дабы она никогда не родила сыновей, наследников отцовского трона, вписал ее имя в реестр жриц-девственниц. Поступок сей вверг Вешнего Ветра в крайнее недовольство, так как принцесса была красавицей, а отец ее – его добрым другом. И вот однажды, отправившись на Урд в одиночку, увидел он там Птицу Лесную, спящую у ручья, и разбудил ее поцелуями.

Совокупившись, зачали они двоих сыновей, а прочие жрицы ордена помогли Птице Лесной скрыть от посторонних глаз рост близнецов в ее чреве от дядюшки, нового короля, однако рожденных младенцев спрятать уже не могли. Не успела Птица Лесная взглянуть на них, как

жрицы уложили братьев в лукошко для веяния зерна, устланное одеялами в узорах из перьев, отнесли к тому самому ручью, где неожиданно встретил ее Вешний Ветер, и пустили лукошко в воду, вниз по течению.

Часть вторая. Как Лягушонок нашел новую мать

Далеко поплыло лукошко то – и пресной водой, и соленой. Другие младенцы погибли бы в пути, но сыновья Вешнего Ветра не могли умереть, так как еще не выросли взрослыми. Морские чудища в броне панцирей плескались вокруг лукошка, огромные обезьяны швыряли в него палками да орехами, но лукошко как ни в чем не бывало плыло себе вперед, пока, наконец, не приблизилось к берегу там, где две бедных сестры стирали белье. Увидев его, добрые женщины закричали, а когда на крик их никто не откликнулся, заткнули подола юбок за пояс, вошли в реку и вытащили лукошко на берег.

Нарекли мальчиков, принесенных водой, Рыбкой и Лягушонком, а когда сестры показали обоим мужьям и всем сделалось очевидно, что оба они – малыши отменной силы и красоты, каждая из сестер взяла одного себе. Сестра, выбравшая Рыбку, была женой пастуха, а муж сестры, выбравшей Лягушонка, рубил лес на продажу.

Сестра та взялась заботиться о Лягушонке как о родном и кормить его собственной грудью: волею случая она недавно потеряла новорожденное дитя. Когда муж ее отправлялся рубить дрова в дикой чаще, она несла малыша за спиной, привязанного платком; оттого-то сказители, ткачи преданий, и называют ее сильнейшей женщиной на свете, ибо она несла на спине – ни много ни мало – империю.

Так миновал год. К концу его Лягушонок выучился твердо стоять на ногах и делать по паре шагов. Однажды вечером дровосек с женой сидели у костерка на поляне среди дремучего леса, и, пока жена дровосека готовила ужин, нагой Лягушонок подошел к костерку и остановился погреться возле огня. Тогда лесоруб, кражистый, добродушный силач, спросил его:

– Нравится?

А Лягушонок, хотя никогда прежде не говорил, кивнул и ответил:

– Красный Цветок.

Говорят, в тот самый миг Раннее Лето востепенулась под одеялом на вершине горы, за пределами берегов Урд.

Дровосек с женой окаменели от изумления, но времени, чтоб обсудить друг с другом случившееся, либо вытянуть из Лягушонка еще что-нибудь, либо хоть вообразить, как да что расскажут после, при встрече, пастуху с женой, у них не оказалось. Из чащи недалеко от поляны донесся ужасающий клич – те, кто слышал его, утверждают, будто ничего более устрашающего не услышать на всей Урд. Названия у него нет, так как из слышавших этот клич в живых остались считанные единицы, однако похож он отчасти на гудение пчел, отчасти на мяуканье кошки величиною с корову, отчасти же – на горловой гул, с коего начинают обучение чревовещанию, исходящий словно бы разом отовсюду. То была песнь смилодона, подкравшегося вплотную к добыче, песнь, даже мастодонтов повергающая в такой ужас, что эти громады нередко пускаются бежать не в ту сторону, и враг наносит им удар со спины.

Несомненно, Вседержителю известны все тайны на свете. Вся наша вселенная есть лишь невероятно длинное слово, изреченное им, и немного из происходящего в мире происходит не по слову сему. Волею Вседержителя недалеко от костра воздвигся и холмик, накрывший гробницу, построенную в дни седой древности, и хотя бедный дровосек с женой о том даже не подозревали, именно там устроила себе дом пара волков. Дом у них вышел на славу: низкая кровля, толстые стены, галереи, освещенные зелеными лампами, свисающими с потолка среди разрушенных памятников и разбитых урн, – одним словом, все, что только волкам по сердцу. Там и сидел Отец Волк, обгладывая бедренную кость корифодона, а Мать Волчица,

жена его, прижимала к груди волчат. Услышав невдалеке пение смилодона, проклинали они его на собственном, Сером Наречии, как могут проклясть кого-либо лишь волки, ибо никто из чтущих закон зверей не станет охотиться возле дома другого охотника, а волки прекрасно ладят с луной.

– Что же за добычу такую Мясник, безмозглый убийца бегемотов, – заговорила Мать Волчица, покончив с проклятием, – мог отыскать здесь, в то время как ты, о муж мой, чующий даже ящериц, резвящихся на камнях гор далеко за пределами Урд, довольствуешься сухой костью?

– Я не питаюсь падалью, – коротко отвечал Отец Волк. – И не ищу червей в траве поутру, и не караулю лягушек на мелководье.

– Пожалуй, ради них и Мясник песни бы не завел, – рассудила его жена.

Тогда поднял Отец Волк голову, потянул носом воздух:

– Он охотится на сына Мешии с дочерью Мешианы. Сама знаешь, такое мясо на пользу никому не пойдет.

И Мать Волчица согласно кивнула, ибо и впрямь знала: из всех живых тварей лишь сыновья Мешии в отместку за убийство одного из своих истребляют всю стаю. Так повелось, потому что Вседержитель даровал им Урд, а они отвергли его щедрый дар. Завершив песнь, Мясник взревел так, что с деревьев посыпались листья, а затем завизжал, так как проклятия волков обладают особой силой, пока в небе светит луна.

– И что за беда с ним стряслась? – спросила Мать Волчица, вылизывая мордочку одной из дочерей.

Отец Волк вновь потянул носом воздух:

– Паленая шерсть! Горелое мясо! Он прыгнул напрямик в их костер!

Тут он и жена его рассмеялись – по-волчьи, беззвучно, обнажив все клыки до единого, а уши их поднялись торчком, точно шатры в пустыне: оба слушали, как Мясник ломится сквозь подлесок в поисках жертвы.

Дверь в волчий дом оставалась открытой, так как, когда хоть один из взрослых волков дома, им нет дела, кто к ним войдет, а выбраться после наружу из вошедших удастся немногим. Из-за порога струился внутрь лунный луч (луна в волчьем доме – испокон веку желанная гостья), но вдруг в доме стало темно. В дверях остановился малыш, быть может, немного напуганный темнотой, но чувший запах теплого молока. Отец Волк угрожающе заворчал, но Мать Волчица ласково, по-матерински окликнула мальчика:

– Входи, входи, маленький сын Мешии! Здесь и тепло, и чисто. Здесь найдется для тебя и молоко, и ясноглазые, быстроногие, лучшие во всем мире товарищи для игр.

Услышав это, мальчик переступил порог, и Мать Волчица, отодвинув в сторонку досыта насосавшихся молока волчат, прижала его к груди.

– Что проку нам в таком создании? – удивился Отец Волк.

Мать Волчица от души рассмеялась:

– Обсасываешь кость добычи прошлого месяца и еще спрашиваешь? Разве не помнишь, как рядом бушевала война, как воинства принца Вешнего Ветра прочесывали леса? В то время ни один из сынов Мешии не охотился на нас: все они были заняты охотой друг на друга. А после их битв из дому вышли мы – ты, я, и весь Волчий Сенат, и даже Мясник, и Тот, Кто Смеется, и Черная Смерть – и долго бродили среди мертвых да умирающих, выбирая, что пожелаем.

– Твоя правда, – согласился Отец Волк, – принц Вешний Ветер сделал нам много добра. Однако этот волчонок Мешии вовсе не он.

Но Мать Волчица лишь улыбнулась и ответила так:

– Я чую дым битвы на его коже и в шерстке его головы. – (То был дым Красного Цветка.) – К тому времени, как из врат его стены выйдет маршем первая колонна, мы с тобой станем

прахом, но эта первая породит еще тысячу, и наши дети, и их дети, и дети их детей не будут знать голода.

На это Отец Волк согласно кивнул, так как знал, что Мать Волчица куда мудрее него: если он чуял все, лежащее за пределами берегов Урд, то она ясно видела, чему суждено сбыться на будущий год, после больших дождей.

– Назову его Лягушонком, – сказала Мать Волчица, – ведь Мясник в самом деле караулит лягушек на мелководье, как ты и сказал, о муж мой.

Она полагала, будто сказала так, чтобы польстить Отцу Волку, столь охотно уступившему ее желаниям, но нет, все дело было в крови народа с вершины горы, текущей в жилах мальчишки: имена тех, в ком течет эта кровь, недолго остаются тайной.

Снаружи раздался дикий, протяжный хохот и визг Того, Кто Смеется.

– Он там, господин! Там, там, там! Вот он, след, вот, вот, вот! Сюда ведет, к двери!

– Вот видишь, – заметил Отец Волк, – что выходит, когда поминаешь зло? Назвать – значит призвать. Таков закон.

С этим он, сняв со стены меч, проверил пальцем остроту лезвия. Дверь снова заслонила тень. Проем двери был узок, ибо широкие двери ведут только в храмы да в дома глупцов, а волки были вовсе не глупы. Лягушонок закрыл собой большую часть проема, а Мясник загорлосился, развернулся боком, чтобы войти, пригнул книзу огромную голову. Из-за толщины стен дверь казалась туннелем.

– Что ты здесь ищешь? – спросил Отец Волк, лизнув боковину клинка.

– Свое и только свое, – отвечал Мясник.

Смилодоны бьются парой кривых ножей, а этот был куда крупнее Отца Волка, однако драться с ним в такой тесноте ничуть не хотел.

– Твоим оно не было никогда, – сказала Мать Волчица, опустив Лягушонка на пол и подступив к Мяснику так близко, что он мог бы ударить ее, если осмелится. Глаза Матери Волчицы сверкнули огнем: – Охотился ты не по закону, в запретном месте, на запретную дичь. Напившийся моего молока, он – волк, отныне и навсегда посвященный луне.

– Случалось мне видеть мертвых волков, – заметил Мясник.

– О да, и пожирать их трупы, хотя такой гнилью, осмелюсь предположить, погнушались бы даже мухи. Может, и мой труп сожрешь, если меня погубит упавшее дерево.

– Ты говоришь, он – волк? Тогда его полагается показать Сенату.

Мясник облизнулся, однако язык его оказался сух. Возможно, где-нибудь на просторе он и дал бы Отцу Волку бой, но затевать драку с обоими не осмеливался, да вдобавок прекрасно знал: стоит протиснуться в дверь, волки подхватят Лягушонка и унесут вниз, под землю, а там, в гробнице, в лабиринте из тесаных камней, Мать Волчица живо зайдет ему за спину.

– И какое же отношение имеешь ты к Сенату Волков? – хмыкнула Мать Волчица.

– Да уж не меньшее, чем он, – ответил Мясник и двинулся на поиски более легкой добычи.

Часть третья. Золото Черной Смерти

Волчий Сенат собирался каждое полнолуние. Являлись на него все, кто мог, так как меж волками считалось, что не явившийся замышляет измену – к примеру, намерен переменить к сынам Мешии и стеречь их скот в обмен на объедки с кухни. Всякого волка, пропустившего два Сената кряду, по возвращении ждал суд и смерть от рук Матерей Волчиц, если Сенат признает его виновным.

Волчатам тоже полагалось предстать перед Сенатом, дабы любой взрослый волк, кто пожелает, мог осмотреть малышей и удостовериться, что их отец вправду из настоящих волков. (Порой волчица назло супругу ложится с псом, а сыновья псов с виду очень похожи на

волчат, однако на их теле хоть где-нибудь да найдется белое пятнышко, ибо белый – цвет Мешии, запомнившего чистое сияние Вседержителя, и сыновья его, точно клеймо, оставляют пятнышки сего цвета на всем, к чему ни прикоснутся.)

Посему в полнолуние предстала перед Волчьим Сенатом и Мать Волчица. Волчата играли подле нее, а Лягушонки, в самом деле похожий на лягушонка, когда падавший внутрь сквозь окно лунный луч окрашивал его кожу зеленым, стоял рядышком, уцепившись за мех ее юбки. Если сидевший выше всех, на почетном месте, Президент Стаи и удивился, увидев его, сына Мешии, представшего перед Сенатом, то не повел даже ухом, а лишь взглянул на Лягушонка и запел:

Смотрите, волки, вот пять,
Что на суд привела к нам мать!
Смотрите на них поостроже! АУ-У-У!
Все ли волчата гожи? АУ-У-У!

Когда волчата предстают перед Сенатом, родители не вправе заступаться за детей, если кто в них усомнится, однако в иное время любого, посмеявшегося покуситься на них, сочтут убийцей.

– Все ли волчата гожи?! АУ-У-У!!!

Стоило отзвукам волчьего пения, отразившись от стен, достигнуть долины, сыновья Мешии принялись запирать, загораживать двери хижин, а дочери Мешианы все как одна прижали к груди собственных чад.

И тут вперед вышел Мясник, дожидавшийся своего часа за спиною последнего волка.

– Чего же вы мешкаете? – заговорил он. – Я умом не блещу, ибо слишком силен, чтоб быть умным, как всем вам прекрасно известно, но и то вижу: вот четверо волчат, а пятый вовсе не волк. Пятый – моя добыча.

– По какому такому праву он говорит здесь? – спросил Отец Волк. – Уж он-то точно не волчьего рода.

– Свидетельствовать перед Сенатом может всякий, если волк его спросит! – откликнулась разом дюжина голосов. – Говори, Мясник!

Тогда Мать Волчица, попробовав, легко ли выскальзывает из ножен меч, приготовилась к последнему бою, если дело дойдет до схватки. Сверкнувшие пламенем на мрачном лице, глаза ее казались глазами демона, ибо ангелы зачастую и есть всего-навсего демоны, заступающие врагу путь к нам.

– Ты говоришь, я не волк, – продолжал Мясник, – и говоришь верно. Как пахнет, как выглядит волк, как звучит волчий голос, известно всякому. Эта волчица признала волчонком, своим детенышем, сына Мешии, но все мы знаем: не каждый, чья мать – волчица, есть волк!

– Волк – тот, чей отец и мать волки! – крикнул Отец Волк. – Признаю этого детеныша сыном!

Вокруг рассмеялись, но когда общий смех стих, кое-кто продолжал хохотать взахлеб. Станным визгливым хохотом заливался Тот, Кто Смеется, явившийся, дабы помочь Мяснику советом перед лицом Сената Волков.

– Многие так говорили, хо-хо-хо! – выкрикнул он. – Многие, да только щенки их пошли на корм стае!

– А убивали их из-за белой шерсти, – добавил Мясник. – А у этого щенка и ее нет, только кожа, что должна быть под мехом. Как можно оставить это создание в живых? Отдайте его мне!

– В его пользу должны сказать слово двое, но не отец и не мать. Таков закон, – объявил Президент. – Кто скажет слово за этого детеныша? Может ли сын Мешии быть также волком? Найдется ли у него двое заступников, кроме отца с матерью?

Тут поднялся с места Нагой, считавшийся сенатором, как наставник юных волчат.

– Учить сыновей Мешии мне еще не доводилось, – сказал он. – Обучая его, я могу научиться чему-нибудь новому. Я за детеныша.

– Нужен еще кто-нибудь, – сказал Президент. – Нужен второй заступник.

Но все безмолвствовали. Тогда из дальнего уголка зала вперед вышел Черная Смерть. Черной Смерти боялись все без исключения, так как, пусть его плащ и мягче шерстки новорожденного волчонка, глаза его горят в ночи жаркими углями.

– Двое не принадлежащих к волчьему роду здесь уже говорили, – сказал он. – Могу вставить слово и я? У меня есть золото.

С этим Черная Смерть поднял над головой увесистый кошель.

– Говори! Говори! – откликнулся хор из ста голосов.

– Закон гласит: если в Сенате начинается спор из-за нового детеныша, жизнь этого детеныша можно выкупить, – напомнил Черная Смерть, высыпав золото в горсть.

Так за горсть золота и была куплена – ни много ни мало – империя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.